Вера Калицкая

Моя жизнь с Александром Грином

Образы былого

Образы былого

выпуск четырнадцатый

ВЕРА КАЛИЦКАЯ

МОЯ ЖИЗНЬ С АЛЕКСАНДРОМ ГРИНОМ

Воспоминания
Письма

Составление и подготовка текстов
Людмилы Варламовой, Натальи Яловой,
Дмитрия Лосева

Феодосия • Москва
Издательский дом "Коктебель"
2010

ББК 83 3Р7
К 17

Серия "Образы былого" основана в 2003 году

Редактор-издатель: *Дмитрий Лосев*
Составление и подготовка текста: *Людмила Варламова, Наталья Яловая, Дмитрий Лосев*
Комментарии: *Людмила Варламова, Наталья Яловая, Ирина Панаиоти*
Предисловие: *Лариса Ковтун*
Подбор иллюстраций: *Светлана Титова*
Куратор проекта: *Елена Светличная*
Дизайн серии: *Анатолий Шаронов*

Вера Павловна Калицкая (урожд. Абрамова, в замуж. Гриневская, 1882–1951) — первая жена выдающегося русского писателя Александра Грина (1880–1932). Их знакомство состоялось весной 1906 года в Петербурге, в тюрьме "Кресты", куда Вера Павловна пришла к политзаключенному Александру Гриневскому, назвавшись его "невестой". Эта встреча стала залогом большой любви. На их совместную жизнь пришелся непростой период становления Грина как писателя. Ей посчастливилось первой читать его произведения, многие из которых были навеяны событиями их собственной жизни.

Воспоминания Калицкой о Грине — ценный документ, раскрывающий и дополняющий биографию писателя. В настоящее издание впервые включен полный текст мемуаров. Это подробный и честный рассказ, воспроизводящий многие детали и особенности жизни писателя. Вера Павловна представила Грина таким, каким сама его чувствовала и понимала, отобразила сложные и в то же время романтические годы их совместной жизни, выразила свой взгляд на его творчество, передала напряженную атмосферу литературной жизни начала XX столетия.

Среди прочего в книгу вошла избранная переписка Веры Павловны с Александром и Ниной Грин. Большая часть писем публикуется впервые. Книга выходит в год 130-летия со дня рождения писателя.

На лицевой стороне переплета: фотопортреты Веры и Александра Гриневских 1910 г. В оформлении задней стороны переплета использованы: видовые открытки Петербурга и Феодосии нач. XX в., обложка сборника "Пролив бурь" (1913). На форзацах: Петербург, Невский проспект нач. XX в.; панорама Старого Крыма 1920-х гг.
Фронтиспис: фотопортрет В.Калицкой середины 1920-х гг.

ISBN 978-966-2902-19-8

Единственный друг

Встреча Александра Грина с Верой Абрамовой навсегда связала их имена. Судьба свела их весной 1906 года в Петербурге. Ей, молодой учительнице, участнице подпольной организации "Красный крест", было поручено навестить в тюрьме незнакомого политзаключенного Александра Гриневского. Под видом "невесты" она пришла к нему в мрачные казематы одиночной Выборгской тюрьмы.

"Сначала ты мне совсем не понравилась, — признавался позже Александр Степанович, — *но к концу свидания стала как родная". С дороги к месту ссылки он написал ей: "Я хочу, чтобы Вы стали для меня всем: матерью, сестрой и женой".*

Так и случилось. Ее доброе, отзывчивое сердце ответило взаимностью на его искреннее, нежное чувство. Вера Павловна совершила своего рода гражданский подвиг. Она не побоялась связать свою жизнь с беглым каторжником, нелегалом Гриневским, вынужденным жить под чужим именем. Отстояла перед отцом свое право быть с любимым человеком. Освободила Александра Степановича от бытовых и материальных проблем, создав ему условия для творчества. Именно ей посчастливилось стать свидетелем рождения Грина как писателя, первой читать его произведения, многие из которых были навеяны событиями их собственной жизни. И хотя настоящей семьи всё же не получилось, но доверительные, товарищеские отношения между ними сохранились навсегда.

Несколько лет Вера Павловна была его женой, а затем всю свою жизнь по-матерински опекала Александра Степановича и его вторую жену Нину Николаевну, став для них настоящим ангелом-хранителем. Спустя много лет она шутливо писала Грину: "Право, это я вымолила тебе такую хорошую жену, потому и гор-

жусь ею; береги ее, другой еще такой же не найдешь, и 2-й раз молиться не стану".

Вера Павловна продолжала оставаться его другом, надежным и "единственным", как считал сам Грин. Одно из стихотворений, посвященных Вере Павловне, он назвал "Единственный Друг"[1], в котором слово "Друг" написал с заглавной буквы. И даже после их расставания в 1913 году, выпуская через два года книгу рассказов "Загадочные истории"[2], Александр Степанович сопроводил ее словами: *"Единственному моему другу — Вере — посвящаю эту книжку и все последующие"*.

Она была человеком разносторонних интересов и талантов. Получила прекрасное образование и всю жизнь трудилась: преподавала физику и математику в гимназии, была переводчицей, химиком в лаборатории Геологического комитета; вместе со вторым мужем, профессором Казимиром Петровичем Калицким, участвовала в геологических экспедициях. А еще писала статьи, рассказы для детей, составляла биографии выдающихся людей. Ее желание заниматься литературной деятельностью Александр Степанович считал *"весьма почтенным желанием, вытекающим из чистого родника"*.

Наиболее творческим периодом в жизни В.П.Калицкой были 1925-1933 годы, когда отдельными изданиями вышли ее произведения: "Лошадь Василия Дмитриевича", "О шимпанзе, их характере и уме", "Искатели нефти", "Храбрый пастух и великий ученый" (о Л.Пастере). "Этими книгами я буквально зачитывался", — вспоминал Лев Семенович Семенов, сын рано умершей подруги Веры Павловны, считавший ее своей приемной матерью. Некоторые ее повести редактировал Самуил Яковлевич Маршак. Она была хорошо знакома с Виталием Бианки, Еленой Данько, Борисом Житковым, дружила с писателем Федором Сологубом... Литературоведу Сергею Николаевичу Дурылину она передала часть своего архива, в том числе "гриновские" материалы, поступившие впоследствии в Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С.Грина. Вера Павловна отличалась необыкновенным великодушием и некоторой долей наивности. "Она не солидна — почти как я... по-прежнему впечатлительна, как девочка", — так скажет о ней, сорокалетней, Корней Чуковский.

В 1927 году Вера Павловна задумала написать биографию Грина. Она записывала всё, что помнила, а потом при встречах просила Александра Степановича и Нину Николаевну уточнить и

---

[1] Комментарии к тексту см. на стр. 222.

дополнить написанное. Позже она написала свои воспоминания о Грине. В сокращенном варианте они были опубликованы в книге "Воспоминания об Александре Грине" (Лениздат, 1972). В настоящее издание включен полный текст ее мемуаров.

Как-то в одном из писем Александр Степанович пожелал Вере Павловне: *"Будь здорова и мужественна в испытаниях"*. На ее долю, действительно, выпало немало испытаний. Вера Павловна пережила ленинградскую блокаду, тогда же похоронила мужа. После войны, не боясь навлечь на себя беду, она — одна из немногих — помогала Нине Николаевне, находившейся в сталинских лагерях. Последнее письмо, отправленное в лагерь Нине Николаевне, датируется 16 апреля 1951 года. Спустя месяц, 18 мая, Вера Павловна ушла из жизни в возрасте 69 лет, скончавшись от инсульта. Была похоронена на Шуваловском кладбище в Ленинграде.

Значение и роль Веры Павловны в судьбе Грина не вызывают никаких сомнений. Поэтому вполне оправдано название книги: "Моя жизнь с Александром Грином"*. Это довольно подробный и честный рассказ, воспроизводящий многие детали и особенности жизни великого писателя. Вера Павловна представила Грина таким, каким она сама его чувствовала и понимала. Возможно, не всегда верно трактовала некоторые его поступки. Иногда излишне прямолинейно проводила параллель между их отношениями и героями его произведений. Но, главное, ей удалось правдиво описать сложные и в то же время романтические годы совместной жизни с Александром Грином, выразить свой взгляд на его творчество, за которым всегда пристально следила, передать напряженную атмосферу литературной жизни начала XX столетия.

Первый раздел книги включает собственно воспоминания В.П. Калицкой, второй — ее автобиографию и мемуарные очерки (глава из воспоминаний о Казимире Калицком). Третий, весьма важный и интересный раздел книги составляет избранная переписка Веры Павловны с Александром и Ниной Грин. Многие письма публикуются впервые. В четвертом разделе помещены стихи Грина, посвященные Вере Павловне и отрывок из воспоминаний Нины Николаевны.

Лариса Ковтун

---

* Книге воспоминаний своего самостоятельного названия В.П.Калицкая не дала. "Моя жизнь с Александром Грином" — это название для настоящего издания предложил редактор-издатель Д.А.Лосев.

Раздел первый
ВОСПОМИНАНИЯ

Предисловие

Я не в силах представить читателям Александра Степановича Грина в едином, выпуклом образе. Для этого у меня не хватает изобразительных средств. Надо быть крупным художником, чтобы нарисовать его противоречивый и крайне сложный облик. Но странно, что и сам он не смог или не захотел изобразить себя целиком в каком-либо из своих произведений.

Александр Степанович обладал прекрасным свойством: он превосходно отличал добро от зла или, вернее, безошибочно чувствовал, что хорошо и что дурно. Кроме того, он хорошо знал самого себя и был с собой искренен. Выявить себя целиком он не захотел, но говаривал, что его можно узнать, вчитываясь в его произведения. Это верно, хотя и не до конца. Грин только частично выявлял свои мысли, чувства и поступки в лице своих героев. И можно, мне кажется, безошибочно узнать, когда, рассказывая будто бы о своих героях, Александр Степанович говорит о себе; это чувствуется по особой твердой и честной интонации. Но в большинстве случаев он изображает только либо положительную, либо отрицательную сторону своего "я". Одинаково ошибутся как те читатели, которые примут Грина за Галиена Марка из "Возвращенного ада"[3] или за Грэя из "Алых парусов"[4], так и те, кто сочтет его только за Гинча, Пик-Мика или Ван-Конета.[5] Черты характера этих героев были одинаково присущи Александру Степановичу. Иногда он изображает себя в одном и том же произведении в лице двух или даже трех героев, например, в "Золотой цепи"[6] или в "Дороге никуда".[7]

Одной из причин, побудивших меня написать предлагаемую небольшую работу, было желание дать точную канву жизни моего первого мужа Александра Степановича Гриневского, то есть писателя А.С.Грина, потому что обычно в статьях о нем встречаются ошибки.

Эта канва составлялась следующим образом. Во время нашей совместной жизни Александр Степанович любил иногда, особенно по вечерам, вспомнить свое прошлое. Он рассказывал о себе подробно, очень серьезно и искренне. Изредка воспоминания повторялись, но всегда с прежними подробностями, что свидетельствовало об их правдивости. Говорю это не потому, что считаю возможным подозревать его в умышленной лжи. Но зная, что Грин как писатель с огромным воображением, во власти которого нередко находился, мог совершенно бессознательно прибавить к были небылицу, которая мгновенно, с яркостью почти реального видения, возникала в его воображении. Но в тихие интимные часы воображение как будто не имело власти над ним.

Много лет спустя после того, как мы расстались, и Грин со своей второй женой Ниной Николаевной уехали в Крым[8], я записала канву его биографии. В ней оказались пробелы: то я не помнила года, то чьего-нибудь имени. Чтобы исправить эти недостатки, я составила целый список вопросов. В 1927 году Александр Степанович с Ниной Николаевной приехали по делам в Ленинград и пришли навестить меня. Я предложила Грину просмотреть составленный мною список вопросов, касавшихся его биографии. Отвечая на них, Александр Степанович с видимым удовольствием вновь погрузился в воспоминания.

Вскоре Грины вновь вернулись в Крым, а я, записав все дополнения, послала Александру Степановичу тетрадь с записями[9] для проверки. Он просмотрел, кое-что добавил и вернул тетрадку мне. Эта тетрадь и дала мне материал для описания первых двадцати шести лет жизни Грина, то есть до начала нашей с ним близости.

Возможно, что невольный пересмотр собственной жизни дал ему толчок к написанию "Автобиографической повести".[10] Но "Повесть" — беллетристическое произведение, а не документ для биографов. В ней к подлинным фактам прибавлено немало и вымышленных. Названы, например, фамилии лиц и имена судов, относительно которых в изустных воспоминаниях Грин говорил, что не помнит их.

Те события, которые происходили во время нашей совместной с ним жизни, я изложила в нескольких главах по памяти. Всё дальнейшее я знаю из разговоров с Александром Степановичем, с которым мы часто виделись, или же, после того, как Грины переехали в Крым, — из их писем ко мне оттуда; письма эти сохранились.[11]

Второй причиной, заставившей меня написать воспоминания, было желание объяснить возникновение некоторых произведений

Грина, указывая на события и лица, которые породили те или иные его рассказы.

И, наконец, третьим двигающим побуждением было чувство долга. В первые годы нашей совместной жизни Александр Степанович давал мне не только много нежности, но умел и поэтизировать нашу любовь. Всё доброе, что я видела от него, твердо запечатлелось в душе и вызывает к нему чувство теплой благодарности. Оно-то и заставляет меня послужить памяти Грина, сообщая верные сведения о его жизни и творчестве.

Для того, чтобы более или менее беспристрастно изобразить Александра Степановича, я попробую рассказать те факты из его жизни, которые мне хорошо известны, и попутно привести те высказывания Грина о самом себе, какие приведены в его произведениях.

Первые 26 лет жизни Александра Грина

Степан Евсеевич, отец Александра, был родом из богатой помещичьей семьи Гриневских, имение которых находилось в Дисненском уезде Виленской губернии.[12] Но богатством родителей Степан Евсеевич пользовался недолго. Девятнадцати лет, гимназистом последнего класса, он участвовал в польском восстании[13] и был взят полицией с оружием в руках. Его сослали в Томскую губернию.[14] Вскоре Степану Гриневскому разрешили переселиться в Вятскую губернию.[15] Он был очень беден, а потому огромный путь из Томской губернии в Вятскую проделал пешком. Сначала жил, торгуя пирожками, потом поступил куда-то служить.[16] Где именно жил Степан Евсеевич в первые годы своего пребывания в Вятской губернии, Грин не помнил, но знал, что он, Александр, родился в городе Котельнич.[17] *"Когда мне было два года*, — рассказывал он, — *мои родители перевелись в Вятку.*[18] *С этим переездом связано мое первое воспоминание: я впервые увидел и навсегда запомнил ночное звездное небо"*.

В Вятке Степан Евсеевич был сначала помощником смотрителя богоугодных заведений Вятского земства. Потом, изучив счетоводство, сделался там же счетоводом, а позднее — бухгалтером. В этой должности Степан Евсеевич прослужил до своей смерти. Долгое время он получал за свою службу 60 рублей в месяц, за десять лет до смерти стал получать 100 рублей и только под конец жизни дослужился до 110 рублей.

В 1872 году Степан Евсеевич женился на Анне Степановне Лепковой. Она была дочерью обрусевшего шведа и русской; пред-

ки ее отца были за что-то сосланы в Вятку.[19] Это была смуглая брюнетка, впечатлительная и нервная. Жилось ей замужем тяжело. Степан Евсеевич пьянствовал, а потому его семья постоянно нуждалась.[20] Во хмелю он был тяжел и даже при детях оскорблял жену. В "Приключениях Гинча"[21] Грин от лица террориста Марвина рассказывает о себе: *"Видишь ли, я рано соскучился. Моя скука имеет, если хочешь, историческое оправдание. Мой дед бил моего отца, отец бил мать, мать била меня, я вырос на колотушках и порке, среди ржавых ломберных столов, пьяных гостей, пеленок и гречневой каши. Это фантасмагория, от которой знобит".*

"В раннем детстве мать меня очень любила, — вспоминает Александр Степанович, — *но потом, когда я подрос, а она заболела чахоткой, очень раздражалась на меня и нередко бивала".*

Ей, больной и измученной бедностью и заботами о детях, было не под силу воспитывать умного, но строптивого и шаловливого мальчика. Отец тоже не сумел внушить к себе уважения и взять в руки старшего сына.

Степан Евсеевич, несмотря на пристрастие к картам и пьянству, был чадолюбив. В первый год брака у Гриневских не было детей, и они поспешили взять приемыша. Удочерили девочку, подкинутую на паперть, Наташу.[22] Но вскоре у них родился сын, рано умерший.[23] А затем, 23 (11) августа 1880 года, появился на свет Александр Степанович. За ним последовали: Антонина, Екатерина, Борис. Частые дети, нужда и несчастная семейная жизнь сломили здоровье Анны Степановны. Она заболела чахоткой и умерла в 1895 году, когда старшему сыну Саше было 14 лет.

Пяти лет Саша научился читать. *"Учился я,* — вспоминал Александр Степанович, — *по "Робинзону Крузо".*[24] Позднее отец принялся его учить арифметике.

Девяти лет Саша поступил в приготовительный класс реального училища. Неизменно приносил в дневнике тройку за поведение: немало шалил и сам, но иногда покрывал шалости других. Учиться было очень неприятно, неинтересно; любил только Закон Божий, географию, иногда нравилась словесность. Два раза Сашу исключали за шалости, но, по просьбе отца, его принимали обратно. Из третьего класса исключили опять[25], и на этот раз хлопоты родителей не помогли. Тогда отец перевел Сашу в городское четырехклассное училище, и мальчик окончил его в 1896 году, шестнадцати лет.

Об одном из своих учителей Александр Степанович вспоминал с благодарностью: *"Помню только, что его звали Николаем*[26]*, он был добрый. Когда мне было 20 лет, я решил идти на Урал*[27]*, искать*

золото. Пешком дошел до Глазова. Знал, что мой любимый учитель переведен инспектором народных училищ в этот город. Разыскал его. Он дал мне рубль на проезд до Перми".

Степан Евсеевич женился вторично через год после смерти Анны Степановны. Его жена Лидия Авенировна Борецкая была вдовой дьячка[28]; от первого брака она имела сына Павла, бывшего на три года моложе Александра. Семья Гриневских таким образом увеличилась, а тут пошли опять дети: Николай, Ангелина и Варвара. Степану Евсеевичу необходимо было кормить и одевать огромную семью, а это требовало напряжения всех сил. Может быть, это чадолюбие Степана Евсеевича и привело его к тому, что в свое время определялось выражением "остепениться". В 55 лет он совершенно бросил пить. Прожил Степан Евсеевич 71 год. Скончался он в марте 1914 года.

Когда Саша окончил четырехклассное училище, возник вопрос, куда его направить дальше? К тому времени мальчик вдоволь начитался приключенческих романов и путешествий. Его мечтой было стать моряком, побывать во всех частях света и пережить сотни приключений. Он попросил отца отпустить его в мореходное училище. На семейном совете решили послать Александра в Одессу. Там были мореходные классы, а, кроме того, там же, в порту, служил знакомый Степана Евсеевича. Фамилии его (Хохлов Н.И. — *Сост.*) Грин не помнил.[29] Отец дал Саше 25 рублей и письмо к этому знакомому с просьбой оказать сыну возможную помощь. 23 июня 1896 года Саша покинул Вятку.

Когда он прибыл в Одессу, прием в мореходные классы был уже окончен, мальчика не приняли. Но, если бы и приняли, он не смог бы поступить: требовалось внести плату за учение, а денег не было. Знакомый Степана Евсеевича принял Сашу ласково, сказал, что, в случае нужды, мальчик может обратиться к нему за помощью. Но, пока оставались кое-какие деньги, Саша не обращался к своему покровителю. Но вот деньги кончились... Волнуясь, Александр Степанович рассказывал: *"Представь себе: город чужой, ни еды, ни ночлега, ни копейки денег. Я чувствовал себя мучительно одиноким, беззащитным, гибнущим. Шел среди складов и амбаров в порту. Спрятался за углом одного из них и горько плакал. Потом решил пойти к знакомому отца; шел и боялся: а вдруг не примет?"*

Но приятель отца спас Сашу: накормил, отправил ночевать в здание береговой команды[30] и определил учеником на пароход "Платон", совершавший рейсы по Крымско-Кавказской линии. Как ни тяжела была для слабогрудого подростка работа юнги, он был

все-таки обеспечен и едой, и кровом. Хотя имени своего спасителя Александр Степанович не помнил, но вспоминал о нем всегда с большой благодарностью.

Рассказ Грина "По закону"[31] не является строго биографическим, но первые две с половиной страницы, несомненно, ярко и остроумно изображают самого Александра в период его пребывания в Одессе. Вот как он себя описывает: *"Наконец я приехал в Одессу. Этот огромный южный порт был, для моих шестнадцати лет, — дверью мира, началом кругосветного плавания, к которому я стремился, имея весьма смутные представления о морской жизни. Казалось мне, что уже один вид корабля кладет начало какому-то бесконечному приключению, серии романов и потрясающих событий, овеянных шумом волн. Вид черной матросской ленты повергал меня в трепет, в восторженную зависть к этим существам тропических стран (тропические страны для меня начинались тогда от зоологического магазина на Дерибасовской*[32]*, где за стеклом сидели пестрые, как шуты, попугаи), все, встречаемые мной, моряки и, в особенности, матросы в их странной, волнующей отблесками неведомого, одежде, — были герои, гении, люди из волшебного круга далеких морей. Меня пленяла фуражка без козырька с золотой надписью "Олег", "Саратов", "Мария", "Блеск", "Гранвиль"... голубые полосы тельника под распахнутым клином белой, как снег, голландки, красные и синие пояса с болтающимся финским ножом или кривым греческим кинжальчиком с мозаичной рукояткой, я присматривался, как к откровению, к неуклюжему низу расширенных длинных брюк, к загорелым, прищуренным лицам, к простым черным, лакированным табакеркам с картинкой на крышке, из которых эти, впущенные в морской рай, безумно счастливые герои вынимали листики прозрачной папиросной бумаги, скручивая ее с табаком так ловко и быстро, что я приходил в отчаяние. Никогда не быть мне настоящим морским волком! Я даже не знал, удастся ли поступить мне на пароход.*

Довольно сказать вам, что я приехал в Одессу из Вятки. Контраст был громаден! Я проводил дни на улицах, рассматривая витрины или бродя в порту, где, на каждом шагу, открывал Америку. Здесь бился пульс мира. Горы угля, рев гудков и сирен, заставляющий плакать мое сердце зовом в Америку и Китай, Австралию и Японию, — по океанам, по проливам, вокруг мыса Доброй Надежды! Вот когда география совершила злое дело. Я рылся в материках, как щепках, но даже простой угольный пароход отвергал мои предложения, не говоря уже о гигантах Добровольного флота[33] *или изящных великанах Русского общества.*[34] *Было лето, стояла удушливая жара,*

но, в пыли и зное, обливаясь потом, выхаживал я каждый день молы, останавливаясь перед вновь прибывшими пароходами, и, после колебания, взбирался на палубу по трапу, сотрясаемому шагами грузчиков. Обычно у трюма, извергающего груз под грохот лебедки, под отчаянный крик турка: "Вира!" или "Майна!"[35]*, торчала фигура старшего помощника с накладными в руках, и он, выслушав мой вопрос: "Нет ли вакансии?" — рассеянно отвечал: — "Нет". Иногда матросы осыпали меня насмешками, и, должно быть, действительно казался я смешон с моей претензией быть матросом корабля дальнего плавания, я, шестнадцатилетний, безусый, тщедушный, узкоплечий отрок, в соломенной шляпе (она скоро потеряла для меня иллюзию "мексиканской панамы"), ученической серой куртке, подпоясанный ремнем с медной бляхой и в огромных охотничьих сапогах.*

Запас иллюзий и комических представлений был у меня вообще значителен. Так, например, до приезда к морю я серьезно думал, что на мачту лезут по ее стволу, как по призовому столбу, и страшился оказаться несостоятельным в этом упражнении. Рассчитывая, по крайней мере, через месяц, попасть в Индию или на Сандвичевы острова, я взял с собой ящичек с дешевыми красками, чтобы рисовать тропических птиц или цветы редких растений. Поступить на пароход казалось мне так же легко, как это происходит в романах. Поэтому крайне был озадачен я тем, что на меня никто не обращает внимания, и ученики мореходных классов, красивые юноши в несравненной морской форме, которых я встречал повсюду, казались мне рожденными не иначе, как русалками, — не может обыкновенная женщина родить такого счастливца".

На "Платоне" Александр совершил один рейс[36]; оставил его, как только вернулись в Одессу. Здесь он долго и мучительно искал заработка и, наконец, нанялся на небольшое суденышко — "дубок", который ходил между Одессой и Херсоном. Этот "дубок" описан Грином в романе "Золотая цепь" под названием "Эспаньола". Названный роман начинается описанием того, как шестнадцатилетний юнга Санди Пруэль тоскует в кубрике "Эспаньолы". *"Это суденышко,* — пишет автор, — *едва поднимало шесть тонн... Наш кубрик был простой дощатой норой с двумя настилами из голых досок и сельдяной бочкой-столом... Здесь, держа руку в кармане, я нащупал бумажку и, рассмотрев ее, увидел, что эта бумажка представляет точный счет моего отношения к шкиперу*[37]*, — с 17 октября, когда я поступил на "Эспаньолу" — по 17 ноября, то есть по вчерашний день. Я сам записал на ней все вычеты из моего жалованья. Здесь были упомянуты: разбитая чашка с голубой надписью "Дорогому мужу от верной жены";*

утопленное дубовое ведро, которое я же сам по требованию шкипера украл на палубе "Западного Зерна"; украденный кем-то у меня желтый резиновый плащ, раздавленный моей ногой мундштук шкипера и разбитое — всё мной — стекло каюты. Шкипер точно сообщал каждый раз, что стоит очередное похождение, и с ним бесполезно было торговаться, потому что он был скор на руку. Я подсчитал сумму и увидел, что она с избытком покрывает жалованье. Мне не приходилось ничего получить. Я едва не заплакал от злости, но удержался, так как с некоторого времени упорно решал вопрос — "Кто я — мальчик или мужчина?"... Мне было тяжело, холодно, неуютно. Выл ветер. — "Вой!" — говорил я, и он выл, как будто находил силу в моей тоске. Крошил дождь. — "Лей!" — говорил я, радуясь, что всё плохо, всё сыро и мрачно, — не только мой счет с шкипером. Было холодно, и я верил, что простужусь и умру, мое неприкаянное тело..."

Этим оканчивается первая глава "Золотой цепи". А дальше начинается яркая и радостная череда событий, благодаря которым смелый и верный Санди Пруэль попадает сначала в изумительный сказочный дворец, а потом его неожиданные благодетели дают ему возможность получить образование и сделаться капитаном судна, что было бы воплощением юных грез Грина.

Как на самом деле назывался "дубок", на котором плавал Александр, я не знаю, но помню, что он не раз рассказывал, что всё его жалованье за этот рейс было вычтено шкипером за нанесенный ему ущерб. "Дубок" был до отказа гружен черепицей; ходить по нему было тесно и трудно, в ветер еще и качало, и Саша каждый день давил черепицу, а шкипер неукоснительно записывал убытки. Когда прибыли в Херсон, шкипер выгнал юнгу, не дав ему ни копейки. Хотелось есть. Саша пошел в трактир и стал просить милостыню. Незнакомые женщины подозвали его к столу и накормили. В Одессу мальчик вернулся "зайцем". Опять обратился к знакомому отца, и тот снова выручил: определил на место в порту. А весной Саша, теперь уже матросом, поступил на пароход "Цесаревич", уходивший в Александрию. Поехал охотно, привлекала экзотика, хотелось увидеть чудеса Востока. Но тут опять неудача: не поладил с капитаном. По приходе в Александрию Сашу рассчитали, и он вернулся в Одессу уже пассажиром.[38]

Это путешествие оставило след в рассказе "Золото и шахтеры".[39] *"Когда еще юношей,* — так начинает рассказ Грин, — *я попал в Александрию (Египетскую), служа матросом на одном из пароходов Русского общества, мне, как бессмертному Тартарену Доде*[40]*, представилось, что Сахара и львы совсем близко — стоит пройти за город.*

Одолев несколько пыльных, широких, жарких, как пекло, улиц, я выбрался к канаве с мутной водой. Через нее не было мостика. За ней тянулись плантации и огороды. Я видел дороги, колодцы, пальмы, но пустыни тут не было.

Я посидел близ канавы, вдыхая запах гнилой воды, а затем отправился обратно на пароход. Там я рассказал, что в меня выстрелил бедуин, но промахнулся. Подумав немного, я прибавил, что у дверей арабской лавки стояли в кувшине розы, что я хотел одну из них купить, но красавица арабка, выйдя из лавки, подарила мне этот цветок и сказала: "Селям алейкюм".[41]

Так ли говорят арабские девушки, когда дарят цветы, и дарят ли они их неизвестным матросам, — я не знаю до сих пор. Но я знаю: 1) Пустыни не было. 2) Была канава. 3) Розу я купил за две пар... (4 коп.). 4) Не чувствовал ни капли стыда".

Пустыню пришлось выдумать, романтики не оказалось, а труд матроса был и не по силам, и не по вкусу Александру.

Год мытарств утомил и напугал юношу. Захотелось домой, пожить хоть, может быть, и скучной, но обеспеченной и спокойной жизнью. Поэтому Саша не стал искать нового места на пароходах, а вернулся в июле 1897 года в Вятку, к отцу.

В Вятке, по настоянию отца, Саша поступил было на железнодорожные курсы, но, проходив туда недели две, бросил. Стал, чтобы подработать, переписывать роли для актеров. Так прошел почти год. А летом опять потянуло искать ярких переживаний. *"Попросил у отца десять рублей и опять, как в предыдущем году, 23 июня 1898 года уехал в Баку. Плыл по Волге и Каспию. Поступил матросом на пароход "Атрек", принадлежавший компании "Надежда". "Атрек" курсировал между Красноводском, Астраханью, Дербентом и Баку. Сделал два рейса, прослужил около полутора месяцев, потом перешел на рыбные промыслы, на острове Святом (позднее — остров Артёма), в 15 километрах от Баку.*[42] *Работа была трудная, но интересная. Однажды поймали такую огромную белугу (60 пудов весом), что она не умещалась в лодке: хвост торчал наружу. Продавать ее запретили, так как в желудке нашли останки человека".*

На острове Святом Александр пробыл всего три недели, заболел малярией и перебрался в Баку. Здесь тяжело нуждался, жил в ночлежках; то работал в порту, то, ослабев от припадков малярии, просил милостыню. Наконец, весной 1899 года вернулся опять в Вятку, к отцу. Переписка ролей давала очень маленький заработок, поэтому поступил в железнодорожные мастерские и работал там до весны 1900 года. В апреле 1900 года взял у отца пять рублей и

поехал в Котлас. Хотел жить в лесах, охотой, как траппер[43], но ничего из этого не вышло. Через неделю вернулся домой.

Поступил банщиком[44] на станцию Мураши, на железную дорогу. Жил в предбаннике, получал 60 копеек в день. Жизнь была очень дешева, так что без труда скопил 15 рублей. Работы было мало, можно было много читать. Но однообразная жизнь была нестерпима, а потому, забыв все тяготы матросской жизни, Александр весной 1901 года, в разлив, нанялся на баржу Булычева[45]; получал 8 рублей "на своих харчах". Ходили по Вятке, Каме и Волге, на Казань и Нижний.[46] Прослужил месяца два, потом вернулся в Вятку.

Дальше в мою тетрадку рукой Александра Степановича вписано: *"1901 и 1902 год, по неполной памяти, прошли в безделье (помогал немного отец), в пьянстве; служил с месяц переписчиком у одного частного поверенного. Платил 20 копеек в день; зимой 1901 года отправился на Урал, пешком; был там бродягой-рабочим.[47] До, кажется, августа..."*

Об этой неудачной попытке разбогатеть тепло и правдиво написано Грином в рассказе "Золото и шахтеры". О дальнейшем бродяжничестве в рассказе не упоминается, но говорится о том, как была представлена эта неудачная попытка дома.

"Когда, по возвращении с Урала, — пишет Грин, — *отец спрашивал меня, что я там делал, я преподнес ему "творимую легенду" приблизительно в таком виде: примкнул к разбойникам, с ними ограбил контору прииска, затем ушел в лес, где тайно мыл золото и прокутил целое состояние.*

Услышав это, мой отец сделал большие глаза, после чего долго ходил в задумчивости. Иногда, взглянув на меня, он внушительно повторял: "Д-да. Не знаю, что из тебя выйдет".

23 (11) августа Александру минул 21 год, время призыва на военную службу. Но, несмотря на свой высокий рост, он был еще не вполне развит, грудь оказалась узковата. Поэтому ему дали отсрочку на полгода.[48] Зимою 1902 года время отсрочки истекло, и Александр был призван к отбыванию воинской повинности. Новобранцев везли кружным путем через Тюмень в Пензу. Служил там в Оровайском батальоне.[49] Служба казалась отвратительной. Александр не выносил никакой дисциплины. Из девяти месяцев, проведенных им на службе, он три с половиной пробыл в карцере. Летом 1902 года попробовал бежать, но испугался ответственности и вернулся сам. За побег был приговорен к месяцу ареста. Это наказание дало Грину материал для рассказа "Арестная палатка"[50]; он говорил, что рассказ был напечатан в "Современном слове"[51]; но мне не удалось найти его.

Во время отбывания ареста режим был суровый: день — на хлебе и воде, другой — на горячей пище.

В том же Оровайском батальоне служил и Александр Иванович Студенцов, вольноопределяющийся.[52] Он уговорил Александра поступить в подпольную революционную партию.[53] Это был выход: никакой муштры, никаких мучительных, от своего однообразия, обязанностей! Дело идейное: подготовить будущий счастливый строй жизни трудящихся. Риск, таинственная работа в подполье. Вся деятельность революционера-подпольщика казалась ему сплошной романтикой. Студенцов принес паспорт, штатское платье, денег, и зимой 1902 года Александр вторично и окончательно бежал из батальона. Сначала он приехал в Симбирск, оттуда его отправили в Нижний Новгород. По тому интересу, какой Александр проявлял к подпольной работе, его сочли пригодным для террористической организации. Отправили "в карантин", в Тверь. Это значило, что он должен просидеть там, ничем не обращая на себя внимания, две-три недели. За это время выяснилось бы, следит за ним полиция или нет. Если бы слежки не оказалось, то партия направила бы его в другой город и указала бы, над кем должен быть совершен террористический акт. Но руководители ошиблись в Александре. Он не мог никому подчиняться слепо, а сидеть одному в "карантине" ему скоро надоело. Об этом Грин очень искренне и подробно пишет сам в рассказе "Карантин".[54] В нем он выводит себя под именем Сергея. Сидя в одиночестве, Сергей понял, что убивать он никого не будет, и рисковать своей жизнью тоже не будет. Революционер Валериан[55] привозит ему бомбу, но в длинном, тяжелом для Валериана, разговоре Сергей отказывается от взятой на себя задачи. А потом автор прибавляет: *"И быстро, лукаво улыбаясь, пробежали его другие, тайные мысли и желания широкой, романтической жизни, красивой, цельной, без удержа и страданий. Те, которые он высказывал сейчас Валериану — были тоже его, настоящие мысли, но они мало имели отношения к тому, чего он хотел сейчас. Вместо всего этого сложного лабиринта мелких разочарований, остывшего увлечения и недовольства людьми — просился на язык властный, неудержимый голос молодой крови: — "Я хочу не умирать, а жить; вот и всё"*.

Александр вернулся в Нижний Новгород и отказался от взятой на себя обязанности. Партия решила, что для террористической работы он не годится, и отправила его в Саратов пропагандистом. Во главе саратовской организации стоял некто Старынкевич. Как узнали потом, он был провокатором; по-видимому, Старынкевич

и послужил прообразом героя рассказа "Подземное"[56], в котором выслеживают и убивают провокатора.

Из Саратова Александра перевели в Тамбов, где он познакомился с Наумом Яковлевичем Быховским. С ним у Александра Степановича остались дружеские отношения до конца жизни. Наум Яковлевич был не только пламенным революционером, многое множество раз подвергавшимся аресту и ссылке, но и добрейшим человеком, и сердечным товарищем.

Из Тамбова, вместе с Быховским, Александр переехал в Екатеринослав[57], а в августе 1903 года — в Киев. Был послан на один день с каким-то поручением в Одессу, а оттуда переведен в Севастополь. Здесь Александр занимался пропагандой среди матросов и солдат крепостной артиллерии. Они и выдали его; поджидали на набережной, вблизи Графской пристани, окружили, схватили. Это было 11 ноября 1903 года. Попал в одиночку и просидел в тюрьме два года. Товарищи по партийной работе хотели устроить ему побег. Достали парусную яхту, которая стояла в назначенный день, готовая к отплытию, и лошадь с пролеткой; поджидали Александра поблизости от тюремных стен. Александр Степанович рассказывал об этой попытке к бегству приблизительно так: он успешно разобрал часть крыши и вылез на нее с веревкой в руках. Веревка не внушала ему доверия; она казалась слишком тонкой, "в папироску толщиной", а узлы на ней были слишком редки. Все-таки он решил попробовать спуститься на ней. Но, выбравшись на крышу, был замечен солдатом, стоявшим "на часах". Тот погрозил ему, и Александр скрылся опять на чердаке. Солдат не выдал. Никто не догадался о виновнике разобранной крыши, и никаким репрессиям он за предполагавшийся побег не подвергся.[58]

Перед судом Александра перевели в Феодосию.[59] Здесь его дело соединили с аналогичным делом социал-демократа Конторовича. Прокурор требовал для Александра каторжных работ. Защищал его гремевший тогда своим красноречием адвокат Зарудный. Присудили к ссылке на 10 лет в Восточную Сибирь.[60] Приговор был вынесен за несколько дней до амнистии 1905 года[61], а она принесла Александру свободу. Он был выпущен из тюрьмы 24 октября 1905 года.

После амнистии в Севастополе были дни смятения; ожидали погромов интеллигенции и евреев. Александр вместе с другими освобожденными просидел, вооруженный, ночь у какого-то учителя, ожидая, что придется идти воевать с погромщиками. Но обошлось благополучно.

Удивительно, что Крым, понравившийся Грину с начала пребывания в нем, не разонравился и после двухгодичного сидения в тюрьме. *"Знаешь ли,* — спросил он меня однажды, — *какой город представляется мне, когда я пишу о Зурбагане? Это Севастополь".*

Вскоре после освобождения Александра откомандировали в Одессу. Когда он вез револьверы в Карантинную балку[62], повстречался с казаками, но встреча прошла благополучно, казаки ничего не заметили.

Вернувшись из Одессы в Севастополь, Александр попросил отправить его для пропаганды в Петербург. Ему дали денег и явку. Но его, на самом-то деле, толкали в Петербург совсем другие побуждения.

Страсть

"Автобиографическая повесть" А.С.Грина состоит из шести частей. Последняя из них озаглавлена "Севастополь".[63] В этой части описана революционная деятельность Александра Степановича в Севастополе, его арест, попытка к бегству из тюрьмы и суд над ним. В этой же части постоянно упоминается о некой "Киске"[64]: *"Киска была центром севастопольской организации. Вернее сказать, организация состояла из нее, Марии Ивановны и местного домашнего учителя, административно-ссыльного".*[65] О Киске же говорится: *"Сама она была выслана из Петербурга в Севастополь под надзор полиции".*

Однажды вместе с Киской Александр ездил в Херсонес осматривать раскопки, где *"спросил старика-сторожа, увешанного медалями: "А можете ли вы показать мне пуговицу от штанов Александра Македонского?" Сторож разгорячился. "Тут много бывает публики, — сердито отчитал он меня. — Сколько народу ходило, а никто таких глупостей спрашивать не позволяет!"*

Всю дорогу обратно я слушал брюзжание надувшейся Киски, оскорбленной моей некультурностью и презрением к археологии".

Когда Александр сидел в тюрьме, Киска добыла на побег 1000 рублей. Было куплено парусное судно. Побег не удался: на судне ушли за границу брат Киски и его товарищ.

"Около декабря Киску, по подозрению в участии в моем деле, выслали этапом в Архангельскую губернию. Оттуда она перебралась в Швейцарию".

На этом сведения о Киске прекращаются. Дальше говорится о пребывании Александра Степановича в феодосийской тюрьме и, между прочим: *"Каждый день толпа знакомых, родственников и подставных "невест" приходила на свидание... Мне тоже устроили*

"невесту", и раза три в тюрьму приходила совершенно мне незнакомая, страшно смущавшаяся, простенькая девица, а я смущался еще больше, чем она, так что разговор не клеился. Она добросовестно являлась в зал судебного заседания, при выходе из суда дала мне букетик цветов, и больше я ее не видел".

Почему Александр Степанович, столь жадный на внимание и ласку, изголодавшийся по ним, с таким удивительным равнодушием отнесся к этой девушке, бескорыстно подарившей ему свое время и заботу? "Швыряться" людьми ему тогда не приходилось, он не был избалован жизнью, наоборот: был одинок, беден и никому не известен. Произошла эта невнимательность к чужой душе потому, что Александр был в то время влюблен в Киску.

Под именем Киски выведена им Екатерина Александровна Бибергаль. С этой девушкой была тесно связана полоса жизни Александра Степановича с 1903 по 1906 годы. Их первая встреча тепло описана в рассказе "Маленький комитет".[66] Героиня рассказа дана в очень мягких, привлекательных тонах. К тому же времени и к той же Е.Бибергаль относится и рассказ Грина "На досуге".[67] В нем описана контора тюрьмы в жарком южном городе (Севастополь. — *В.К.*). В конторе — писарь и надзиратель. Оба ненавидят политического заключенного Козловского (т. е. Гриневского. — *В.К.*) за строптивый характер. Писарь читает открытку, присланную из Швейцарии какой-то девушкой (Бибергаль бежала из Холмогор в Швейцарию. — *В.К.*). Надзиратель предлагает наказать Козловского за строптивость: не дать ему открытки. Писарь берет ее себе. А в это время *"человек* (Козловский. — *В.К.*) *ходит по камере, и, подолгу останавливаясь у окна, с тоской глядит на далекие, фиолетовые горы, на голубую, морскую зыбь... Губы его шепчут: "Катя, милая, где ты, где? Пиши мне, пиши же, пиши!.."*

Из тюрьмы Александр Степанович послал Е.Бибергаль свою карточку, писал ей стихи и письма.

После амнистии 1905 года Екатерина Александровна вернулась из Швейцарии в Петербург. К ней и спешил Александр Степанович, освободившись из тюрьмы: она еще в Севастополе обещала стать его женой. Но в Петербурге начались между ними нелады. Происходили они, по-видимому, из-за совершенно разного их подхода друг к другу и к революции.

Бибергаль была дочерью народовольца.[68] И воспитание, и смелый характер делали ее убежденной революционеркой. В Грине она видела талантливого агитатора, в момент увлечения становившегося вождем тех, кто его слушал. В такие часы и Бибергаль увлекалась им.

Она высоко ценила его как агитатора и всячески поощряла в этом направлении. Но для него Киска была не только подпольщицей, революционный темперамент которой толкал его на работу, но, главным образом, красивой девушкой, которой он хотел обладать. Время разлуки внесло горечь в их отношения. Александр Степанович ревновал Киску к ссыльному, который при ней умер от чахотки в Холмогорах . Но ссора произошла по другой причине. Революционное движение привлекало Грина своей героикой и романтичностью. За свое участие в нем Александр Степанович поплатился двумя годами одиночного заключения. Это расшатало здоровье, измучило его, и романтика подвига и риска потускнела. Захотелось покоя, отдыха и счастливой личной жизни. Но Бибергаль по-прежнему безраздельно отдавалась революционной деятельности. Она пыталась привлечь Грина к работе в военной организации. Организовать в царское время занятия среди моряков, которые обязаны были нести дежурства на судах и не могли в любое время сойти на берег, было очень трудно. Все-таки удалось собрать человек двенадцать — представителей команд разных судов. На это собрание, в качестве агитатора, Киска пригласила "Алексея", т. е. Александра Степановича. Время шло, но Алексей не являлся. Люди, рискующие тюрьмой, а может быть, и каторгой, напряженно, но терпеливо ждут. Наконец приходит Алексей. Обрадованная организаторша торопит его приступить к занятиям. Ее же роль кончена, а потому она уходит. Но Алексей объявляет, что если Киска уйдет, то он пойдет ее провожать. Екатерина Александровна пробует уговорить его остаться и провести беседу, обещает остаться до конца занятий, но Алексей отвечает, что ему надо знать, когда же она станет его женой, а не разговаривать с подпольщиками. Расстроенная до последней степени, Киска распускает кружок. Чтобы избавиться от Алексея, она нанимает извозчика, но Алексей вскакивает за ней на пролетку. *"Всю дорогу от гавани до Михайловской улицы,* — рассказывал Александр Степанович, — *она ругала меня, как только умела".*

Несколько раз после этой ссоры он приходил к Киске, но примирение не наступило. Екатерина Александровна неизменно отвечала, что он ушел из ее жизни с тех пор, как отошел от революции. Однако Грин не мог спокойно примириться с этим. Необходимо было, чтобы душевная тяжесть разрядилась. И вот Александр Степанович опять пробует примириться, но Киска не хочет его слушать и *"обеими руками в грудь отталкивает его".* Тогда он вынимает маленький револьвер и направляет на нее. *"Она держалась мужественно, вызывающе,* — вспоминал Грин, — *а я знал, что ни-*

когда не смогу убить ее, но отступить тоже не мог, — и выстрелил". Пуля попала в грудную клетку и застряла в левом боку. Екатерина Александровна вышла в комнату хозяев и попросила их уговорить "Алексея" уйти. Хозяева так и сделали. Рана оказалась не тяжелой. Оперировал профессор Греков, и Бибергаль вскоре поправилась. Александр Степанович несколько раз пытался поговорить с Киской наедине, но это ни разу не удавалось ему. Бибергаль просила своих друзей, живших в одной квартире с ней, не оставлять ее одну с Алексеем. Так кончились их отношения.

Когда вышла в 1913 году книга А.Грина "Штурман четырех ветров"[69], Е.Бибергаль была на каторге. Александр Степанович послал ей туда эту книгу, и она могла узнать себя в героине "Маленького комитета".

Сила и безысходность этой неразделенной любви изображена Грином в фантастическом рассказе "Земля и вода".[70]

Петербург гибнет от землетрясения, город в развалинах, затоплен, горит. Но герой повествования Вуич думает только о своей несчастной любви. Выловленный другом из воды, Вуич рассказывает: *"Меня это* (т. е. землетрясение — *В.К.*) *застигло на лестнице. Мартынова, когда я вбежал, не могла двинуться с места. Я вынес ее, а на улице она меня оттолкнула... Руками в грудь... так, как отталкивают, когда боятся или ненавидят..." — "Теперь ты забыл ее?" — "Нет, — ответил он, — это больше, чем город".*

В январе 1906 года А.Грин был вновь арестован и попал в Выборгскую одиночную тюрьму ("Кресты"). Они с Киской никогда больше не виделись.

Тюремная невеста

Мое знакомство с Александром Степановичем началось весной 1906 года. Я работала тогда в подпольной организации "Красный крест".[71] Как известно, это общество помогало политическим заключенным и ссыльным, без различия партий, начиная с кадетов и кончая анархистами.

Я поступила в "Красный крест" в 1905 году, когда забастовки, демонстрации, расстрелы рабочих и крестьян и возбуждение, охватившее по поводу этих событий всю интеллигенцию, заставили меня испуганно подумать: "Сижу в какой-то тенистой заводи, когда рядом мчится река событий. Надо примкнуть к общественной жизни, но как это сделать?" Я пошла к писательнице Александре Никитичне Анненской за советом. Она знала меня по журналу

"Всходы"[72], где была редактором, и где были напечатаны два моих рассказа.[73] Александра Никитична направила меня к Т.А.Богданович, стоявшей в центре "Красного креста".

В "Кресте" тогда работали многие общественные деятели: знаменитые адвокаты, защищавшие политических, писатели, издатели и их жены. Мы, молодые члены организации — курсистки, студенты, учительницы, — должны были обслуживать заключенных в тюрьмах. Закупали на деньги "Креста" большое количество продуктов, белье, верхнее платье, иногда сапоги и теплые вещи и передавали всё это или в общие камеры на имя старост, или же сидевшим в одиночках. Иногда надо было ездить к семьям высланных или безработных, так как многие из них жестоко нуждались. Нередко на дом приходили рабочие, уволенные с заводов за участие в стачке или бежавшие из ссылки. Приходилось участвовать в организации концертов, которые устраивались для сбора денег. Клиентура "Креста" была очень большая, и денег требовалось много. Общение с людьми было широкое и дружеское, и дело это мне очень нравилось.

Кроме перечисленных обязанностей, у меня была еще одна: я должна была называть себя "невестой" тех заключенных, у которых не было ни родных, ни знакомых в Петербурге. Такое звание давало мне право ходить к ним на свидания, и таким образом поддерживать их и вообще о них заботиться: передавать провизию, книги, исполнять их поручения.

Все эти дела отнимали много времени и подчас были неприятны, так как приходилось часами сидеть, ожидая очереди то в жандармском отделении, то в охране, то у прокуроров, которые порой были язвительны, то в тюрьмах, придя на свидание. Но всё это искупалось сознанием, что делаешь что-то общественно полезное и необходимое.

Мои отношения с Александром Степановичем начались так же, как они обычно начинались и с другими "женихами". Ко мне на квартиру пришла незнакомая девушка и сказала, что ее сводный брат, А.С.Гриневский, сидит с января 1906 года в "Крестах".[74] До сих пор она, Наталья Степановна, сама ходила к нему на свидания и делала передачи, но в мае ей придется уехать в Анапу работать в санатории и она просит меня заменить ее, делать передачи ее брату и ходить к нему на свидания. Сказала, что адрес мой она узнала в "Кресте".

Я начала хлопотать о разрешении мне свидания с Александром Степановичем, а он — писать мне. Его письма резко отличались от писем других "женихов" и не-женихов, писавших мне из тюрем. Почти все жаловались, а И.Мелик-Иосифьянц совсем не умел играть в "жениха" и сердито писал: "Вера, добьюсь ли того, что ты

принесешь мне, наконец, бумагу и карандаши" и не хотел понять, что вина не во мне, а в тюремных властях, которые не разрешали ему иметь письменных принадлежностей. Но Гриневский писал бодро и осторожно. Письма его меня очень интересовали.

В мае выяснилась судьба Александра Степановича. Его приговорили к ссылке в Тобольскую губернию и перевели в пересыльную тюрьму. Наталья Степановна была еще в Петербурге и потому, когда я получила разрешение на свидание, мы пошли с ней в тюрьму вместе. Это свидание с незнакомым человеком, на днях отправляющимся в далекую ссылку, было для меня очередным делом. Я от него ничего не ожидала. Думала, что этим свиданием окончатся наши отношения с Гриневским, как они кончались с другими "женихами". Однако оно кончилось совсем по-иному и для меня значительно.

Когда мы с Н.С.Гриневской пришли в пересыльную тюрьму, нас впустили в большое помещение, в котором уже было много народа. Каждый заключенный мог свободно говорить со своими посетителями, так как надзор был слабый. Надзиратель ходил по середине большого зала, а заключенные со своими гостями сидели на скамейках вдоль стен.

Александр Степанович вышел к нам в потертой пиджачной тройке и синей косоворотке. И этот костюм, и лицо его заставили меня подумать, что он — интеллигент из рабочих. Разговор не был оживленным. Александр Степанович и не старался оживить его, а больше присматривался.

"Сначала ты мне совсем не понравилась, — рассказывал он впоследствии, — *но к концу свидания стала как родная".*

Дали звонок расходиться. И тут, когда я подала Александру Степановичу руку на прощание, он притянул меня к себе и крепко поцеловал. До тех пор никто из мужчин, кроме отца и дяди, меня не целовал; поцелуй Гриневского был огромной дерзостью, но, вместе с тем, и ошеломляющей новостью, событием. Я так сконфузилась и заволновалась, что не помню, как мы с Натальей Степановной вышли из тюрьмы и о чем разговаривали дорогой. Вскоре она уехала, я же, узнав о дне отправки эшелона ссыльных, пришла на вокзал с передачей. К поезду никого из провожающих не допускали, и я передала чайник, кружку и провизию через "сочувствовавшего" железнодорожника.

Поразительно, как мало иной раз мы сознаем состояние своих чувств. Проводив поезд, увозивший Александра Степановича, я считала, что отъезд этого почти незнакомого и некрасивого человека ничего для меня не значит. Я не боролась с собой и не рисова-

лась, а, вероятно, инстинктивно, подсознательно скрывала от себя свое огорчение. Однако посторонний человек заставил меня в тот же день понять, что мое душевное спокойствие обманчиво.

В годы 1904–1906 я преподавала в Смоленских классах для рабочих, основанных Техническим обществом. Это общество устроило вечерние школы для рабочих. О том, как и в каком темпе я обычно веду занятия, я не задумывалась. Дело шло как-то само собой. Не думала об этом и в указанный день. Когда молодежь вышла в перемену из класса, а я осталась со своим любимым учеником помочь ему, он укоризненно сказал: "Что такое, Вера Павловна, сегодня с вами?" — "А что?" — "Да разве вы обычно так занимаетесь? А сегодня — скучно, не узнать вас. Зубы что ли у вас болят?"

Этот упрек развеселил меня. "Зубы болят?! Да разве только от этого бывает грустно?", — засмеялась, уверила ученика, что у меня ничего не болит, и провела второй урок бодро и деятельно.

Возвращаясь на паровой конке[75] домой, я с удивлением поняла: "Так это я, значит, грущу по Гриневскому?"

Недели через две я получила от Александра Степановича письмо. В нем стояла многозначительная фраза: *"Я хочу, чтобы Вы стали для меня всем: матерью, сестрой и женой"*. И больше ничего, ни адреса, и никакого конкретного предложения. Да и какое предложение могло бы быть? Ведь Гриневский на несколько лет попал в ссылку.

В начале июня наша семья переехала на дачу в Парголово.[76] Оттуда я часто ездила в Петербург по делам "Креста", в библиотеку и по поручениям домашних. Как-то в жаркий день, набегавшись по городу, я поднималась по всегда безлюдной нашей парадной. Завернув на последний марш, я с изумлением увидела: на площадке четвертого этажа, у самых наших дверей, сидит Гриневский! Худой, очень загорелый и веселый.

Вошли в квартиру, пили чай и что-то ели. Александр Степанович рассказал: прибыл на место ссылки, в Туринск, прожил там несколько дней. Напоил вместе с другими ссыльными исправника[77] и клялся, что не убежит, а на другой день, вместе с двумя анархистами, сбежал.[78] Шестьдесят верст ехали на лошадях, потом — по железной дороге. Паспорт у него фальшивый, нет ни денег, ни знакомств, ни заработка. Выходило, что одна из причин этого рискованного бегства — я. Это налагало на меня моральные обязательства. Слушая его рассказ, я думала: "Вот и определилась моя судьба: она связана с жизнью этого человека. Разве можно оставить его теперь без поддержки? Ведь из-за меня он сделался нелегальным".

Позднее выяснилось, что фальшивый паспорт, с которым Грин приехал в Петербург, он получил еще по дороге в ссылку, в Тюмени, заранее решив, что из ссылки сбежит. Этот паспорт доставил ему его товарищ, Наум Яковлевич Быховский, который был в то время приговорен к ссылке в Восточную Сибирь, но Н.А.Гредескул, член Государственной думы, хлопотал о замене ему ссылки высылкой за границу. Потом Быховский был временно задержан в Тюмени. Живя там, он часто ходил к пересыльной тюрьме встречать эшелоны ссыльных, посмотреть, не пришел ли кто-нибудь из знакомых. В одном из этапов он увидел Гриневского и спросил, не нуждается ли тот в чем-нибудь. Александр Степанович ответил: "Принеси денег, паспорт и водки".

Наум Быховский доставил ему паспорт и двадцать пять рублей. Двадцать пять рублей — деньги небольшие. Поездка на лошадях из Туринска до станции, большой конец по железной дороге и прожитие в это время "истощили" сумму, данную Быховским. Как перебиться дальше? По работе в подпольной организации Гриневский имел знакомства в Самаре и в Саратове. Он побывал в обоих городах и в Саратове застал В.А.Аверкиеву. Она дала ему деньги и "явку" не прямо в Петербург, как хотелось Александру Степановичу, а в Москву, к С.Слетову. Туда, получив немного денег, Грин и поехал.

К тому времени хлопоты Гредескула помогли Быховскому освободиться из ссылки: проездом за границу, он остановился в Москве и тут его вновь повстречал Александр Степанович. Оба старшие товарищи — Слетов и Быховский — отказались дать Гриневскому работу пропагандиста в Петербурге, хотя пропагандист он был талантливый. Слетов называл его "гасконцем"[79], так как он любил прибавлять к фактам небылицы, а в деле пропаганды и подпольной печати это было опасно. Но Быховский сказал Гриневскому, что партия нуждается в агитке для распространения в войсках. Гриневский ответил: "Я вам напишу!"

И, действительно, вскоре принес свой первый рассказ-агитку — "Заслуга рядового Пантелеева". Слетов остался доволен, заплатил ему и предложил написать еще агитку. Но Гриневский исчез, покатил в Петербург.

"Заслугу рядового Пантелеева" издало "Донское издательство".[80] За эту брошюру были посажены в тюрьму и редактор, и выпускающий, и издатель, как потом рассказал мне Быховский. Но никто не назвал подлинной фамилии автора.

По приезде в Петербург, Грин написал вторую агитку — "Слон и Моська"[81], которая тоже была принята каким-то издательством[82],

каким — он не помнил. Но рассказ света не увидел, так как при обыске в типографии полиция рассыпала набор.

Паспорт, которым снабдил его Быховский, казался Александру Степановичу ненадежным. Он снял было комнату на Зверинской и попросил меня прийти к нему. Когда я пришла, вид у Гриневского был подавленный и испуганный. Ему казалось, что хозяйка подозрительно отнеслась к его паспорту, и что за ним следят. "Надо поскорее выметаться отсюда, помогите мне".

Пошел посмотреть, дома ли хозяйка. Ее не было. Поспешно собрал свои вещи: корзину, одеяло с подушками. Вместе потащили поклажу, выбежали на улицу, искали извозчика. На Зверинской извозчика не оказалось. Путь от середины Зверинской до Провиантской, где нашли извозчика, показался очень длинным. Отвезли вещи на вокзал, сдали на хранение, и Александр Степанович пошел искать себе другую комнату. По тому, как он благодарил меня за ничтожную помощь, которую я ему оказала, я поняла, как мало он видел к себе раньше участия. Подозрения Гриневского о слежке за ним оказались ложными. Он прожил в Петербурге с месяц без всяких неприятностей.

В половине июля отец дал мне денег для поездки в Крым с моей ближайшей подругой. Эта подруга, Н.М.Л.[83], упоминается Грином в некоторых рассказах как моя сестра.

В это же время Александр Степанович уехал в Вятку к своему отцу.

Во время пребывания Грина в Вятке там в больнице умер личный почетный гражданин Алексей Мальгинов; Степану Евсеевичу удалось достать паспорт умершего, и он передал его сыну. Это был настоящий и надежный паспорт. Алексею Мальгинову было лет 35-36, но никто за все четыре года, которые Гриневский прожил по этому паспорту, не заметил несоответствия между годами, обозначенными в паспорте, и возрастом его владельца. Это потому, что Александр Степанович выглядел в те годы много старше своих лет. Но зато позднее он мало менялся.

Когда я, месяца через полтора, вернулась в Петербург, Грин был уже там.

Суть наших отношений с Александром Степановичем в тот период выражена им в рассказе "Сто верст по реке"[84], написанном в 1912 году. Фабула изменена, чтобы заострить переживания героев. Герой повести Нок — не политический, а уголовный беглый каторжник. Пароход, на котором он ехал, спасаясь с каторги, потерпел аварию на пустынной реке, вдали от всякого жилья. Беглец пытается купить лодку, но у него не хватает денег. Гелли, незнакомая ему до тех пор пассажирка парохода, предлагает Ноку доплатить недостающую сумму

с тем, чтобы он взял ее с собой. Нок соглашается, но зол и груб с девушкой, считая ее помехой. По дороге Нока опознают, и ему грозит опасность быть захваченным. Гелли помогает ему спастись. Вследствие этого отношение Нока к девушке меняется.

"Вы поддержали меня, — сказал Нок, — хорошо, по-человечески поддержали. Такой поддержки я не встречал".

Перед Зурбаганом, городом, в котором жила Гелли, Нок ее высаживает. Она дает ему свой адрес, но Нок разрывает бумажку с адресом, думая: *"И я к тебе не приду, потому что... о, Господи!.. люблю!.."*

В Зурбагане Нок бродит голодный и бесприютный, но, вспоминая о Гелли, рассуждает: *"Он был бы настоящим преступником, вздумав идти к этой, невиноватой ни в чьей судьбе, девушке. За что она должна возиться с бродягой, рискуя сплетнями, допросами, обидой?"*

Вскоре Нока опознают, за ним погоня. Спасаясь от преследования, Нок вспоминает адрес Гелли. Ни о чем больше не думая, только желая спастись, он несется к ее дому. *"Нок остановился на четвертом этаже крутой лестницы... Потом он увидел Гелли, а она — жалкое подобие человека, хватающегося за стену и грудь".*

В такую форму претворилось бегство Грина из ссылки, боязнь быть арестованным в Петербурге и наша встреча с ним на четвертом этаже. Повесть оканчивается словами автора: *"Они жили долго и умерли в один день".* Это у Грина — формула верной до смерти любви. Казалось бы, что в рассказе "Сто верст по реке" изображена любовь цельная и счастливая, и, вероятно, немногие замечают, читая повесть, странное окончание мечтаний Нока: *"Гелли теперь дома... У нее хорошо, тепло. Там светлые комнаты; отец, сестра; лампа, книга, картина. Милая Гелли! Ты, может быть, думаешь обо мне. Она приглашала меня зайти. Дурак! Я сам буду там, я хочу быть там. Хочу тепла и света; страшно, нестерпимо хочу! Не вешай голову, Нок, приходи в город и отыщи ад..."*

Еще только мечтая о полюбившейся ему девушке, еще только смутно надеясь найти около нее свет и тепло, Нок уже говорит себе: *"Приходи в город и отыщи ад".* Как это объяснить? Только той глубочайшей двойственностью натуры Грина, которая нацело раскалывала его личность. Он одновременно искал семейной жизни, добивался ее, и в то же время тяготился ею, когда она наступала. Одного из героев "Золотой цепи", Санди Пруэля, Грин называет "диким мустангом среди нервных павлинов". Таким "диким мустангом" был и сам Александр Степанович. Трудно понять, что было ему нужнее: уют и душевное тепло или ничем необузданная свобода, позволяющая осуществлять каждую свою малейшую прихоть.

Отношения Александра Степановича с моим отцом

Отец мой, Павел Егорович Абрамов, служил в Государственном Контроле. Насколько я понимаю (отец очень редко разговаривал с домашними о служебных делах), он контролировал расходы по постройке железных дорог. Чтобы определить, насколько добросовестно велась постройка, необходимо было понимать путейское дело. Отец достиг этого самоучкой (университет он окончил по юридическому факультету).

Несколько раз отца посылали контролировать строительство великого Сибирского пути.[85] После его смерти помощник его по одной из ревизий, Г.В.Мещерский, рассказывал: приехали они с отцом в какой-то город, где надо было принимать работы путейцев. Отец предвидел, что инженеры, зная, что он взяток не берет, постараются задобрить его угощением, что обязывало до некоторой степени посмотреть на погрешности сквозь пальцы. Допустить подобной поблажки отец не мог, поэтому, когда пришло приглашение на парадный обед, отец отправил вместо себя своего помощника, которого и угостили, а сам на другой день пошел на ревизию.

Благодаря своей неподкупности и строгости отец был грозой путейцев, они боялись и не любили его. И вот этот страшный контролер, когда к нему в дом неожиданно являлся гость, робея, выходил в столовую, где обычно сидела бабушка[86], и неестественно бодрым тоном говорил: "Нельзя ли, мама, подать в кабинет два стакана чаю: ко мне приехал знакомый из Сибири".

Подавали чай, пару сухарей и лимон. Когда гость уходил, отец приходил в столовую раскладывать с бабушкой пасьянсы, а она долго скорбным голосом выговаривала ему, что вот, мол, ей на старости лет приходится утомляться, заботясь об угощении чужих людей. А всё было сделано старой опытной прислугой. Отец почтительно и молча слушал. Так же беспрекословно заставлял он слушаться и меня.

Отца своего, человека большого и оригинального ума, я всегда любила и высоко уважала. Но я долго не понимала его, путаясь в противоречиях его характера. Как чиновник он работал много: и днем, на службе, и вечером — дома. Получал чины, ордена и звезды. И при этом был, как тогда говорили, — "крайним левым", то есть республиканцем и социалистом по убеждениям. Именно он сделал и меня "левой".

Отец был очень доволен моим участием в "Красном кресте" и даже сам решался разговаривать иногда с приходившими нелегальными и безработными. Долгое время эта двойственность отца беспокоила меня, и только в зрелых годах я поняла, что по-своему он был целен: прежде всего, он был человеком долга. Долг — содержать престарелую мать и подрастающую дочь. Для этого надо служить. Служба обязывает к присяге, а присяга — к верности. Отец никогда не участвовал ни в каких противоправительственных обществах. Но разве мыслям закажешь? Ведь был же вице-губернатор М.Салтыков — писателем Н.Щедриным и одним из редакторов левого "Современника".[87]

Отец презирал и осуждал "фразеров". Так называл он людей, любящих говорить громкие, многозначительные фразы, которые, однако, по мнению говоривших, ни к чему их не обязывали. Слова, мол, одно, а дело — совсем другое. И, как ни странно, отец был сам до некоторой степени фразером. Эту его черту характера я поняла рано, еще в отрочестве, и по большей части "фразы" отца совершенно не влияли на меня. Но одной из них я поверила и дорого поплатилась за это. Как-то отец сказал мне: "Брак — пошлость. Хороша только свободная любовь. Надо жить и любить, как Жорж Санд".

Я приняла это мнение отца тем более горячо, что бабушка придерживалась совсем других взглядов. Любви она не признавала совсем, на брак смотрела как на сделку, а всех мужчин считала негодяями. Если бабушка смотрела так, то я "должна" была думать наоборот, как отец. Тем более, что в данном случае слово и дело не расходились у отца: после смерти моей матери он жил со второй своей женой вне брака, даже не поселившись с ней вместе.

Осенью 1906 года наша семья вернулась с дачи в город. Тут я сказала отцу, что у меня есть жених, и что я хочу их познакомить друг с другом. В назначенный день пришел Александр Степанович, и я ввела его к отцу в кабинет. Отец велел мне уйти и проговорил с ним наедине минут двадцать. Гриневский вышел от отца смущенный и вскоре совсем ушел. Отец же позвал меня к себе в кабинет и строго сказал: "Что это ты выдумала? Связаться с беспаспортным, человеком без образования и без определенных занятий? Выкинь эту дурь из головы!"

Отец рассчитывал, что его авторитетный тон повлияет на меня, как много раз бывало раньше, но тут он ошибся. Мы были уже близки с Александром Степановичем, я его любила, а потому слова отца не оказали на меня никакого действия.

Александр Степанович стал уговаривать меня поселиться с ним вместе, но это не было еще возможно. Я не решалась огорчить отца,

признавшись ему в своей связи, а, кроме того, приходилось подумать и о материальной стороне. Никакой работы Гриневский не имел, писать только что начинал, печатался редко, а на такие случайные заработки жить было нельзя. Я осталась жить у отца, на его средства, а деньги, которые зарабатывала уроками, отдавала Александру Степановичу. Так прошел год. За это время я ни разу не видала его пьяным, не подозревала даже, что он любит выпить.

Александр Степанович очень нуждался в ласке, в нежности, но и сам был нежен. Не раз повторял фразу о "бездонной нежности блондинов", противопоставляя ее, не помню, какой-то страстности брюнетов. Как только он получал гонорар, дарил мне что-нибудь: красивую книгу, цветы, коробку конфет. Это трогало и создавало ощущение нежной и верной любви.

Летом 1907 года отец снял дачу в Озерках[88], на первом от Петербурга озере. К даче принадлежала купальня и лодка. На дачу Гриневский никогда не приходил, но мы встречались так: я переезжала на лодке на другой берег озера, там меня ждал Александр Степанович. Он садился на весла, и мы катались. Однажды во время такого катания он с увлечением декламировал мне стихи А.Блока: "По вечерам, над ресторанами...".[89]

В конце лета 1907 года исполнилась первая годовщина нашей близости с Александром Степановичем. Дача на озере и этот наш "юбилей" нашли отражение в рассказе Грина "Дача Большого Озера".[90]

Теперь мне кажется смешным, как я могла верить, читая рассказы Грина, его словам о том, что, используя кое-какие внешние данные из нашей жизни, всё остальное он выдумывает. Благодаря этому безусловному доверию, "Дача Большого Озера" не причинила мне никакого огорчения. И только много позже, перечитывая этот рассказ, я поняла: оба героя рассказа — инженер Инзар и его приятель Оссовский, приехавший к нему погостить, — два лица Александра Степановича. Один кутит в обществе женщин легкого поведения, а другой жалеет жену кутящего, тщетно ожидающую мужа в день годовщины их первой близости. Чтобы утешить женщину, Оссовский, потихоньку, ночью исчезает с дачи, разыскивает Инзара среди кутящей компании и обманом заставляет его написать жене нежную записочку. Записка эта кончается нарочито наивной сказочкой, чрезвычайно похожей на те шутливые записки и стихи, которые писал мне Александр Степанович в хорошие минуты.

В течение 1906–1907 годов Гриневский постоянно настаивал на том, чтобы я переехала жить вместе с ним, говорил: "Я буду надое-

дать тебе, как попугай!" Узнал, как будет по-французски "мы должны быть вместе", и постоянно ломаным языком твердил мне эту фразу.

Давать уроки, как я делала это два года, мне совсем не нравилось. По образованию я была химиком. Поэтому с осени 1907 года я поступила в лабораторию Геологического комитета, она помещалась в Волховском переулке, на Васильевском острове, а мы с отцом и бабушкой жили в конце Фурштатской, недалеко от Таврического сада. Оттуда до Волховского переулка — расстояние огромное, тем более, что в те годы трамваев еще не было, и ездить пришлось бы с пересадкой на конках. Благодаря этому, мой переезд из родительского дома совершился почти безболезненно. Бабушка, чрезвычайно чувствительная к общественному мнению, могла сказать родным и знакомым, что причина моего отъезда — поступление на службу. Они с отцом допускают этот переезд затем, чтобы я не утомлялась.

Поселились мы с Александром Степановичем на 11-й линии Васильевского острова. Вскоре после переезда я написала отцу, что поселилась с тем самым Гриневским, с которым познакомила его в прошлом году. Теперь я понимаю, каким тяжелым ударом было это известие для отца, но в то время я считала себя вполне правой. Однако и мне пришлось нелегко. Отец ответил двумя письмами: мне и Александру Степановичу. Мне он написал, что я опозорила его, и что он меня стыдится. Что я теперь отрезанный ломоть; можно, конечно, приложить отрезанный ломоть к караваю, но они уже не срастутся. Что больше я не получу от него ни копейки. Незаконная связь моя, если о ней узнает бабушка, убьет ее, а потому никто не должен о ней знать, и я должна бывать в их доме неукоснительно, как было говорено при отъезде, два раза в неделю.

Письмо это глубоко разочаровало меня в отце. Где же Жорж Санд и свободная любовь? В чем я виновата? Разве я не поступала в согласии с убеждениями отца? Разве Александр Степанович не борец за идею, не революционер? Он два года просидел в тюрьме, в одиночке, потом вторично был в заключении пять месяцев и сослан в Сибирь. Разве была ошибка в том, что он бежал из ссылки? Да и бежал-то он из-за меня. Побег сделал его нелегальным, и только поэтому нам нельзя было венчаться. И этим-то я опозорила себя и отца? Нет, так писать мог только какой-то благонамеренный мещанин, а не социалист по убеждениям. Я не могла примириться с таким расхождением между словами и делом отца и никакого раскаяния не изъявила.

Письмо отца Александру Степановичу было еще жестче. Отец в оскорбительных выражениях обвинял его в том, что он, заведомо

зная, что не может жениться, увлек меня из расчета. Почерк отца я, конечно, знала, оба письма пришли вместе, оба попали в мои руки. Прочитав письмо, адресованное мне, я поняла, что в письме к Александру Степановичу ничего хорошего быть не может, и я вскрыла его. А потом уничтожила. Так Гриневский никогда о нем ничего и не узнал. Отец довольно долго ждал ответа от него, потом, наконец, спросил: "Что же "твой" ничего мне не отвечает?" — "Я не дала ему твоего письма, уничтожила". Отец так был поражен неожиданным поворотом дела, что только сказал: "Ну, иди!"

С тех пор он в течение трех лет не обмолвился и словом об Александре Степановиче и никогда не спросил, как мне живется. Я стала, действительно, отрезанным ломтем, как он и предсказал.

Лидия Стурре

Осенью 1906 года мы шли с Александром Степановичем по Литейному проспекту. Около Мариинской больницы (позднее — больница им. Куйбышева) повстречались с молодой, красивой женщиной в большой шляпе. Грин познакомил меня с ней. Это была Лидия Стурре. Поговорили недолго. Александр Степанович договорился идти со своей знакомой в какой-то музей. Стурре понравилась мне и внешностью, и сердечностью обращения. Ни мне, ни Александру Степановичу и в голову не пришло, что перед нами обреченный человек.[91]

Н.Я.Быховский, уже после смерти Грина, рассказал: "Когда Лидия Стурре, вместе с другими товарищами, была повешена, я, зная, что Алексей (партийная кличка Грина — *В.К.*) был хорошо знаком с ней, попросил его написать некролог для "Революционной России"[92]; он тут же сел и написал. Я плакал, читая, так сильно было написано.[93] И вдруг Алексей говорит: "А теперь — гонорар! "Это за статью-то о казненном товарище! Я разозлился и стал гнать его вон. Алексей пошел к дверям, остановился на полдороге и сказал: "Ну, дай хоть пятерку!"

Сердечный товарищ, Наум Яковлевич не мог без ужаса вспомнить о таком цинизме, а между тем поступок Грина вовсе не означал бесчувствия. Способность глубоко чувствовать уживалась у Александра Степановича с практичностью. В данном случае я особенно могу быть в этом уверена. Спустя два-три месяца после казни "семи повешенных"[94] мы шли с ним по Среднему проспекту Васильевского острова. На углу 8-й линии из подвального кабачка вышел, пошатываясь, студент в форме института гражданских инженеров. Алек-

сандр Степанович бросился к нему и, крикнув мне: "Подожди, я сейчас!" — отвел студента в глубь темного подъезда и минут пять пробыл с ним. Вышел совсем расстроенный. Сказал: "Это муж Стурре. Подумай, Верушка, что должен переживать этот человек! Знать, что любимую женщину повесили! И чем теперь поможешь ему?"

И мы весь день горестно вспоминали про эту встречу.

Богема

Когда осенью 1907 года я поселилась с Александром Степановичем на одной квартире, совместная жизнь показалась мне сначала идиллией. Утром я ходила в лабораторию, а в час возвращалась домой завтракать. Он радостно встречал меня и даже приготовлял к моему приходу какую-нибудь еду. Потом я опять уходила в лабораторию, а по окончании занятий мы шли куда-нибудь вместе обедать. Было похоже на семейную жизнь. Но эта идиллия скоро кончилась. Александр Степанович за год своего пребывания в Петербурге сошелся с литературной богемой и начал пить.

Однажды, вернувшись вечером от отца, я впервые увидела его пьяным. Он шатался по квартире, надоедая то мне, то хозяйке вздорными приставаниями, что-то разбил, опрокинул ширму; вид у него был невыразимо отталкивающий и распущенный. До тех пор я видела пьяных только на улице и в глубине сознания была уверена, что страшный мир бродяг и пьяниц никогда не может соприкоснуться с моим миром. И вот представитель того мира ворвался в мою комнату и вел себя в ней развязно, по-хозяйски. Я так испугалась и растерялась, что уехала обратно к отцу. Сказать правду было невозможно. Я солгала бабушке, что у соседа по квартире вечеринка, музыка, шум и что мне не удастся в таких условиях заснуть. На другое утро я отправилась в лабораторию, а оттуда на 11-ю линию. Больше я в панику не впадала и к отцу не убегала.

Подолгу пропадая из дома, Александр Степанович почти ничего не рассказывал мне о том, с кем и где он проводит время. Спросишь, бывало: "Где же ты ночевал?" А он ответит: "У товарища. Ведь ты же, Верушка, не любишь видеть меня пьяным, вот я и переночевал у него. А теперь, видишь, свеж, как огурчик!" Только уже после того, как мы расстались, я узнала, что Грин был в то время завсегдатаем так называемой "богемы".

Понятия "богема" и "богемцы" перешли к нам из французского. Эти слова имели переносное значение. Богемой, вследствие своей изменчивости и текучести, а отчасти и из-за легкости нравов, назы-

валось в Париже и в других крупных французских городах общество беднейшей интеллигенции. В ее состав входили студенты, начинающие писатели и художники, натурщицы, репортеры мелких газет, иногда адвокаты, артисты и артистки различных жанров и просто неудачники из разных областей. Собирались богемцы в определенных, облюбованных ими кафе. Тут, за чашкой кофе, обсуждались вопросы искусства и политики. Ни буйств, ни пьянства не было.

Наша петербургская богема собиралась не в кафе, а в ресторанах. Много сведений о богеме, среди которой вращался Грин, сообщил мне с большой любезностью Е.Э.Сно. Евгений Эдуардович был талантливым изобретателем нового жанра газеты, "Газеты-Копейки"[95], имевший в Петербурге большой успех. Он же был и ее редактором. Позднее он редактировал хлесткий и остроумный журнал "Дятел"[96], выходивший в год первой революции.

Как редактор, Е.Сно должен был находиться в постоянном общении с писателями, а так как многие из них были богемцами, то и ловить это кочевое племя приходилось там, где оно чаще всего пребывало. Одним из таких мест был ресторан братьев Г. и В. Давыдовых[97] на Владимирском проспекте, 7. Здесь, с девяти часов утра и до ночи, можно было встретить писателей, адвокатов, артистов, художников. Если при встрече крупного писателя с репортером из какого-нибудь "листка" в редакции или в частном доме ярко чувствовалась разница в "положении", в "удельном весе", то тут, в "Давыдке" эта разница исчезала. Здесь, за выпивкой, среди бесконечных разговоров, властвовало полнейшее равноправие между великими и малыми. Пили так много, что даже Д.Н.Мамин-Сибиряк, сам умевший выпить, побывав в "Давыдке", сказал: "И мы, в молодости, захаживали сюда и выпивали, но такого разгула не было. Мы себя скромнее вели". В "Давыдке" в свое время бывали Д.Минаев и Ф.Достоевский.

Так как пьянство богемцев нередко сопровождалось скандалами, часть писателей, в том числе Евгений Сно и Игорь Северянин, перекочевали в винный погребок Жозефа Пашу, на Невском, против дома № 100. Водкой тут не торговали, к столу подавали только легкие вина. Сюда можно было прийти, чтобы спокойно позавтракать. Завсегдатаев погребка прозвали "пашютистами". В темную зальцу за магазином, привлекаемые обществом писателей, нередко приходили молоденькие курсистки, слушательницы Психоневрологического института.

Но большая часть богемы продолжала собираться по-прежнему в "Давыдке" или в ресторане "Вена"[98] на Малой Морской. В "Да-

выдку" часто приходил А.И.Куприн, являлся и критик Петр Пильский. Он держал в пьяном виде невыносимо длинные речи и, обращаясь к посторонней публике, сидевшей в общей зале, нагло говорил: "Эй, вы, пустые пиджаки!" Приходил бывший адвокат Ф.Ф.Трозинер, переменивший профессию адвоката на писательскую. Он писал в газете "Новости"[99] под псевдонимом "Мечтатель", а позднее в "Петербургской Газете"[100] под именем "Сэр Пинч-Бренди". Являлся он в "Давыдку" нередко с утра, опохмеляться, вместе со своей сожительницей, шансонетной певицей. Бывали в ресторане братьев Давыдовых В.Войнов, А.Свирский, А.Рославлев, В.Князев, К.Фофанов. Захаживали М.Арцыбашев и И.Бунин. Даже Федоров, живший в Одессе, приезжая в Петербург, считал своим долгом побывать в "Давыдке" и повидаться с товарищами по ремеслу.

Постоянно бывал в ресторане Арнольд, талантливый музыкант и художник, допивавшийся временами до белой горячки. Это был человек мягкого, чувствительного характера, в то время — толстовец[101], впоследствии — большевик. Приходил Емельян Игнатьев, с некрасивым и грубым лицом и превосходной французской речью. Он был учителем математики, сатирическим поэтом и беллетристом. Страдал запоем. Как-то он уговорил Е.Сно приехать в "Вену", сказав, что получил сто рублей и хочет покутить. Говорил, что в "Вену" приедет и его новая знакомая, интересная барышня. Когда Сно приехал поздно вечером в "Вену", Игнатьев был уже навеселе, а барышня — в полном смущении. Вскоре она ушла, а Игнатьев приказал всем лакеям поочередно подходить к себе и каждому давал десятирублевую бумажку, приговаривая: "Помни, что это дает тебе Емельян Игнатьев!" — "Благодарим покорно, Емельян Игнатьевич!" Когда ресторан закрылся, поехали искать развлечений по другим местам, а окончили кутеж в извозчичьем трактире; постоялые извозчичьи дворы торговали водкой круглые сутки, так что туда можно было явиться и тогда, когда все рестораны были уже закрыты. Потом выяснилось, что Игнатьев прокутил за сутки три тысячи рублей. От них сохранились только те сто рублей, которые Сно успел вовремя взять у него на сохранение. Такой же маршрут и подобные же похождения проделывали и другие участники богемы, когда получали приличные гонорары.

Не столько для выпивки, сколько для поддержания отношений с писателями, приходили в "Давыдку" и некоторые издатели. А между писателями и издателями проходила своеобразная прослойка — литературные комиссионеры, тоже завсегдатаи "Давыдки".

Такими комиссионерами были в то время Александр Иванович Котылев и М-ч.[102] Котылеву можно было доверить дело: устроить рукопись в какое-нибудь издательство, получить гонорар и, за известный процент вознаграждения, переслать его автору. А.Котылев был честный комиссионер. Но М-ч считался низкопробным, случалось, что, получив чужой гонорар, он его растрачивал. Котылев умел привлекать "пассажиров". Этим именем называли провинциалов или неопытных петербуржцев, которых ловили на удочку тщеславия. Он, познакомившись с новичком и считая его пригодным для роли "пассажира", спрашивал: "Не хотите ли познакомиться с писателями?" Новичок отвечал радостным согласием. "Деньги есть? Можете истратить рублей тридцать на угощение?" Если деньги у новичка были, Котылев вел его к столу, за которым уже сидело несколько писателей, знакомил его с ними, и все начинали пить и закусывать на его счет. Грин описал "пассажира" в повести "Приключения Гинча". Добровольным "пассажиром" бывал Гога П-в, сын издателя и книготорговца, имевшего магазин на Невском, у Аничкова моста. Случалось, что Гога тратил на угощение писателей дневную выручку отца. Подобный пассаж описан Анатолием Каменским в его рассказе "Леда".

Одной из черт богемы была страсть к оригинальничанию. Иногда эта черта принимала злостный характер. Поэт К.Фофанов, получив от издателя А.Суворина гонорар в 1500 рублей, пришел на Фонтанку[103] и, собрав около себя кучу народа, стал швырять деньги в воду. Удивление и негодование толпы разжигало его всё больше, и он окончил это оригинальное занятие только тогда, когда поплыла последняя кредитная бумажка. А дома ждали его дети и жена, ставшая под конец жизни ненормальной от нестерпимой семейной жизни.

По политическим взглядам богема считала себя крайней левой, многие — анархистами. Проповедовалась борьба со всяким мещанством, с узостью буржуазной морали, в моде было ницшианство.[104]

Писатели из богемы, конечно, не только пили, сидя в "Давыдке", но и разговаривали на самые разнообразные темы, в том числе и о своих профессиональных делах. Несомненно, что тут, незаметно для самих собутыльников, вырабатывались те или иные взгляды на искусство и на приемы литературного мастерства.

Вот в эту-то компанию и попал двадцатишестилетний провинциал — А.С.Грин. Богема, вероятно, дала ему профессиональную шлифовку, совершенно необходимую, но, вместе с тем, много повредила ему как человеку.

Как мы жили

Пьянство Александра Степановича делало нашу жизнь трудной. Я зарабатывала хорошо, но получала по счетам, сдельно. Достаточно было мелкой неудачи в работе, чтобы ее пришлось начинать заново, и получка откладывалась.

У Александра Степановича с заработком было хуже, получки были меньше и реже. Все-таки, можно было бы жить сносно, будь возможность рассчитывать средства, но ее не было. И я была бесхозяйственна и непрактична, и Грин всякую попытку к экономии называл мещанством и сердито ей сопротивлялся. Пьянство же его окончательно выбивало нас из бюджета.

Жизнь слагалась из таких периодов: получка, отдача долгов, выкуп заложенных вещей и покупка самого необходимого. Если деньги получал Грин, он приходил домой с конфетами или цветами, но очень скоро, через час-полтора, исчезал, пропадал сутки или двое и возвращался домой больной, разбитый, без гроша. А питаться и платить за квартиру надо было. Если и мои деньги кончались, то приходилось закладывать ценные вещицы, подаренные мне отцом, и даже носильные вещи. Продали и золотую медаль — награду при окончании мною гимназии. Часто в такие периоды выручал нас Б.Г.Карпов, заведующий лабораторией, в которой я работала.

В периоды безденежья Александр Степанович впадал в тоску, не знал, чем себя занять и делался раздражительным. Потом брал себя в руки и садился писать. Если тема не находилась, говорил шутя: "Надо принять слабительное". Это значило, что надо начитаться вдоволь таких книг, в которых можно было бы найти занимательную фабулу, нравящегося героя, описание местности или просто какую-нибудь мелочь, вроде звучного или эксцентричного имени; такие книги давали толчок воображению, вдохновляли и помогали найти героя и тему. В подобные периоды Грин не перечитывал прежде известных ему книг, но доставал приключенческую литературу, фантастические романы, читал Дюма, Эдгара По, Стивенсона и тому подобное. Когда зарядка от прочитанных книг была получена, он садился писать.

В те годы, когда мы жили вместе, Александр Степанович был молод, еще не изношен разгульной жизнью, мозг его был свеж, и писалось ему легко. В два-три приема рассказ бывал окончен. Грин читал мне его, диктовал для переписки набело. Наступали тихие, хорошие часы.

В такие вечера я мучительно задумывалась над вопросом: да что же он за человек? Мне, в то время молодой и совсем не знавшей людей, нелегко было в нем разобраться. Его исключительная расколотость, несовместимость двух его ликов: человека частной жизни — Гриневского и писателя — Грина — била в глаза, но невозможно было понять ее, примириться с ней. Человек, живший со мной, был слабый, беспринципный, распущенный, и тут же рядом умещался писатель — благородный, чистый и сильный. Эта загадка была мучительна, и однажды, слушая стихи Грина, я, от осаждавших меня мыслей, неожиданно прослезилась. Он удивленно спросил: "Что это ты?" Я ответила: "Очень трогательно у тебя сказано про снег: "Гнездя на острые углы пушистый свой ночлег...".[105] Александр Степанович не стал допытываться правды. Никаких объяснений он не терпел, да их у нас никогда и не было.

Написанное произведение Грин сдавал в редакцию, получал деньги, а дальше повторялось всё прежнее. К весне 1908 года такая жизнь утомила меня. Я была так наивна, что думала: "Вот поселюсь отдельно, скажу Александру Степановичу, что не вернусь, пока он не бросит пить, — он и бросит". Я сняла комнату в том же доме, где жил Грин. Прожила там до середины лета, а потом переехала на 9-ю линию, к чопорным и почтенным немкам.

Осенью 1908 года в Петербурге разразилась холерная эпидемия. Александр Степанович был всегда очень мнителен относительно здоровья, пугался малейшего заболевания. Боязнь же заболеть холерой обратилась у него почти в манию.

Моя жизнь у строгих немок была, конечно, нарушением всех их понятий о порядочности. Ко мне, незамужней, ежедневно приходил молодой, плохо одетый мужчина; являлся он как раз в то время, когда я приходила со службы, и мне подавали обед. Мы съедали этот обед дочиста, так что хозяйке не оставалось и куска хлеба. Это они еще терпели. Но однажды ночью раздался сильнейший звонок. Испуганная хозяйка открыла дверь, постучала ко мне и крикнула: "Это к вам!" В прихожей стоял Александр Степанович: "У меня холера! Помоги!" Под руками у меня не было ничего, чем я могла бы помочь, да и тон, которым известила меня о приходе Грина хозяйка, показывал, что оставить его у меня нельзя. Мы пошли в аптеку, купили там всё необходимое для компресса, каких-то капель, вина "Сан-Рафаэль", считавшегося целебным для желудка. На квартире у Александра Степановича я сделала ему компресс, уложила в постель, напоила чаем с вином. Холеры не оказалось, но хозяйка квартиры заявила мне, что я должна немедленно выехать.

Во время эпидемии 1908 года в Петербурге был впервые поставлен опыт с массовыми холерными прививками. Грин сделал себе, как полагалось, две прививки. Они прошли у него легко, с незначительной температурой. Тогда он стал настаивать, чтобы и я пошла на прививку. Прививки вылечили его от преувеличенного страха перед холерой, но теперь он боялся за меня. Чтобы покончить и с этим страхом, я сделала себе прививки. Вскоре после второй я заболела гнойным воспалением почечных лоханок. Слегла с температурой 40. Как мне позднее объяснил врач, вакцина в то время готовилась наспех, небрежно, поэтому в некоторых ампулах содержалась неотмытая серная кислота, она-то и сожгла слизистые оболочки почечных лоханок, они загноились и вызвали общее заболевание.

Болезнь была долгая и тяжелая. Туго пришлось и с деньгами. Мои получки прекратились, у Александра Степановича я никогда денег не брала. Да и получки его были небольшие и редкие. Однажды, когда я лежала, он пришел ко мне и спросил, есть ли у меня мелочь на конку. Взял, пошел искать денег по редакциям. Но все авансы, очевидно, были забраны раньше, получать же было не подо что, вернулся совсем разбитый. Спросил: "Хватит ли хоть на булки? Пошли, пожалуйста". У меня было около рубля, и я послала домработницу своих хозяев в булочную. Домработница эта, за небольшую плату, делала для меня самое необходимое. Я написала отцу, что не могу бывать у них, так как больна и прошу его навестить меня. Он приехал, молча выслушал мой рассказ о болезни, и, как я узнала позднее, не поверил ему, думал, что у меня "томный вид", как он выразился, от какой-то предполагаемой гинекологической болезни. Такое предположение его сердило. Он просидел с полчаса и, сухо простившись, уехал. Но оставил мне "на болезнь" 25 рублей. Это нас выручило.

Первые шесть лет наша супружеская жизнь с Александром Степановичем держалась на его способности к подлинной, большой нежности. Эта нежность не имела никакого отношения к страстности, она была детская. Как-то вскоре после состоявшегося сближения у меня появилось к нему материнское отношение. Это ему нравилось. Он любил чувствовать себя маленьким, играть в детскость. И это хорошо у него выходило, естественно, без натяжки. Происходило это превращение большого и подчас озорного мужчины в милого ребенка приблизительно так: когда я ложилась спать, он не приходил, а прибегал маленькими шажками ко мне и просил пустить погреться. Шутливо ответишь: "Да ведь некуда, тесно". — "Ничего, я — складной, пусти".

"Складным" Грина прозвали рабочие на Урале, заметив его уменье уложиться, согнувшись в три погибели, на маленьком местечке, на печке, на сундуке и тому подобное. "Мне говорили, — рассказывал он, — ты, Лександра, — складной".

Прибежав ко мне, Александр Степанович тоже сгибался, укладывался как можно уютнее, прижимался к лицу или к плечу, как это делают избалованные котята, и некоторое время молчал. Потом лепетал умильные, нарочито-наивные, ласковые слова, а через несколько минут вскакивал, чмокал в лоб или в бровь и сказав: "Ну вот, отогрелся, теперь хорошо", — сгорбившись, опять детской пробежкой убегал к себе и засыпал.

А мое сердце пело, и все трещины в здании нашей семейной жизни замуровывались этим, всё исцеляющим, цементом нежности. Мне кажется, что подлинная, чисто человеческая нежность была одной из черт, которые перекидывали мост от Грина к Гриневскому.

Летом 1909 года умерла моя бабушка Елизавета Филипповна. Ее скоропостижная смерть так поразила отца, что он сам чуть не умер от припадка астмы. Мне удалось быть ему полезной в эти тяжелые дни, а он великодушно воспользовался этим предлогом, чтобы сказать мне, что в случае нужды я могу обращаться к нему за помощью. И мне нередко приходилось это делать, хотя, в общем, жизнь в 1909–1910 годах пошла легче, чем в предыдущие. Я стала получать в лаборатории не сдельно, а помесячно, Грин печатался чаще; я даже взяла себе напрокат пианино, что стоило 10 рублей в месяц. Полегчало и душевно. Александр Степанович весь предыдущий год не давал мне покоя, настаивая на том, чтобы я опять поселилась с ним вместе. Он умел доказать, что ему необходимы забота и ласка. И мне самой хотелось того же. Поэтому осенью 1909 года я поселилась в тех же меблированных комнатах, на углу 6-й линии Васильевского острова и набережной, где снял себе комнату и Грин. Однако уклад жизни не изменился: он по-прежнему пил, пропадал из дома, но дурные настроения стали появляться реже.

Гипноз

Пьянство Александра Степановича губило его. А последствия: нужда и скандалы — очень меня тяготили. Бороться с этой его страстью я пробовала, но — безрезультатно. Наконец, мне удалось уговорить его полечиться гипнозом. Он согласился, вероятно, думая, что не поддастся внушению.

Мы пошли к профессору Герверу. Профессор усадил Александра Степановича в кресло, проделал пассы[106] и стал внушать: "Вы больше не станете пить; но, если даже попробуете еще раз выпить, то самый вкус вина покажется вам нестерпимо отвратительным". Эту формулу профессор повторил три раза, потом отпустил нас, сказав, чтобы Грин пришел на следующий сеанс через неделю. Мы записались на следующий прием и отправились домой. Вышли на Лиговку.[107] Там было несколько извозчичьих трактиров при постоялых дворах.[108] Александр Степанович хорошо знал эти трактиры, бывал здесь не однажды. Когда они компанией выходили из ресторана после его закрытия, то шли продолжать кутить на постоялые дворы, в трактиры, открытые круглосуточно.

Поравнявшись с одним из трактиров, Грин сказал: "Ты, Верушка, минуту подожди; быть не может, чтобы я не мог выпить! Я — сейчас!" Он очень скоро вернулся из трактира, энергично отплевываясь. Сказал: "Ну и гадость эта водка, невыносимо!" И яростно плевался всю дорогу. Таким образом, он убедился, что поддался внушению.

Дней пять-шесть он не пил совершенно, но всегдашние собутыльники действовали во вред: дразнили его, говоря, что он слушается жены, что дал обет трезвости, приводили примеры долголетия пьяниц и так далее.

Через неделю, когда нам следовало идти вторично к Герверу, Александр Степанович сказал мне утром: "У меня сегодня много дел в редакциях, ты пойди к Герверу пораньше, займи очередь, а я подойду". Я прождала понапрасну, он не пришел... Больше он вообще никогда к профессору Герверу пойти не соглашался.

Вот как описывает Грин переживания во время пьянства в рассказе "Наследство Пик-Мика"[109]: *"Я шел, светились кабачки. Там было вино, жидкость, способная превращать грусть простую — в грусть сладкую, и даже (особенность человека) — самодовольную. Быть может, пьяный калека не без тайного удовольствия сознает свои индивидуальные особенности... До некоторой степени вино уравнивает людей; человек, от которого пахнет водкой, счастлив прежде всего удесятеренным сознанием самого себя. В наивысшем градусе опьянения рука желания не достает до потолка счастья на один сантиметр".*

Отказаться "от потолка счастья"? Во имя чего? Грин пошел на сеанс к профессору Герверу, конечно, только чтобы утешить меня.

По поводу визита к Герверу было много разговоров о внушении. Как-то раз я рассказала Александру Степановичу пример внуше-

ния из книги писательницы Е.П.Блаватской Будучи курсисткой, я с увлечением прочла книгу, называвшуюся "Из пещер и дебрей Индостана".[110]

Когда я просматривала каталог библиотеки Черкасова, где была тогда абонирована, меня заинтересовали не только заглавие этой книги, но и экзотическое имя автора: Радда-Бай. Такой был псевдоним Е.П.Блаватской, о которой я не имела тогда никакого понятия. Книга была написана бойко, интересно, но даже и в те молодые годы я чувствовала, что автор, увлекаясь Индией, не гонится за точным изучением фактов. Из этой-то книги я, по памяти, рассказала следующий эпизод.

Английский полковник гонится за диким слоном. Слон заводит полковника и его свиту глубоко в горы, где живет таинственное племя карликов. В то время, как полковник валит слона пулей, в животное сыплется и град стрел. Это из засады стреляют карлики. Их предводитель требует слона себе, но полковник велит своим слугам вырезать бивни и вообще распоряжается слоном как собственностью. Тогда предводитель карликов объявляет полковнику приблизительно следующее: "Ты загрустишь, потом заболеешь и через несколько дней умрешь". Полковник, смеясь, рассказывает дома об этой угрозе какого-то ничтожного карлика, но вскоре заболевает, остро тоскует и через несколько дней умирает.

Нам теперь ясно, что если рассказ Блаватской точен, то смерть полковника последовала от внушения. Мы не знаем, в чем суть внушения, но так привыкли к мысли, что каждый психиатр выучивается этому искусству, что уже не считаем его удивительным. Но Блаватская в 1870-х годах не знала об этой способности человека влиять на волю другого, а потому опыт индусского карлика произвел на нее впечатление сверхъестественного действия.

Александру Степановичу этот эпизод понравился и дал толчок к написанию рассказа "Лужа Бородатой Свиньи".[111]

Происхождение рассказа "Табу"

Две проделки Дмитрия Николаевича Садовникова, поэта и этнографа, дали повод к созданию рассказа Грина "Табу".[112] Садовников был женат на родной сестре моей матери — Варваре Ивановне Лазаревой. Отец мой недолюбливал его, говорил, что Дмитрий Николаевич любил оригинальничать и, пользуясь тем, что жена влюблена в него, слишком много позволял ей за собой ухаживать. Но, тем не менее, отец не мог без смеха вспоминать

про некоторые проделки Дмитрия Николаевича. Из них я запомнила и рассказала Грину о двух. Первая относилась к молодым годам Дмитрия Николаевича.

В те времена барышни встречались с молодыми людьми почти исключительно на вечеринках. С 16 лет барышню начинали "вывозить" на балы. Ее сопровождали родители, а если родителей не было, то братья, тетки и другие родственники. Ехать одной на бал или в театр было для порядочной девушки в те времена невозможно. Одна из двоюродных сестер Садовникова обратилась однажды на святках[113] к нему с просьбой — сопровождать ее на костюмированный бал. Он согласился. Заехал за кузиной, дождался ее в прихожей, не раздеваясь, поехали на бал. Когда же лакеи сняли с них верхнее платье, барышня с ужасом увидела, что на Дмитрии Николаевиче нет ничего, кроме перьев и стрел вокруг бедер. Барышня бросилась от него сначала в гостиную, потом в зал, но Дмитрий Николаевич с ужимками и прыжками, изображавшими людоеда, гоняющегося за добычей, догнал ее. Тогда несчастная кузина спряталась в спальне хозяев. После этого уж никто из родственниц Дмитрия Николаевича не обращался к нему с просьбой сопровождать их в гости.

Много позже, уже женатым, Дмитрий Николаевич ехал куда-то по железной дороге. Вышли с женой на перрон станции, на которой, не знаю почему, он хотел остаться, а Варвара Ивановна — нет. Направились к буфету. Вдруг Дмитрий Николаевич падает с резким криком и бьется в судорогах. Пена изо рта и обморочное состояние. Кругом засуетились, послали за врачом, перенесли в приемный покой. Поезд ушел. Тогда Дмитрий Николаевич спокойно сел и объявил, что он совершенно здоров, и припадок падучей был им разыгран.

Эти две проделки Д.Н.Садовникова и породили рассказ "Табу". Писатель Агриппа, "не умеющий или неспособный угождать людям", терпит кораблекрушение и попадает к людоедам. Его товарища немедленно съедают, герой же спасается тем, что искусно разыгрывает припадок падучей, а потом объясняет, что в это время с ним говорил дух. Считая его священным, жрец дикарей налагает на героя рассказа "табу", то есть делает его неприкосновенным и тем спасает его от дикарей. Агриппа вторично разыгрывает припадок падучей[114], на этот раз более длительный, а затем объявляет жрецу волю "духа": ехать всем дикарям по направлению к потонувшему кораблю. Ночью он продырявливает все пироги[115], дикари тонут, а героя спасает проходящий вблизи корабль.

Первая книга

Первый рассказ был написан Грином осенью 1906 года и напечатан в утреннем выпуске "Биржевых ведомостей"[116] в декабре того же года. Он назывался "В Италию" и был подписан "А.А.М-в". Но такая подпись не удовлетворяла Александра Степановича. Ведь Мальгинов — это была чужая, временная фамилия. Надо было придумать псевдоним. Толковали целый вечер и остановились на "А.С.Грин". Сначала этот псевдоним нравился Александру Степановичу, но потом он испытал в нем разочарование. Оказалось, что изданы несколько переводных романов англичанки Грин, и первые годы, когда Александра Степановича еще мало знали, его путали с этой писательницей. Не помню, какие у нее были инициалы, но иные, чем у него.[117] Чтобы подчеркнуть эту разницу, Александр Степанович представлялся: "А. эС. Грин", чем, вероятно, вызывал немалое удивление.

Свои последующие рассказы и стихи Грин стал печатать в "Новом журнале для всех"[118], редактором которого был В.С.Миролюбов. Это был первый редактор, признавший талант Грина, и потому, как выражались в то время, считался его "литературным крестным". Миролюбова называли тогда "королем редакторов", доверяя его художественному вкусу.

За год литературной работы у Грина набрался целый сборник рассказов. В конце 1907 года он познакомился с издателем Котельниковым, владельцем книжной лавки "Наша жизнь". Котельников согласился выпустить книгу. Книга под названием "Шапка-невидимка" вышла в начале 1908 года. Конечно, сборник можно было бы назвать по заглавию одного из рассказов, в него входивших, но Александр Степанович этого не захотел. Тогда я предложила: "Ты — таинственная личность. Как автор — ты А.С.Грин, по паспорту Алексей Мальгинов, а на самом деле Александр Гриневский. Даже я не рискую называть тебя Сашей, а зову вымышленным именем. Сама я тоже должна скрываться, вот и посвящение твое "Другу моему Вере", а не жене. Оба мы как будто под шапкой-невидимкой. Назовем так книгу". Александр Степанович принял эту наивную выдумку без малейшего возражения.

Издатель Котельников скупился, не хотел тратиться на художника и предложил Грину нарисовать обложку самому. У Александра Степановича в то время лежала дома какая-то толстая книга в черном переплете с золотым тиснением. Он перерисовал вытеснен-

ный на книге рисунок и отнес издателю. Его напечатали темно-зеленой краской на бумаге светло-зеленого, грязноватого цвета. Вскоре после выхода книги Грин вернулся домой расстроенный и сказал с досадой: "Говорят, что обложка "Шапки-невидимки" похожа на обертку для мыла". И действительно, рисунок, вытесненный на переплете тонкими золотыми линиями, в передаче Александра Степановича расплылся и погрубел, а тон обложки был неприятен.

И все-таки выход первой книги нас очень радовал.

"Остров Рено"

После разгона II Государственной думы (1907 г.)[119] началась так называемая "столыпинская реакция".[120] Участились аресты, ссылки, казни, крайне левые партии снова ушли в подполье, в обществе же наступило разочарование в политической деятельности, подавленность и апатия.

Политическая реакция сказывалась во всех областях общественной жизни, в том числе и в литературе. Отразилась она и на творчестве Грина. К упадочному настроению, которое пережило тогда всё русское общество, у него присоединилась еще очень большая нервная усталость. Ведь он сначала просидел два года в севастопольской тюрьме, потом месяцев пять в Петербурге, был сослан, бежал и четыре года жил нелегально, что, конечно, тоже трепало нервы. Именно из-за этой нервной усталости Грин и отказался от работы в партии, открыто заявив: "Не хочу работать больше, устал, не хочу рисковать". И прямота этих заявлений обезоруживала. Грин не изменил революции, а только отошел от нее.

В это же время он нашел и свое призвание: это была литература. В первые годы писательства Грин был полон впечатлений, накопившихся от революционной деятельности, и писал на темы из жизни подпольщиков. Такими рассказами полна его первая книга "Шапка-невидимка". Но этот материал иссяк, а тем временем политическая реакция сказалась и в литературе.

В те годы, когда нарастало революционное движение, у читателей пользовались огромным успехом писатели-реалисты, группировавшиеся вокруг журналов левого направления: "Мир Божий"[121], "Русское богатство"[122] или же сотрудничавшие в сборниках издательства "Знание"[123], которое возглавлял М.Горький. В них писали, кроме самого Горького, — Скиталец, Бунин, Чириков, Серафимович, Телешов, Юшкевич и другие. Но в эпоху реакции, когда уныние охватило интеллигенцию, вошли в моду писатели, уводившие

читателей от общественной жизни в мир эстетики, эротики, мистики и фантастики. Ни эротика, ни мистика, ни эстетика не увлекли Александра Степановича. Его пленяли фантастика и романтизм.

Первым рассказом, в котором Грин заявил себя романтиком, был "Остров Рено". Самое название уже указывает на влияние Федора Сологуба. В быту Ф.К.Сологуб и А.С.Грин не выносили друг друга. В разное время мне довелось выслушать от них очень резкие отзывы друг о друге. Но как писателя Грин высоко ценил Федора Сологуба, и это сказывалось на его произведениях.

Помню, как однажды, возвращаясь домой, Александр Степанович купил какой-то "тонкий" журнальчик, кажется "Всемирную панораму"[124] и, едучи на империале конки[125], прочел там стихи Сологуба: "Люблю блуждать я над трясиной дрожащим огоньком..."

Дома, вечером, Александр Степанович ходил по комнате в раздумье, потом на память, отчеканивая каждое слово, сказал последние строки этого стихотворения:

Судьба дала мне плоть растленную,
Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою пленною
Безумную любовь.

В другой раз, тоже на память, произнес вступление к "Навьим чарам"[126]: "Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из нее сладостную легенду, ибо я поэт".

У Сологуба страны Ойле и Мейрур, река Лигой[127] и т. д. У Грина — остров Рено, город Зурбаган[128] и прочее. Разница только в том, что у Сологуба страна Ойле — потусторонняя, мистическая, а у Грина — никакой мистики, все его острова и города на земном шаре.

В апреле 1909 года в "Новом журнале для всех" был напечатан рассказ "Остров Рено". Рассказ этот имел успех. С ним связано приятное воспоминание. Вскоре после выхода номера журнала с рассказом, Александр Степанович зашел за мной в лабораторию, и едва мы успели выйти на улицу, как он вытащил из кармана открытку и дал мне ее прочесть. Письмо было от Анатолия Каменского. В нем писатель восторженно отзывался об "Острове Рено". Радостна была и высокая оценка, высказанная Каменским, и ощущение доброты и справедливости, сквозившее в письме; далеко не всегда писатели так щедро оценивают друг друга.

Довольно долгое время спустя после того, как был напечатан "Остров Рено", Грин очень удивил меня, сказав, что написал этот рассказ под влиянием одной моей фантазии. Он напомнил мне,

как я ему рассказала сон, из которого собиралась сделать фантастическую повесть. Снилось мне, приблизительно, следующее: раннее утро, росистый рассвет; на лугу, около опушки, недалеко от дачного поселка, лежит огромное, непохожее ни на одного из земных обитателей, чудовище. Оно упало с другой планеты. Чудовище страшно своей величиной и необычайностью, но в то же время оно и жалко, так как плохо чувствует себя в нашей обстановке. Днем его, конечно, найдут люди, но что произойдет из этого, я не знала и вскоре всю эту затею бросила и забыла.

Между этим сном-фантазией и фабулой "Острова Рено" нет ничего общего. Поэтому мне захотелось проверить, правильно ли я поняла Грина. Когда осенью 1927 года мы с Александром Степановичем подробно вспоминали его жизнь, чтобы проверить канву биографии, составленную мною, я спросила, не обманывает ли меня память насчет того, что моя фантазия о чудовище с другой планеты послужила косвенной причиной написания "Острова Рено". Грин живо подтвердил, что так оно и было. Но, к сожалению, я не расспросила, какая зависимость была между моей простенькой фантазией и его ярким рассказом. Я была увлечена проверкой фактов его биографии. Мысль, что Александр Степанович может быть недолговечным, мне и в голову не приходила.

Вспоминая об этом теперь, я могу объяснить эту зависимость только так: в химии известно такое явление: в стакане находится жидкость, называемая "насыщенным раствором", например, вода, в которой растворено так много соли, что при прибавке соли это новое количество уже не растворяется. Раствор прозрачный, соли в нем не видно. Но достаточно бывает провести вдоль стенок стакана стеклянной палочкой, как жидкость в одно мгновенье застывает в виде массы кристаллов, сразу в ней обнаружившихся. Трение палочки о стенки стакана дало толчок к завершению назревшего процесса кристаллизации.

Нечто подобное произошло и с написанием "Острова Рено". Мысли-мечты о том, что надо бы написать захватывающий рассказ о стране и людях, непохожих на повседневных будничных людей, давно зрели в душе Грина. Но нужен был какой-то незначительный толчок, вроде трения стеклянной палочки о стенки стакана, чтобы выявить бродившие в сфере фантазии, картины и образы.

Но если Грин, романтик и мечтатель, создал из фантазии о чудовище — "Остров Рено", то Грин-реалист создал из нее нечто совсем другое. В самом конце "Приключений Гинча" мы читаем: *"Он* (Лебедев-Гинч. — *В.К.) пережил... в заключение страшную и яркую фан-*

тасмагорию. Дело было неподалеку от дач, в лесу. Золотистый лесной день видел начало пикника, в котором, кроме Лебедева, участвовали доступные женщины, купеческие сынки и литературные люди в манишках. Загородная оргия с кэк-уоками[129], эротическими сценами и покаянными слезами окончилась к ночи. Все разбрелись, а Лебедев, или, как он стал сам называть себя, Гинч, в темном состоянии мозга, заполз в кусты, где проснулся на другой день самым ранним утром, к восходу солнца.

Сонные видения мешались с действительностью. Он лежал на обрыве, край которого утопал в светлом утреннем тумане; вокруг свешивалась зелень ветвей, перед глазами качались травы и лесные цветы. Гинч смотрел на всё это и думал о девственной земле ледниковой эпохи. "Первобытный пейзаж", — пришло ему в голову. Думая, что грезит, он закрыл глаза, боясь проснуться, и снова открыл их. На обрыве, чернея фантастическими контурами, шевелилось что-то живое, напоминающее одушевленное огородное чучело. У этого существа были длинные волосы; кряжистое, тяжеловесное, оно передвигалось, припадая к земле, а, выпрямляясь, пересекало небо; тень урода ползла к лесу.

Выкатилось петербургское солнце, заиграло в траве. Гинч думал о чудовище, рождающемся из недр земли; первобытным человеком казалось оно ему, девственным произведением щедрой земли. Наконец Гинч проснулся совсем, встал, озяб и узнал окрестность. Невдалеке желтели дачные домики.

Чудовище подошло ближе. Это был безногий, с зверским лицом, калека нищий, изодранный, голобрюхий и грязный. "На сотку[130] благословите, барин", — сказало отрепье".

Авиационная неделя

В апреле 1910 года в газетах появилось объявление, в котором Всероссийский авиационный комитет извещал население о том, что на Коломяжском ипподроме[131] с 25 апреля по 2 мая состоится "авиационная неделя". Еще сообщалось, что в состязании должны участвовать первоклассные авиаторы: Попов (Россия), Христианс (Бельгия), Эдмонд (Швейцария), баронесса де Ларош (Франция), Винцирс (Германия) и Моран (Франция). Внизу объявления мелким шрифтом стояло: "С.Петербургский авиационный комитет покорнейше просит почтенную публику, ввиду огромного стечения экипажей в дни полетов, приезжать на Коломяжский ипподром заблаговременно, чтобы не опоздать к началу состязаний".

Теперь мы так привыкли к полетам и к летчикам, что удивить или взволновать нас возможно только грандиозными перелетами или через всю Сибирь, или через Атлантический океан, или на Северный полюс. Чуть ли не каждый школьник знает, что такое "мертвая петля" или "бочка".[132] Мы много раз следили по газетам, как один за другим побивались рекорды высоты, и потому нам трудно представить себе ту степень восторга, какую испытывали петербуржцы в эту первую "авиационную неделю". Летное дело у нас только зарождалось, и все мы, за небольшим исключением, впервые видели монопланы и бипланы, реющие в воздухе. Удивительно вспомнить, как поразила тогда высота в 450 метров, набранная Мораном. В газетах писали, что ведь это — высота Эйфелевой башни. На подобную высоту могли подниматься только такие удальцы, как Моран и Попов, а Христианс, хотя и поднимался до 400 метров, однако, предпочитал зарабатывать призы на длительность полета, кружась над ипподромом на высоте 15-20 метров. Теперь подобные полеты вызывают улыбку, но тогда, в 1910 году, они вызывали слезы восторга. Это было сильное переживание — увидеть в первый раз, как "Блерио" или "Фарман"[133] отделяются от земли и плавно поднимаются ввысь. Всех нас охватывало чувство радости и гордости за человека, собственными усилиями добившегося возможности летать, и восторг перед мужеством летчиков.

Когда авиатор начинал набирать высоту, публика аплодировала, махала платками, кричала... Общее чувство радостного возбуждения охватывало всех: военных и штатских, дам, чиновников, рабочих, студентов и уличных мальчишек, громоздившихся на заборах и деревьях. Толпа заливала не только ипподром и все поля вокруг него, но даже Каменноостровский проспект. Трамваи были невероятно переполнены, большинство зрителей валило на ипподром пешком, но ничего не портило радостного настроения.

В те годы от Новой Деревни[134] к Озеркам, через Коломяги, вела веточка железной дороги, по которой курсировали небольшие дачные поезда. В "авиационную неделю" движение по этой дороге было сильно затруднено. С насыпи был хорошо виден ипподром, поэтому вся она вплотную была занята толпой. Как проехать поезду? Остановится поездишко, машинист дает свисток за свистком, никто не слушает: глаза устремлены кверху, руками машут, кричат. Машинист тоже кричит: "Господа! Честью прошу, сойдите! Надо ехать. Мы по графику!" Никто не обращает на него внимания. Наконец кондуктора начинают энергично расталкивать публику, требуя пропустить, и толпа неохотно уступает.

Ипподром был плохо приспособлен для разбега аэропланов, авиаторы ссорились между собой. Попов в течение недели поломал два "Райта"[135], поломалась и "Антуанетт"[136], на которой летал Винцирс. Моран попал в струю воздуха от биплана[137] Эдмонда и упал, ранив несколько зрителей, де Ларош совсем не летала, но всё это принималось как неизбежное в новом, мало изученном деле и никому в вину не ставилось. Зато, когда в первый раз поднялся "летун" Попов и начал описывать круги над аэродромом, оркестр заиграл гимн, а когда публика пришла в восторг от всё увеличивающегося числа кругов, торжественно зазвучали военные фанфары.

Христианса и Эдмонда, не желавших рисковать и методически зарабатывающих свои призы на небольшой высоте, публика с мягкой усмешкой называла "извозчиками". Про Морана с одобрением рассказывали, что он ученик Блерио, который называл его "осужденным на смерть" за беззаветную смелость. Когда Попов разбил свой аппарат, то открыли подписку на сооружение для него новой машины, и в первые несколько минут подписки собрали 1305 рублей.

В дни полетов я не узнавала некоторых из своих знакомых. Мой начальник, заведующий лабораторией Б.Г.Карпов, проводивший всю свою жизнь между лабораторией и своей квартирой, находившейся в соседнем доме, человек характера созерцательного и малоподвижного, совершенно изменился во время "авиационной недели". Кончал работу не в десять часов вечера, как обычно, а в четыре и отправлялся пешком с Васильевского острова через всю Петербургскую и Каменноостровский — на ипподром. Этот немалый путь он проделывал в течение недели чуть ли не каждый день.

Писательница О.Миртов (Ольга Котылева), побывавшая на полетах со своим мужем, посмеиваясь, говорила: "Не отпирайся, я видела, когда Моран поднялся ввысь, ты чуть не заплакал". И написала рассказ, в котором изобразила упоение летчика при высоком подъеме.

Я была на ипподроме два раза. В первый раз с подругой и ее ученицей, девушкой лет пятнадцати-шестнадцати. Билетов для входа на ипподром мы, конечно, не достали, но сговорились с дожидавшимся своего седока извозчиком за небольшую плату стоять на сиденье его пролетки. Отсюда, через забор, видна была часть ипподрома. Видеть аэроплан только в воздухе казалось мало, хотелось уловить момент его отделения от земли. В этот день, помимо аэропланов, должен был еще подняться воздушный шар, а с него спрыгнуть парашютист. Наша молоденькая спутница очень волновалась во время полета аэропланов, смеялась от возбуждения, аплодирова-

ла, но наибольшую радость ей доставил парашютист. Когда продолговатый мягкий комок отделился от корзины шара, стремительно ринулся вниз и, распустившись через несколько тягостных секунд в огромный зонтик, стал плавно спускаться, наша спутница запрыгала на месте и закричала: "Вот это герой, это — настоящий герой!"

Полеты казались мне таким грандиозным и захватывающим зрелищем, что захотелось всех уговорить посмотреть их. Отец отказался, но тетушка Елизавета Егоровна, к моему удивлению, очень скоро согласилась. Тетушка была особа очень полная и малоподвижная, к тому же она панически боялась толпы. Но, вероятно, общие толки о полетах, газетные сообщения и мое возбуждение расшевелили ее. Я заехала за ней... Толпа вокруг ипподрома была огромная, назад пришлось идти пешком до конечной остановки трамвая в Новой Деревне, но тетушка выдержала все эти неприятности безропотно и даже благодарила меня за то, что я вытащила ее на полеты.

Совсем иначе воспринял их Александр Степанович. Всю неделю авиации он был мрачен и много пропадал из дому. Когда я с восхищением заговорила о полетах, он сердито ответил, что все эти восторги нелепы: летательные аппараты тяжеловесны и безобразны, а летчики — те же шоферы. Я возразила, что авиатор должен быть отважным, а мужества нельзя не ценить. Грин ответил, что и шофер, развивая большую скорость в людном городе, тоже немало рискует. Потом он написал рассказ "Состязание в Лиссе".[138] В этом рассказе человек, одаренный сверхъестественной способностью летать без всяких приспособлений, вступает в состязание с авиатором, появляется перед ним в воздухе, мешает ему и приводит в состояние паники и растерянности. Авиатор гибнет.

Прослушав этот рассказ, я сказала, что полет человека без аппарата ничем не доказывается, ничем не объясняется, а потому ему не веришь. Александр Степанович вообще не выносил замечаний, а тут был особенно не в духе и резко ответил: *"Я хочу, чтобы мой герой летал так, как мы все летали в детстве во сне, и он будет летать!"*

Между тем, Грин прекрасно понимал, что и фантастические рассказы обязаны иметь свою, пусть условную, но неотразимую убедительность. Это видно из слов Аммона Кута (герой рассказа "Искатель приключений"[139]), когда он описывает виденную им на выставке картину: *"Меня пленила небольшая картина Алара[140] "Дракон, занозивший лапу". Заноза, и усилия, которые делает дракон, валяясь на спине, как собака, чтобы удалить из раненого места кусок щепки, — действуют убедительно. Невозможно, смотря на эту картину из быта драконов, сомневаться в их существовании".*

Однако, этой убедительности в "Состязании в Лиссе" не было. Тема не была еще выношена. Но она очень занимала Александра Степановича, и он через 13 лет блестяще овладел ею. Ведь те страницы, в начале "Блистающего мира"[141], где герой романа Друд приводит в ужас весь цирк, поднявшись без всяких приспособлений в воздух, действительно убеждает, что такой полет возможен. Они настолько приводят в восторг и заставляют волноваться, что становится почти ненужным объяснение, которое дает Друд директору цирка на вопрос, как это он умудряется летать без аппарата: *"Об этом я знаю не больше вашего; вероятно, не больше того, что знают некоторые сочинители о своих сюжетах и темах: они являются. Так это является у меня".*

Первый благожелательный критик

В 1910 году в издательстве "Земля" вышел том рассказов А.С. Грина. Выход этой книги ознаменовался рецензией А.Горнфельда, помещенной в третьем номере журнала "Русское богатство". Рецензия эта резко отличается от большинства отзывов того времени о Грине не только своим благожелательным тоном, но и глубиной и тонкостью понимания. Содержание большинства тогдашних отзывов было обычно таково: авантюрный писатель, подражает таким-то и таким-то иностранным авторам. Горнфельд понял Грина иначе. Указав, что его считают подражателем Брет-Гарта, критик пишет: "Но это поверхностное впечатление; у Грина это не подделка и не внешняя стилизация: это свое... Брет-Гарт или Киплинг, или По, которые и в самом деле дали много рассказам Грина, — только оболочка. Просто в этой, конечно, абстрактной форме ему легче найти — то есть высказать то, чего он ищет... Новой жизни ищет Тарт.[142] Все герои ищут ее... Грин, по преимуществу, поэт напряженной жизни... Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой. И оттого, как ни много льется крови в рассказах Грина, она незаметна... Не об их (своих героев. — *В.К.*) смерти он думает, а о жизни. Это хороший результат, и к нему приводит каждый рассказ Грина".

Журнал "Русское богатство" был левого направления, с народническим уклоном. Грин несколько раз предлагал туда свои рассказы, но их отвергали. Принят был только рассказ "Ксения Турпанова"[143], вероятно, потому, что в нем описывался быт ссыльных. Поэтому особенно удивительно было то, что первый прекрасный отзыв о его творчестве появился на страницах "Русского богатства". Это объяс-

няется тем свойством А.Горнфельда, за которое его иногда упрекали: он был не критиком-публицистом, а критиком-аналитиком, главный интерес которого сосредоточивался на эстетической оценке произведения. Недаром в списке трудов А.Г.Горнфельда встречаются такие названия как "Критика и лирика", "Литература и героизм", "Муки слова" и тому подобное. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона[144] помещены его статьи "Поэтика" и "Поэзия".[145]

Аркадий Георгиевич Горнфельд родился в 1867 году. Окончив университет в Харькове, он поехал в Германию, где занимался вопросами литературного творчества у профессоров Лацаруса и Гейгера. Вернувшись в Россию, сотрудничал в журналах "Восход", "Журнал для всех", "Сын Отечества".[146] Вел критический фельетон в журнале "Товарищ".[147] Позднее местом его постоянной работы стал журнал "Русское богатство". Здесь Горнфельд был сначала сотрудником, а позднее, много лет, — членом редакции, в состав которой входили Короленко, Мельшин-Якубович, Пешехонов, Анненский и Мякотин.

А.Грин познакомился с Горнфельдом. Аркадий Георгиевич не раз ссужал его в голодные 1918–1920 годы то деньгами, то табаком и всегда относился к нему с неизменным доброжелательством и мягкостью. Положительная оценка Грина как писателя не изменялась у Горнфельда до конца жизни Александра Степановича. В его отзыве на книгу А.Грина "Искатель приключений"[148], выпущенную в 1916 году издательством "Северные дни", оценка еще более сильна: "Грин — незаурядная фигура в нашей беллетристике; то, что он мало оценен, коренится в известной степени в его недостатках, но гораздо более значительную роль здесь играют его достоинства... Грин все-таки не подражатель Э.По... Он самостоятелен более, чем многие пишущие заурядные реалистические рассказы... Шаблон реализма ведь тоже шаблон, лишь более общепринятый, но не более творческий. У Грина же в основе нет шаблона; он не самобытен в манере, которая принадлежит школе, но самостоятелен в процессе создания, и хочется иногда сказать, что несмотря ни на что, Грин был бы Грином, если бы и не было Э.По".

Свадьба

По фальшивому паспорту Грин прожил в Петербурге до конца июля 1910 года. Летом этого года отец дал мне денег на поездку в Кисловодск полечить сердце. Я пробыла там недель пять. С Александром Степановичем мы деятельно переписывались. Его после-

днее письмо я получила дня за два до отъезда, когда у меня был уже взят железнодорожный билет.

Вернувшись в Петербург и подъехав к дому, в котором жила, я оставила вещи на пролетке и пошла за дворником. Обычно приветливый и разговорчивый, парень взглянул на меня исподлобья, молча пошел за вещами и молча втащил их наверх. Кухарка, открывшая дверь, тотчас метнулась к хозяйке. Я подошла к двери комнаты Александра Степановича, она оказалась запертой, на стук никто не ответил. Вышла хозяйка меблированных комнат и объяснила мне, что три дня назад он был арестован. Грин, как это часто случалось, дня два пропадал из дому. Агенты охранного отделения посадили дворников в засаду, а сами дежурили на дворе. Когда Грин вошел на лестницу, дворники схватили его. Вместе с агентами охранки поднялись наверх. Сделали обыск, но ничего незаконного не нашли. Агенты объявили ему, что он арестован. Грин попросил разрешения послать за водкой. Разрешили, потом неведомо куда увезли.

Рассказ этот ошеломил меня. Теперь, много лет спустя, трудно понять оптимистическое легкомыслие, которое владело в одинаковой мере и Грином, и мной в те четыре года, которые он прожил по чужому паспорту. Паспорт был подлинный, не фальшивый, но ведь его бывший владелец умер, и то, что Александр Степанович — не Мальгинов, всегда могло раскрыться. Тем не менее, у нас за все эти четыре года не было ни одного разговора насчет его возможного ареста и новой ссылки. Мы никогда ни о чем не уславливались, никогда не обсуждали, что каждый из нас должен сделать в случае катастрофы. Думаю, что тут имело значение не только наше легкомыслие, но и то глубокое доверие, которое мы бессознательно питали друг к другу. Я не сомневалась, что он на мне женится, а он — что я пойду за ним в ссылку. Катастрофа произошла совершенно неожиданно.

Хозяйка меблированных комнат сказала, что и обо мне спрашивали, что, мол, и за мной придут. На какое-то время я поддалась панике. Уничтожила все письма, среди которых было много писем отца и Александра Степановича. Потом об этом горько жалела. Успокоившись, я стала думать о том, как разыскать Грина. В "Красном кресте" я имела дело только с арестованными, места заключения которых были уже известны их родственникам или знакомым. Мне не приходилось их разыскивать. Как это делается, я не знала. С кем посоветоваться?

Я поехала к Ольге Эммануиловне Котылевой, писательнице, печатавшейся под псевдонимом О.Миртов. Это была красивая, умная

женщина, социал-демократка, побывавшая за свои убеждения в ссылке. Помимо маленьких рассказов она написала два больших романа: "Мертвая зыбь" — до революции и "Помещики" — после революции. Раньше, чем познакомить меня с Ольгой Эммануиловной, Грин заинтересовал меня рассказами о ней. По матери она была внучкой Петра Лаврова. Грин рассказал мне, что она была очень несчастна в первом браке, от которого у нее было трое сыновей. Когда я познакомилась с Ольгой Эммануиловной, она была замужем за И.М.Розенфельдом; в их доме я всегда бывала с большим интересом и видела от обоих супругов много тепла. Оба они, и жена, и муж, отнеслись ко мне мягко и доброжелательно. Меня обласкали и утешили. А Ольга Эммануиловна посоветовала: "Наймите извозчика, оденьтесь получше и поезжайте в охранное отделение. У ворот подайте свою визитную карточку и попросите, чтобы вас принял дежурный офицер. Не беда, если приедете в неприемный день, дежурный офицер там всегда есть".

На другой день я так и сделала. Дежурный у ворот взял мою карточку, исчез с ней, потом вернулся и велел идти за собой. Вошли во двор, спустились в подвал, прошли через ряд совсем темных помещений, потом вышли на широкую светлую лестницу и поднялись во второй этаж. Из приемной, через дверь, которой я не заметила сначала, так хорошо она была замаскирована, вошли в комнату дежурного офицера. Офицер сказал, что Мальгинов сразу открылся, объяснил, что бежал из ссылки, и подал прошение о разрешении венчаться со мной, В.П.Абрамовой. Находится же он в Доме предварительного заключения.[149]

Назад, на Васильевский остров, я шла пешком. Всё во мне ликовало и торжествовало. Я думала с восторгом: "Что теперь сможет сказать отец? Что Александр Степанович обманщик? И никогда на мне не женится? Пришлось ли мне хоть заикнуться о венчании, когда оно стало возможным? Ведь меня с ним в это время не было".

На другой день я сделала Грину передачу, и, таким образом, он понял, что я вернулась и нашла его.

Отец в то время был на курорте. Его фактическая жена, Екатерина Ивановна К., нашла ему новую квартиру на Спасской улице[150] и перевезла туда вещи. Когда я вернулась, мне следовало устраивать квартиру, следить за обойщиком и монтером, разбирать книги, посуду и белье. Поэтому все вечера я проводила на квартире отца. Сюда же однажды приехала и Екатерина Ивановна. Она была вдова, жила постоянно за городом, снимая небольшие отдельные домики. Держала птиц, собачонок, всегда оригинально, по-особенному,

одевалась и имела строго ограниченный круг знакомых. Мы с тетушкой ее побаивались. Она была умна, зла на язык и имела на отца большое влияние. Поэтому, отправляясь к ней с визитами на Новый год или в день ее именин, мы с опаской ждали: что-то скажет она о нас отцу?

Но в августе 1910 года Екатерина Ивановна пришла на квартиру отца, где я занималась уборкой, совсем с другим лицом, чем обычно: приветливая, участливая. Сказала первая: "Я знаю из газет, что Грин арестован. Как вы себя чувствуете, как его дела?"

Я рассказала, что Александр Степанович — в предварилке, положение его можно считать выясненным, так как он открыл свое имя, что его, разумеется, опять сошлют, и что он подал прошение о венчании со мной.

Вероятно, Екатерина Ивановна написала о нас отцу. Вскоре он вернулся в Петербург. Первый заговорил о Грине, первый предложил брать у него денег, сколько понадобится.

Деньги были чрезвычайно нужны, и я брала их у отца много. Александра Степановича перевели из Дома предварительного заключения в Арестный дом при Спасской части. Здесь режим был легкий. Позволялось доставлять заключенным обед из ресторана. Это я наладила. Когда выяснилось, что Грин приговорен к ссылке в Архангельскую губернию, понадобилось купить ему меховое полупальто, меховую шапку, шерстяные носки и так далее. Готовились к венчанию, а у Александра Степановича, кроме плохонькой пиджачной тройки, ничего не было. В Арестный дом пришел портной и снял с Грина мерку.

Между тем, с венчанием дело не двигалось. Происходило что-то в то время для меня непонятное. Никто прямо не отказывал, все обещали дать разрешение на венчание, но один пересылал к другому, жандармское управление отвечало, что дело застряло в градоначальстве, а в градоначальстве говорили, что тормозит охранка, охранка же ссылалась на жандармское управление. Приемные дни во всех этих учреждениях были разные, так что каждый день (считая, что надо было ходить и на свидание в Спасскую часть) приходилось где-нибудь дежурить, а очереди везде были большие. Хорошо, что работать в лаборатории можно было во всякое время, так что этой работы я не теряла. Но я очень уставала, а, кроме того, приходила ли я к отцу или являлась на свидание к Александру Степановичу, — тут и там меня ждали вопросы: "Ну, что, разрешили венчаться?" И было тягостно отвечать, что от моих хлопот нет никаких результатов. Я стала даже прихварывать. Если бы не отец, я броси-

ла бы всю эту бесполезную возню и поехала бы в ссылку, не венчаясь. Там, на месте, не могло быть к венчанию никаких препятствий, ведь Александр Степанович был холост, а я — незамужняя, документы — в порядке. Но я понимала, что для отца совершенно необходимо, чтобы я уехала из Петербурга с законным мужем, а не бежала бы с никому неизвестным ссыльным. Понимала это по тому пристальному расспрашиванию, от которого, несмотря на свою гордость, не мог удержаться отец.

После одного из моих свиданий с Александром Степановичем смотритель Арестного дома пригласил меня к себе в служебный кабинет и сказал: "Вашего жениха, барышня, скоро вышлют, как это вы не можете добиться венчания? Я бы на вашем месте уже давно добился бы". Эти слова задели меня, и я с жаром рассказала, как я делаю всё, что возможно, но ничего не выходит. Смотритель внимательно выслушал меня, подумал и сказал: "А вы вот что сделайте. Пойдите к полковнику X., он служит в градоначальстве и состоит ктитором[151] церкви градоначальства. Он любитель церковного пения, а певчие — те все больше барышни из адресного стола. (Адресный стол помещался тогда в доме при Спасской части. — *В.К.*) Полковник часто у нас бывает, меня хорошо знает, от моего имени и пойдите". Смотритель дал мне адрес полковника, где-то на Песках[152], и я пошла. Известие о том, что Грин назначен к высылке в скором времени, подстегнуло меня. Я не задумалась о том, почему этот чужой человек из враждебного мне лагеря должен помогать мне, я добивалась только цели: обвенчаться с Александром Степановичем и тем успокоить отца.

Полковник X., когда я вошла к нему, официально спросил: "Чем могу служить?" — "Пожалуйста, выдайте меня замуж". — "Что-о-о? Садитесь и расскажите".

Я рассказала, что вот уже больше двух месяцев бесплодно добиваюсь разрешения на венчание. Объяснила, почему венчаться в Петербурге для меня так важно. Полковник ответил: "Хорошо, приходите ко мне в градоначальство послезавтра, не в приемные часы, а попозже. С Адмиралтейского[153] будет заперто, так вы идите с Гороховой и скажите, что я назначил вам прийти, вас пропустят".

Когда я пришла в назначенное время, полковник сказал: "Ну и нагорело же мне от градоначальника за вас!" — "Не разрешил?!" — "Венчаться-то разрешил, да я просил, чтобы вам позволили устроить в зале, соседнем с церковью, поздравление с шампанским, а градоначальник закричал: "Это еще что? Чтобы они тут еще кабак устроили!"

Я поблагодарила этого доброго человека за помощь и объяснила, что не могу позвать своих родных на свадьбу с арестантом, и что поэтому зал для поздравлений не нужен. Полковник сказал мне, чтобы я пошла к священнику церкви градоначальства и сговорилась бы с ним о венчании, а после свадьбы он даст мне письмо своему знакомому вице-губернатору Архангельской губернии.

Священник назначил венчанье дней через восемь-десять, в воскресенье, после обедни. Наконец-то я могла сказать и отцу, и Александру Степановичу, что венчанье разрешено!

Когда я опять пришла в Арестный дом и поблагодарила смотрителя за совет, оказавшийся таким плодотворным, он ответил: "А знаете, почему полковник принял в вас участие? Потому, что несколько лет назад его дочь сбежала за границу с политическим эмигрантом". Один несчастный отец пожалел другого.

Для девушек моего поколения свадебный ритуал был крупным жизненным событием. К нему следовало приготовиться. Я сшила себе хоть и скромное, но белое платье, а в день венчанья пригласила на дом парикмахера причесать меня и прикрепить фату с флёрдоранжем.[154] Заранее заказала две кареты: одна приехала за мной, другая — в Арестный дом, за Александром Степановичем. Со мной ехала тетушка и один из шаферов.[155] Грина привезли под слабым конвоем; с ним в карете ехал помощник начальника арестного дома, а на козлах — городовой. В церковь пришел еще шафер и две сестры Александра Степановича: Наталья Степановна и младшая сестра — Екатерина Степановна, приезжавшая тогда погостить к старшей. Однако, несмотря на малое количество званых, церковь была наполовину заполнена незнакомыми штатскими; они же стояли по обеим сторонам лестницы, ведущей во второй этаж, в церковь.

Неловко было проходить мимо этих, в упор смотревших на нас, людей. Также пристально рассматривали нас и барышни-певчие, стоявшие на клиросе.[156] А мы, на беду, шагу ступить не умели, всё делали невпопад или по подсказке. У нас не было атласного полотенца, которое стелется под ноги венчающимся. Кто-то, сердобольный, принес вместо него обычное. Требовалось иметь четырех шаферов, так как трудно во всё время венчания держать тяжелые венцы, а у нас было только два шафера, кто-то из агентов сменил усталых шаферов. У меня от волнения лопнула нижняя губа, и я очень конфузилась от того, что на ней то и дело выступала капелька крови... Наконец, обряд кончился. Повели расписываться и что-то объяснили насчет паспортов, торопили с получением новых. Затем Александру Степановичу следовало вести меня вниз под руку, а мы

пошли порознь, да еще Александр Степанович громко сказал: "Ну вот, ты теперь моя законная жена, и я могу, если ты убежишь, вернуть тебя по этапу". Сели каждый в свою карету и поехали в разные стороны.

Тетушка сразу отправилась к отцу, а я к себе в комнату. Я знала: теперь, когда дело дошло до благополучного конца, отец опять замолчит. И потому не следует ничем подчеркивать состоявшейся свадьбы. Дома я надела простую блузку и поехала обедать к отцу в те часы, как это было принято. Отец, конечно, знал уже от тетушки, что венчанье состоялось. И, как я и ожидала, ни о чем не спросил меня и не поздравил. Так больше никогда об Александре Степановиче разговора и не было. Но материальной помощи отец нас не лишал.

Еще до венчания отец спросил меня, не останусь ли я с ним в Петербурге, когда Грина вышлют, но я ответила, что невозможно отпустить его в ссылку одного вообще, а если состоится венчанье — особенно. Я обещала отцу приезжать к нему из ссылки два раза в год.

Через несколько дней после венчанья Грина перевели в пересыльную тюрьму. Был назначен день высылки. Я еще раз пошла к полковнику X. Благодарила его за услугу, которую он нам оказал. Полковник дал мне письмо к вице-губернатору Архангельской губернии и сказал, чтобы я написала ему, полковнику X., о том, куда вышлет нас губернатор.

Перед высылкой следовало пойти на свидание к Александру Степановичу, чтобы узнать, что ему надо на дорогу. На это свидание пошел со мной, чтобы проститься с Грином, Алексей Павлович Чапыгин. Начальник пересыльной тюрьмы, бывший чрезвычайно любезным с посетителями Дома предварительного заключения, где он был помощником начальника тюрьмы в 1906 году, теперь не отвечал спрашивавшим, а обрывал их, не говорил, но рычал. Слышно было, как он в коридоре орал на надзирателей. Мне он свидание разрешил, но Алексею Павловичу отказал. Досадно было, что Чапыгину пришлось проделать напрасно неблизкий путь до пересыльной тюрьмы.

На свидании Грин сказал мне, чтобы я пошла к С.А.Венгерову в Литературный фонд и подала прошение о пособии по случаю высылки. Я сказала, что в этом нет надобности, так как отец дает денег, сколько надо, но Александру Степановичу хотелось иметь свои деньги, и он настаивал, чтобы я пошла. Я так и сделала.

Приняв от меня заявление, Венгеров вышел в соседнюю комнату и стал с кем-то говорить по телефону. Спрашивал, давать ли

пособие Грину, объясняя, что за пособием пришла жена. Выслушал какой-то ответ и сказал: "Но эта утверждает, что они обвенчались, и что она едет с ним в ссылку". Венгеров вышел ко мне и сказал, что мне выдадут двадцать пять рублей. Слышанный разговор меня обидел. Весь его тон был недоброжелательный по отношению к Александру Степановичу. А потом — что за слова: "Эта утверждает". Разве могли быть у Грина другие жены? Я так верила тогда, что он меня любит, что ни слова не сказала ему об этом разговоре.

Как-то Н.Я.Быховский рассказал мне о другом эпизоде, связанном с Венгеровым. На каком-то литературном вечере Венгеров подошел к Науму Яковлевичу и спросил, указывая на Грина: "Вы, кажется, хорошо знакомы с Грином? Он подал заявление о своем желании вступить в члены Литературного фонда. Но, говорят, что он беглый каторжник, что он убил свою первую жену, а потом — английского капитана, у которого украл чемодан с рукописями, теперь он их переводит и выдает за свои произведения. Мы в большом затруднении — можно ли принять его в Литературный фонд". Быховский уверил его, что Грин сидел в тюрьме только по политическому делу, ни одного иностранного языка не знает и пишет свои рассказы самостоятельно. После этого Александр Степанович был принят в Литературный фонд.

Этот горький анекдот нашел свое место в повести Грина "Приключения Гинча". Эта повесть начинается словами: *"Я должен оговориться. У меня не было никакой охоты заводить новые, случайные знакомства, после того, как один из подобранных мною на улице санкюлотов*[157] *сделался беллетристом, открыл мне свои благодарные объятия, а затем сообщил по секрету некоторым нашим общим знакомым, что я убил английского капитана (не помню, с какого корабля) и украл у него чемодан с рукописями. Никто не мог бы поверить этому. Он сам не верил себе, но в один несчастный для меня день ему пришла в голову мысль придать этой истории некоторое правдоподобие, убедив слушателей, что между Галичем и Костромой я зарезал почтенного старика, воспользовавшись только двугривенным, а в заключение бежал с каторги".*

Разница между этим грустным рассказом и версией, которую мне передал Быховский, только в том, что автор "Приключений Гинча" говорит об убитом старике, а в Литературном фонде говорилось об убитой несуществовавшей первой жене.

В первых числах ноября 1910 года[158] Александра Степановича выслали в арестантском вагоне в Архангельск. С тем же поездом, в классном вагоне, выехала и я.

Два года в ссылке

В Петербурге в день отъезда моросил дождь, было облачно и грязно, а через двое суток, в Архангельске[159], — глубокая, морозная, солнечная зима.

Я остановилась в номерах, переночевала, а на другое утро пошла на прием к вице-губернатору А.Г.Шидловскому. Прочтя письмо полковника Х., вице-губернатор сказал, что выпустит на днях Грина из тюрьмы и отдаст мне на поруки. "Вы за него отвечаете, смотрите, чтобы не убежал", — пошутил он. Прибавил, чтобы я пошла в канцелярию, где мне дадут подорожные[160] не только на меня, но и на Александра Степановича. А ехать мы должны в Пинегу, за 200 километров от Архангельска. Это было очень милостиво, но я поняла степень поблажки только потом, от ссыльных, которые объявили мне, что нас могли заслать гораздо дальше, а тогда, по приезде, я была несколько разочарована: полковник Х. казался мне таким всесильным, что я рассчитывала, что нас оставят в Архангельске.

Я написала полковнику о результатах свидания с вице-губернатором. Полковник, разумеется, не ответил, тем наши отношения с ним и кончились. Я всегда с глубокой благодарностью вспоминаю об этом человеке.

Дня через два выпустили из тюрьмы Александра Степановича. Он пришел в возбужденном, суетливом состоянии. Кинулись покупать не достававшие вещи: валенки, башлыки и кое-что для хозяйства. А через день выехали из Архангельска на паре низкорослых почтовых лошадей. На дно возка уложили чемоданы, корзины, портпледы[161], поверх них настлали слой сена, а на сено положили тонкое одеяло (вместо простыни) и подушки. Мы легли, а ямщик накрыл нас сначала одеялами, а потом меховой полостью.[162] В начале перегона хотелось смотреть и разговаривать, потом глаза начинали слипаться от ровного потряхивания на ухабах, безлюдья и монотонного позвякивания колокольчика. Дремали. Проехав верст пятнадцать, несмотря на валенки, одеяло и полость, начали зябнуть, пальцы на руках и ногах ныли. Пробуждались и посматривали — не видно ли деревни? Наконец достигли почтовой станции, с радостью вылезли из-под всех покрышек и пошли в станционную избу. Там всегда жарко натоплено, и можно заказать самовар. Еды на станциях не бывало; надо было или везти ее с собой, о чем мы не знали, или искать по деревне. Напившись чаю, отогревшись и дождавшись лошадей, поехали дальше.

Первую ночь мы провели во втором этаже станционной избы, в большой, хорошо обставленной комнате, принадлежавшей хозяевам. Хозяин повел нас в нее после того, как Александр Степанович предложил заплатить за ночлег. "Рублевку дадите?" — "Дам". — "Ступайте за мной, наверх. Хороших людей отчего не пустить, вот ссыльных — тех не пускаю". Мы промолчали.

Большая дорога из Архангельска в Пинегу зимой так узка, что разъехаться на ней двум саням невозможно. Поэтому легковой извозчик был обязан сворачивать в снег, уступая дорогу тяжело груженому возу. На второй день путешествия ямщик сказал нам: "Обоз идет, вылезайте!" Стоял тридцатиградусный мороз, и вылезать из-под одеял не хотелось, но выйти пришлось. Пошли по снегу, проваливаясь по колено. Ямщик вел лошадей по самому краю дороги, так что возок, накреняясь, чуть не опрокидывался. Проехал обоз, наши лошади вышли на дорогу, возок выровнялся, мы снова залегли и закутались. Спросили ямщика, почему он ле̌цился так неудобно, по самому краешку? Он ответил, что снега́ так глубоки, что если бы лошадь провалилась даже в двух-трех шагах от дороги, то ее уже трудно вытащить, а бывали и такие случаи: в метель сбивались с дороги, и лошадь попадала в глубокий снег. Делала шаг и проваливалась, второй — и увязала еще глубже, начинала биться, тратила силы в бесплодных усилиях, за много часов продвигалась на несколько саженей[163] и гибла от изнурения.

Александр Степанович больше никогда не путешествовал зимой на перекладных[164]; он вернулся в августе 1911 года в Архангельск на пароходе. Однако зимой 1913 года при мне рассказывал с увлечением, как в Архангельской губернии, на его глазах, погибла от непомерных усилий лошадь, попавшая в глубокий снег. Потом, наедине, я попробовала убедить его, что такого случая при нас не было, а был только рассказ ямщика, но Грин сердился и уверял, что лошадь погибла при нем.

Когда мы на второй день путешествия, к ночи, приехали в станционную избу, она оказалась переполненной. Смотритель посоветовал нам искать ночлега в деревне. Мы постучались в какой-то дом и попросились на ночь. Старик-хозяин спросил Александра Степановича: "А чем вы занимаетесь?" — "Торгую помаленьку". — "Что торгуете-то?" — "Железом". — "Ну, железом торговать — дело не маленькое, а лавка-то где?" — "В Петербурге, на Песках". — "Ну что же, ночуйте, хозяйка самовар поставит".

На третий день путешествия, к вечеру, мы приехали в Пинегу.[165] В 1910 году Пинега хоть и называлась уездным городом, однако,

больше походила на село. Главная улица, растянувшаяся километра на два вдоль большой дороги, вторая, более короткая, параллельная первой, и несколько широких переулков, соединяющих первую улицу со второй и с берегом реки, где тоже лепятся домики, — вот и весь город. Посреди города — площадь и на ней церковь; подальше — еще базарная площадь, больница, почта и несколько лавок.

Скрывать свое социальное положение в Пинеге было бессмысленно. Мы сразу сказали хозяйке станционной избы, что мы ссыльные, и спросили, где есть свободная квартира. Она ответила, что в городе вряд ли найдется свободное помещение, но что, вероятно, мы найдем квартиру на Великом дворе, где постоянно селятся ссыльные.

На другое утро мы пошли на Великий двор. По дороге рассуждали: вероятно, Великий двор — огромное бревенчатое здание, выстроенное четырехугольником. Посреди него — двор. Что-то вроде фаланстеры[166], в которой живут ссыльные. Прошли город до конца и свернули вправо, в овраг, как учила нас хозяйка станционной избы. Прошли по дну оврага и, выбравшись на противоположную его сторону, оказались на высоком берегу реки Пинеги. Тут высилось несколько больших двухэтажных бревенчатых домов обычной северной постройки. Каждый из этих домов состоял из четырех хозяйств: две избы и два больших крытых двора внизу и две избы и два двора наверху. Каждое хозяйство вполне изолировано от другого, а сложены они все вместе для тепла, чтобы меньше продувало. Постройки просторные. Изба состоит из большой кухни с огромной русской печью и чистой половины, а эта, в свою очередь, из двух комнат: в одно окно и в два. На крытом дворе — большие запасы сена и соломы, хлева для скотины, склад саней, сбруи, сельскохозяйственных орудий.

Мы сняли избу во втором этаже, в правой половине дома. Левую верхнюю избу снимали тоже ссыльные: Николай Алексеевич Кулик с женой. Перевезли вещи в новую квартиру, накупили посуды, провизии и стали устраиваться. Но тут Александр Степанович усадил меня на стул и сказал: "Сиди, отдыхай, ты набегалась из-за меня в Петербурге, теперь я буду работать!" И, гремя, задевая за все углы, роняя то одно, то другое, начал развязывать корзины, распаковывать посуду, расставлять и раскладывать всё по местам. Было очень томительно сидеть, ничего не делая, и наблюдать бурную, но неумелую деятельность Александра Степановича. Я хотела хоть растопить печь и постряпать, но услыхала грозное: "Сиди, я сам!" Затопил печь, вымыл мясо и спросил: "Что еще кладут в суп?" —

"Соль, перец и лавровый лист". — "Есть!" Когда мы сели обедать, он вынул ухватом горшок с супом из печки и понес в комнату, но задел за косяк и опрокинул горшок. На дне крупного черепка осталось немного супу, мы его попробовали и не пожалели, что суп разлился, есть его всё равно было бы нельзя. Александр Степанович положил "горсточку" перцу, и бульон обжигал рот.

После раннего обеда я придумала выход из своего скучного положения: пошла в город и купила мадеполаму[167] на шторы и тюлю на занавески. Шить Александр Степанович не умел и потому не мешал мне заниматься этой работой. На другой день вся суматоха кончилась, и мы зажили хорошо.

Дни стояли короткие: мы вставали около девяти часов, когда солнце выплывало из-за горизонта (окна комнат выходили на восток). В два часа дня солнце закатывалось, а в три — наступала глубокая, звездная ночь. Безоблачных дней было много, прекрасно искрились глубокие, чистые снега. Иногда, в большие морозы, играло северное сияние. Я не успела привыкнуть к нему за время ссылки, оно каждый раз волновало меня, казалось таинственным и торжественным. Обычно сияние бывало неяркое: по небу бродили, переливались и бесконечно изменялись голубые или розоватые столбы света; они были так высоки, что, благодаря им, ощущалась глубина небесного пространства. Впрочем, удовольствие это повторялось нечасто.

Н.А.Кулик сказал нам, что в Пинеге есть Народный дом и при нем библиотека. Несмотря на то, что наше представление о Великом дворе оказалось неверным, мы все-таки, идя в Народный дом, опять размечтались. Вот, мол, придем в большое, красивое, ярко освещенное здание, там людно, гремит музыка. А нашли в глухом переулке одноэтажный бревенчатый дом в глубине большого, занесенного снегом двора. Войдя в него, оказались в большой комнате, по рядам аккуратно расставленных стульев догадались, что это — зрительный зал. Он был едва освещен светом, падавшим из комнаты налево. Эта комната была небольшая, в ней находились две стойки, как в трактире. На короткой — стоял кипящий самовар и набор стаканов, на длинной — закуски: селедки, баранки, леденцы и — граммофон. Буфетчик объяснил, что граммофоном можно пользоваться: поставить пластинку стоило копейку. Мы перепробовали множество пластинок. Буфетчик, вероятно, экономил иголки, пластинки шипели и скрежетали.

За буфетом была третья небольшая комната — библиотека. Она-то и спасала Александра Степановича от тоски. Читал Грин очень

много. Подбор книг в библиотеке был случайный, так как большая часть их была пожертвована разными лицами. Были кое-кто из классиков, полные и неполные комплекты толстых журналов и много переводной литературы. Вообще малоподвижный, Александр Степанович редко выходил из дому без надобности, прогулок не признавал, но в библиотеку ходил довольно часто. Позднее, когда мы ближе познакомились с ссыльными, стали получать книги от них, меняться. Между прочим, большим успехом у ссыльных, и вообще у пинежан, пользовался журнал "Пробуждение"[168], который в Петербурге считали вульгарным и незначительным. В Пинеге же подписчики "Пробуждения" и их знакомые с нетерпением ожидали выхода очередного номера, нравились иллюстрации в красках и приложения.

В Пинеге произошла наша первая ссора с Александром Степановичем. Как правило, Грин обособлялся от людей; мы были знакомы с Надеждой Алексеевной Вознесенской, Константином Новиковым, Николаем Ивановичем Студенцовым, К.Шкапиным и другими, но виделись с ними редко. Когда я спрашивала Грина, отчего он так избегает людей, он отвечал: "Пойдут сплетни и свары". Но однажды, уйдя после обеда, Александр Степанович вернулся домой часов в шесть. Его затащила к себе компания ссыльных, пользовавшаяся репутацией пьяниц и драчунов. Напоили. В этот вечер в Народном доме ставили спектакль, в нем участвовала жена Кулика. У нас были взяты билеты. Но, увидав Грина пьяным, я потеряла охоту идти, однако он настоял, и мы пошли. Александр Степанович долго возился, запирая замок, и не позволял сделать этого мне, наконец, догнал меня. Но когда мы вернулись, оказалось, что замок не заперт. К счастью, в темноте и безлюдье никому не пришло в голову подняться во второй этаж и попробовать — заперт ли дом.

Я долго не могла заснуть. Перспектива жить в деревне с пьянствующим Грином показалась мне нестерпимой. Я знала, что во хмелю он зол и перессорится со всеми. Значит, около нас образуется атмосфера не просто отчуждения, а вражды. Не будет денег, так как пропить то, что высылал отец, недолго. А откуда взять денег в Пинеге? Заработков для интеллигентов там никаких не было. И куда деваться от самого Александра Степановича, когда он пьян? Выносить же его пьяным я едва могла. В Петербурге всегда можно было уйти к кому-нибудь из подруг или знакомых. В Пинеге не от кого было ждать помощи ни моральной, ни материальной.

Утром я твердо сказала Александру Степановичу, что если это еще раз повторится, я тотчас же уеду к отцу и не вернусь. Козыри

были в моих руках: ведь я была свободной, а он прикреплен, кроме того, я знала, что он боится одиночества.

И Грин больше в Пинеге не пил. Трезвости его способствовали еще два обстоятельства: он знал, что за порочное поведение ссыльных из Пинеги высылали еще дальше: в Мезень[169] и в Усть-Цильму.[170] Кроме того, Александру Степановичу необходима была для кутежей обстановка: ярко освещенный зал ресторана, музыка, а ничего этого в Пинеге не было.

Впоследствии Грин не раз вспоминал, что два года, проведенные в ссылке, были лучшими годами нашей совместной жизни. Мы там оба отдохнули. Денег отец высылал достаточно. Поэтому Грин мог писать только тогда, когда хотелось, и что хотелось. В Пинеге он написал "Позорный столб"[171] и послал этот рассказ Л.И.Андрусону, который был тогда секретарем "Всеобщего журнала".[172]

Через месяц после приезда нашего в Пинегу нам предложили переехать в дом священника. Дом стоял на высоком берегу реки, которая в этом месте делала излучину, так что дом приходился на мысу. Из окон виднелась снежная даль противоположного низкого берега. Священник, сдавший нам три большие комнаты, а сам с женой и маленьким сыном поселившийся в одной небольшой комнатушке, жаловался, что на эти три комнаты идет слишком много дров. Действительно, чтобы не зябнуть, необходимо было топить квартиру два раза в день, но дрова березовые, колотые, стоили три рубля сажень, так что мы могли вполне справиться с топкой. Еще на Великом дворе мы наняли помощницу колоть и носить дрова, топить печи, стирать белье. При мне она не стряпала, но когда я среди зимы поехала к отцу, ей пришлось всецело обслуживать Александра Степановича.

Грин поручил мне, когда буду в Петербурге, зайти в редакцию "Всеобщего журнала". В редакции я встретила Андрусона. Он очень тепло поздоровался со мной, потом вышел из приемной в соседнюю комнату и замешкался там. В ожидании его, я ходила по приемной. Дойдя до угла, я повернулась и увидела: в дверях, соседней с приемной, комнаты стоит, упираясь руками в косяк дверей, Александр Иванович Котылев. Он подошел ко мне, поздоровался и спросил, как живется в Пинеге. Выслушал ответ, спешно простился и ушел из редакции. Такое поведение меня очень удивило. Котылев довольно часто бывал у нас, когда мы жили на 6-й линии. Он имел репутацию человека порочного, но я не имела возможности убедиться в этом. На мой взгляд, это был человек умный и хорошо воспитанный. Казалось, что они с Грином дру-

жили. Приехав в Пинегу, я рассказала Александру Сепановичу о странном поведении Котылева.

"Это он и выдал меня", — ответил Грин. "Да ведь вы же были друзьями?" — "Ну, не совсем... Как-то поссорились, по пьяному делу, я ему и сказал: "Я хоть с тобой и пьянствую, но этим у нас вся дружба и кончается, мы с тобой как масло и вода неслиянны. Вот этого он мне и не простил".

Когда я приехала в Петербург, отец устроил вечер, пригласил родственников и кое-кого из знакомых. Приходящим гостям он шутливо рекомендовал меня, говоря: "Позвольте представить — мадам Гриневская". Так окончились его страдания из-за моей незаконной связи с Грином.

В Петербурге я купила Александру Степановичу дробовик[173] для охоты и граммофон с набором пластинок. Ружье и все охотничьи принадлежности очень скрасили ему весну и лето. Он очень увлекался охотой. Граммофон же помогал коротать зимние вечера. Но иногда я и не рада была тому, что привезла его. Случалось так: Александр Степанович клал пластинку, наставлял иглу и пускал пластинку с бешеной скоростью, "для бравурности". Получалась невообразимая какофония.[174] Зато граммофон привлекал к нам ссыльных. Сразу по приезде в Пинегу Грин вывесил на дверях объявление, что А.С.Гриневский принимает гостей по пятницам, после семи часов вечера. Над этими "журфиксами"[175] смеялись, и обижались на нас. Заходили к нам редко. Но после того, как я привезла граммофон, стали бывать чаще, ведь в Пинеге по вечерам некуда деваться, можно было только ходить друг к другу в гости.

В феврале стояли сильные морозы. В одну из таких ночей, когда бревна дома трескались со звуком ружейного выстрела, я проснулась оттого, что в комнате стало чересчур светло. Пламя било в стекла окон. Пожар! Я пошла в соседнюю комнату и осторожно разбудила Александра Степановича. Обулась, и только что начала одеваться, как он застучал кулаками в стену, за которой была комната хозяев, и закричал: "Горим! Спасайтесь!"

В ответ раздался такой страшный крик попадьи, что я сразу потеряла душевное равновесие: не огонь, бивший в окна, а истерический женский крик потряс меня и Александра Степановича. Оба мы заторопились: захватили белье и платье, накинули пальто и шапки и выбежали на двор, на тридцатиградусный мороз. Кинулись в промерзшую баню — одеться. Эта растерянность помогла нам позднее, без нашего ведома, защититься от клеветы: сосед (с одной стороны к дому, в котором мы жили, примыкал дом столяра)

обвинил нас, как рассказал нам священник, в том, что мы, ссыльные, подожгли дом. А священник прекратил этот разговор, сказав: "Хороши поджигатели, выбежали на трескучий мороз, накинув на рубашки пальто, в бане одевались".

Священник побежал к церкви, ударил в набат. Начал собираться народ. В это время попадья с работницей потащили сундуки, столы, комод и прочие громоздкие вещи. Забили ими парадные двери. Никто – ни хозяева, ни мы, ни обе работницы не вспомнили, что в кухне есть другой выход, все толкались около входа в прихожую, мешая друг другу. Мы с Александром Степановичем едва смогли проникнуть в свои комнаты. Домработница выбежала в кухню за своим сундуком, я схватила подушки и одеяла, а Грин набрал полные руки тарелок и блюд.

Когда вышли во двор, я увидела, что от крыши уже ничего не осталось, и что горят, до самой земли, углы дома. Я не знала, что поверх потолка насыпается слой песку или земли, защищающий долгое время потолок от нагревания, и думала, что если крыша уже сгорела, то и потолок сейчас рухнет. Сказала решительно: "Не ходите больше в дом, нельзя из-за посуды и тряпок рисковать жизнью". В ответ на эти слова Александр Степанович грохнул оземь всю груду посуды, которую держал и крикнул: "Пропадай всё!" Об этом долго вспоминали пинежане.

Чужая, незнакомая девушка полезла в окно, когда лопнули стекла и сгорели занавеси, и вытащила граммофон и пластинки, казавшиеся ей, вероятно, самыми драгоценными вещами. Но вся уцелевшая после обыска переписка, альбомы, книги, белье и многие ценные мелочи погибли. Узкий шланг, по которому попытались подать воду из проруби наверх, на высокий берег, быстро промерз, и бесплодную возню с насосом оставили. Дом сгорел до основания поразительно быстро.

Мы с Александром Степановичем отправились к знакомым ссыльным отогреться. Еще обсуждали вопрос, куда нам деваться, как пришла зажиточная пинежанка, у которой был дом на главной улице, и предложила нам переехать к ней. Мы с радостью согласились и заняли у нее три комнаты. Я написала отцу, что мы погорели, и попросила помочь: он прислал сто рублей.

Первые полгода жизни в Пинеге Грин совсем не жаловался на скуку. Он был очень утомлен всем пережитым. В тишине и обеспеченности он сначала благодушествовал: много спал, с аппетитом ел, подолгу читал, при настроении – писал, а для отдыха играл со мною в карты или в хальму[176] или раскладывал пасьянсы. Но к

весне начал скучать. Стал раздражителен и мрачен. Поссорился с хозяйкой. Поэтому, когда в мае приехал в Пинегу новый акцизный чиновник[177], хозяйка сказала, что ей гораздо приятнее иметь жильцом правительственного чиновника, чем ссыльных. И мы снова оказались на Великом дворе, только в другой избе.

Весна в Пинеге мало чем походила на нашу петербургскую, неврастеническую и бледную. Дни настали длинные, солнечные; глубочайшие снега, накопившиеся за долгую, без оттепелей, зиму, принялись бурно таять. Всюду зашумели ручьи, а овраги, которых в Пинеге много, превратились в озера и в речки. С Великим двором и с домами на берегу Пинеги сообщались на лодках.

Помню, как вбежала ко мне худенькая, всегда мрачная ссыльная и весело крикнула: "Пойдемте на реку, лед идет!" На высоком берегу было уже много народа. Лед шел густо, полноводная река мчала его с грохотом, громоздя на многочисленных заворотах неправильными пирамидами. Дороги стали непроезжими, и распутица стояла около месяца. Пинега поддерживала связь с остальным миром только по телеграфу. Ни писем, ни посылок. Зато какой радостью было прибытие первого парохода из Архангельска: ведь он привез почту!

Весна развеселила Грина. Когда просохло, он начал охотиться. Мы купили лодку. Александр Степанович охотился то на реке, то в лесу. Уходил с раннего утра и возвращался к вечеру, увешенный битой птицей. Поели мы самой разнообразной дичи: и болотных куликов, и бекасов, и куропаток, и уток всевозможных разновидностей, от крупных до самых маленьких. Ко мне с тех пор, как Грин стал пропадать на охоте, начали чаще захаживать ссыльные, особенно женщины.

Хороша была природа вокруг Пинеги. Ее окружали вековые, тянущиеся на сотни верст, леса. Иногда я бродила по ним одна, иногда с Александром Степановичем или с местными жительницами. Как-то отправились мы с Грином далеко в лес. Он с ружьем, а я с чайником, кружками и едой. Долго бродили, потом набрали воды в чайник и пошли искать приятное для привала место. Дошли до высокого, сухого бора: огромные сосны, ягель, устилающий почву, мелкие мурги. Мурги — это особенность пинежских лесов. Известняки, лежащие где-то под почвой, постепенно размываются подземной водой; в них образуются пустоты, которые медленно втягивают в себя верхний слой почвы со всем на нем находящимся. Образуется воронка — мурга. Эти мурги самых различных размеров, от небольших, в метр диаметром, до огромных, с целым

куском опустившегося леса, придавали пинежским лесам живописный вид. Рассказывали, что именно в мургах встречаются медведицы с медвежатами.

Мы набрали валежника, сложили его на дне небольшой мурги и укрепили на трех палках, скрещенных вместе, чайник с водой. Грин поджег хворост. Мы совершенно не подумали о том, что лето стоит сухое и жаркое и что всё вокруг: ягель и сама почва насквозь просушены. Огонь из-под хвороста взвился с такой яростью, что мы сразу поняли, что нам грозит.

"Скорей сдирай мох с краев ямы! — закричал Александр Степанович, — сейчас начнется пожар! "Огонь с необычайной быстротой бежал по сухому мху. Схватив сучок, я со всей возможной поспешностью принялась отдирать с краев мурги и отбрасывать в сторону седой мох, а Грин тем временем опрокинул на разгоравшийся костер чайник с водой и принялся срывать мох с другой стороны мурги. Мы успели содрать моховой покров вокруг всей мурги в тот момент, когда языки пламени уже подходили к самому верху; подошли, лизнули обнаженный песок и потухли. Александр Степанович тщательно затоптал тлевшие на дне мурги сучья. Хотя всё это происшествие продолжалось три-четыре минуты, мы были потрясены силой и быстротой огня.

Шли домой и обсуждали: удалось бы нам спастись, если бы лес запылал, и смог бы каждый из нас в отдельности остановить возникавший пожар, окопать всю окружность мурги? Нет, не успел бы. На другой день Грин никуда не ходил, а потом стал охотиться на реке.

Дней через пять-шесть после случая в лесу я увидела необычное оживление на всегда пустынной улице: бежали мальчишки, шли мужчины с лопатами и заступами[178], проскакал, неумело наваливаясь на шею лошади, помощник исправника.[179] Я вышла из дому, повернула за народом в один из переулков и, оказавшись в поле, увидела над лесом огромное черное облако, прорезываемое вихрями пламени. Горел лес. Всё мужское население было созвано на тушение надвигавшегося на город пожара; его остановили рытьем канав. Пожар начался километрах в двух от опушки, ветер дул к опушке, так что лес оказался обезображенным не очень сильно, пожарище занимало длинную, но неширокую полосу.

Через несколько дней после пожара рослая, краснощекая пинежанка остановила меня на улице и презрительно сказала: "Ваш муж говорит, что это он поджег лес. Нашел чем хвастаться!" Я попробовала убедить ее, что ни в этот день, ни накануне он в лесу не был, но

она мне не поверила. Когда же я спросила Александра Степановича, зачем он возводит на себя такие ложные и вредные обвинения, он ничего не мог мне ответить. Это было очередное "гасконство".

Весной 1911 года в Пинеге появилась новая, довольно большая партия ссыльных. Это были студенты, высланные за участие в демонстрации по поводу похорон Льва Толстого.[180] Грин не сблизился ни с кем из них, а ссыльные отнеслись к нам несколько свысока: это были, так сказать, дилетанты, попавшие в ссылку как бы случайно. Эта молодежь была жизнерадостна, здорова и некоторые из них прямо говорили, что лучшего летнего отдыха, чем в Пинеге, и желать нельзя. Студенты были уверены, что их вернут в Петербург тою же осенью, и я только много позже узнала, что студентов продержали в ссылке не менее двух лет.

В июне 1911 года к нам в Пинегу приехал младший брат Грина Борис, худенький, тихий подросток лет пятнадцати. Пока он жил у нас, мы сделали вместе с ним и местными охотниками чудесную прогулку в страну, которую пинежане называли "Карасеро". Было ли у этой прекрасной страны другое, официальное название — не знаю. Начиналось Карасеро километрах в 25-30 от Пинеги. Сеть этих причудливых озер, островков, покрытых вековым лесом, протоков, заросших камышом, изобилие населяющих их птиц Александр Степанович описал в повести "Таинственный лес".[181]

В августе я вторично поехала к отцу. Уже в Петербурге я получила от Грина письмо, в котором он извещал меня, что его переводят на Кегостров, в село того же названия. Кегостров лежит в дельте Северной Двины, в трех километрах от Архангельска. Грин переехал туда без меня. Эта поездка по рекам дала ему материал для рассказа "Сто верст по реке".

На Кегострове мы поселились у зажиточных хозяев, имевших рыбокоптильню. В этом заведении коптили мелкие селедки, продававшиеся в Петербурге под названием "архангельских копчушек". Этим же промыслом занималось на Кегострове еще несколько человек. Кроме копчения рыбы на Кегострове было еще развито выделывание канатов.

В низу большого, солидно выстроенного, дома жили хозяева, там же была и общая кухня. Наверху была большая зала[182], которой обычно никто не пользовался: она служила только для приема гостей в торжественных случаях. Рядом с залой были еще три небольшие меблированные комнаты. Их мы и сняли.

Сентябрь простоял хороший, солнечный, с желтой и багряной листвой, но с середины октября началась распутица. По Двине

сплошной массой пошел лед. Погода стояла серая, хмурая, но не настолько холодная, чтобы лед мог стать. Пароходики, которыми обычно сообщался Кегостров с Архангельском, прекратили свои рейсы. Попасть в Архангельск можно было, при крайней нужде, на карбасах — больших, тяжелых лодках, которые медленно, со скрежетом и шорохом продирались сквозь льдины. Такое путешествие длилось долго и было неприятно из-за пронизывающей, холодной сырости, от которой плохо защищали наши городские, легкие пальто. Распутица длилась около месяца. Александру Степановичу этот месяц показался очень тяжелым.

Наша жизнь на Кегострове описана Грином в рассказе "Ксения Турпанова", где остров этот назван "Тошным". Содержание рассказа таково: Ксения, влюбленная в своего мужа, едет на карбасе с рыбаками в Архангельск купить мужу подарок — часы. Она замешкалась с покупкой, и рыбаки вернулись на Кегостров без нее. Турпанов подумал, что жена заночевала в Архангельске, и пригласил к себе знакомую ссыльную, жену офицера. Она не имела к политике никакого отношения и попала в ссылку случайно. Турпанов уже собирается изменить с ней жене, когда Ксения возвращается. Застав мужа в обществе женщины с расстегнутой кофточкой, Ксения уходит от него. Фабула выдумана. Хотя, как я узнала много позже, соперница у меня на Кегострове таки была, но я о ней не подозревала.

Я сама переписала "Ксению Турпанову" и сама отвезла ее в "Русское богатство". Там этот рассказ был напечатан в третьем номере за 1912 год. Второй год ссылки на Кегострове мы прожили с Александром Степановичем так же дружно, как и первый — в Пинеге. На Кегострове Грин написал еще рассказ "Синий каскад Теллури"[183] и диктовал мне его для переписки набело.

Наконец Двина встала. С городом установился санный путь, стали ездить за покупками, в библиотеку, в кино. У нашего хозяина было две лошади: смирная старая и молодой горячий жеребец. Этих лошадей можно было нанимать. Когда я ехала в город, чтобы закупить на неделю провизии, то брала смирную, старую лошадь. Она везла меня ленивой рысью, так что все меня обгоняли, но зато можно было не бояться. Но когда в город собирался Александр Степанович, он брал застоявшегося жеребца, и поездка превращалась в смену сильных ощущений. Как я ни просила попридержать лошадь до выезда на дорогу, Грин не умел этого сделать. Жеребец вылетал со двора так, будто за ним гнались волки, на всем ходу под прямым углом сворачивал на дорогу; сани ложи-

лись на один бок, того гляди, окажешься на снегу, но благополучно выпрямлялись и начинали скакать по ухабам дороги. Потом стремительно неслись с довольно высокого берега на лед. Дорога по Двине была узкая, а проезжих довольно много. Грину хотелось всех обгонять, он то и дело кричал: "Берегись!" И мчался, сворачивая в снег и накреняя сани.

На Кегострове ссыльных было немного, пять или шесть фамилий. Выделялся своей молчаливой корректностью польский ксендз, сосланный за проповедь и обучение на польском языке, и ненавидевший самодержавие. Это был человек убежденный и, видимо, сильный. Хорошее воспоминание осталось и о семье И.И.Кореля. Иван Иванович Корель был сослан в Архангельскую губернию как председатель студенческого коалиционного совета университета и как председатель Общегородского коалиционного студенческого совета. С ним была жена, трое детей и младший брат.

В Архангельске Грин познакомился со ссыльным инженером, получившим образование за границей, Р.Л.Самойловичем. Они быстро подружились и перешли на "ты". Рудольф Лазаревич жил в Архангельске с женой и двумя детьми.

Однажды он пришел к нам, на Кегостров, с двумя молодыми людьми и сказал: "Это — норвежцы, шкипера. Они ни слова не понимают по-русски, с ними можно объясняться по-немецки". Александр Степанович был очень доволен этим посещением; он всегда с огромным интересом и уважением относился к морякам. Трудно было занимать гостей, так как запас немецких слов был у меня невелик. Александр Степанович и вовсе не знал немецкого языка. Только Самойлович говорил свободно. Несмотря на это маленькое затруднение, вечер прошел непринужденно и довольно весело, нашлось какое-то угощение, послали за водкой. Шкипера пили, шутили, держали себя приветливо и весело. Когда же пришла пора прощаться, гости поблагодарили нас за радушный прием на чистом русском языке. Это были не моряки, а инженеры, окончившие высшую горную школу в Гейдельберге[184], вместе с Самойловичем. Грин был неприятно разочарован.

Весной 1912 года нас перевели в Архангельск. Вскоре я одна вернулась в Петербург, чтобы всё приготовить к приезду Александра Степановича. Наняла квартиру на углу Второй роты[185] и Тарасова переулка. В квартире было две комнаты, коридор и кухня. На деньги отца купила дешевенькую мебель и пополнила хозяйственный инвентарь. Думала, что устраиваю прочное гнездо, но жизнь вскоре заставила меня понять мою ошибку.

1912–1916 годы. Разрыв

Время с лета 1912 года до осени 1913-го оказалось очень тяжелым. После невольного воздержания в течение двух лет, проведенных в ссылке, в Петербурге Грин закутил. Пропадал из дому по дватри дня, приходил полубольной, раздраженный. Отсыпался, потом пил черный кофе, заставлял себя работать.

В короткие периоды протрезвления он хотел и мог писать, но работать ему было трудно. Возможно, что желая наверстать потерянное время, Александр Степанович торопился, не вынашивал темы, а такое насилие над собой не могло проходить легко. Грин говорит об этом в "Повести, оконченной благодаря пуле"[186]: *"Он* (герой рассказа беллетрист Коломб. — *Сост.*) *стал писать, зачеркивать, вырывать листки, курить, прохаживаться, с головой, полной всевозможных предположений относительно героини, представив ее красавицей, он размышлял, не будет ли уместным показать пробуждение в ней долго подавляемых инстинктов женской молодости. Веселый гром карнавала не мог ли встряхнуть сектантку, привлечь ее, как женщину, к соблазнам поклонения, успехов, любви? Но это плохо вязалось с ее характером, сосредоточенным и глубоким. К тому же подобное рассеянное, игривое настроение немыслимо в ожидании смерти. Опять нужно было усиленно курить, метаться по кабинету, тереть лоб и мучиться. Рассвело; табачный дым, наполнявший кабинет, сгустился и стал из голубоватого серым. Окурки, заполнив все пепельницы, раскинулись по ковру. <...> Временная духовная слепота поразила его, — обычное следствие плохо продуманной сложной темы. <...> Он гневно швырнул перо. Тяжелая обессилевшая голова отказалась от дальнейшего изнурительного одностороннего напряжения".*

По ночам Александр Степанович не работал, но, в общем, картина работы в плохие периоды верна.

Черновики своих рукописей Грин уничтожал тотчас же по переписке их набело. Делал он это всегда, подчеркивая свое нарочито пренебрежительное отношение и к архивам, и к исследовательской работе над авторами, и даже к самим авторам. Будучи последовательным, он свои "авторские" дарил очень немногим, а остальные экземпляры продавал букинистам. Такая же участь постигала книги, которые он получал от писателей, хотя бы они были с посвящением. Далеко не все писатели так "щедро" оценивают друг друга.

Написав рассказ, Грин шел продавать его и исчезал. Так прошла вся зима. Подобное поведение бывало и раньше, до ссылки, но

теперь периоды пьянства стали длиннее, а пребывание дома — короче. А главное, изменилось отношение Александра Степановича ко мне. Он, несомненно, сознательно повел наши отношения к разрыву, романтика отношений исчезла, и я до конца поняла двойственную, несколько страшную, сущность характера Александра Степановича.

В рассказе "Возвращенный ад" отразились наши отношения той страшной зимы. *"Я стал определенно и нескрываемо равнодушен к Визи. Ее всё более редкие попытки вернуть прежние отношения оканчивались ничем. Я стал бессознательно говорить с ней, как посторонний, чужой, нетерпеливый, но вежливый человек. Холодом взаимного напряжения полны были наши разговоры и встречи, — именно в с т р е ч и, так как я не бывал дома по два и по три дня, ночуя у случайных знакомых, которых развелось изобилие"*. И дальше: *"Иногда, сидя с Визи, я видел ее как бы вдали, настолько вдали, что ожидал, если она заговорит, не услышать ее голоса. Мы разговаривали мало, редко и всегда только о том, о чем хотел говорить я, то есть о незамысловатых и маловажных вещах"*.

Поняв, что муж больше не любит ее, Визи уходит от него. Но тут любовь Галиена к Визи пробуждается с новой силой. Он едет разыскивать жену.

"Нас разделяло часов двенадцать пути, — срок, за который Визи едва ли смогла уехать из Зурбагана далее, если даже она и опасалась, что я стану ее разыскивать. Я тщательно разобрал этот вопрос и с горестью заключил, что она могла не бояться встретить меня, всё поведение мое должно было убедить ее в том, что я вздохну облегченно, оставшись один. Несмотря на стыд, это прибавило мне надежды застигнуть Визи врасплох, хотя в хорошем исходе свидания я далеко не был уверен". Галиен находит Визи на палубе парохода, ночью. Он ищет примирения, оно наступает не сразу, но, под конец, Визи уступает: *"Ее маленькая рука продвинулась в мой рукав. Эта немая ласка довела мое волнение до зенита, предела едва выносимого сердцем, когда наплыв нервной силы подобно свистящему в бешеных руках мечу разрушает все оковы сознания. Последние тени сна оставили мозг, и я вернулся к старому аду — до конца дней"*.

В этом рассказе наши отношения с Грином изображены в легких, изящных тонах, поведение героя с женой холодно и эгоистично, но культурно. На самом деле всё происходило жестче и циничнее.

Осенью 1912 года я повстречалась в Публичной библиотеке с Р.Самойловичем, с которым Грин дружил на Кегострове. По возвращении нашем в Петербург Рудольф Лазаревич сначала бывал у

нас, но вскоре его посещения прекратились. Увидав его в Публичной библиотеке, я спросила, почему он перестал бывать у нас. Всегда мягкий и любезный Самойлович на этот раз ответил очень сухо и презрительно следующее: раньше он любил Грина, но недавно у него произошло столкновение с ним, и он впервые увидел такое страшное лицо Грина, о котором невозможно забыть. Я легкомысленно ответила, что у каждого из нас есть свои недостатки, но что в Александре Степановиче существуют и прекрасные черты. Есть и очень тяжелые, но надо, мол, сделать средний вывод. Самойлович неохотно ответил: "Если я когда-нибудь увижу в Грине эти прекрасные черты, то, может быть, примирюсь с ним, но теперь я не в состоянии их видеть, а потому мириться не хочу". Об этом разговоре мне пришлось вспомнить весной 1913 года.

Осенью 1912 года у нас еще раза два-три повторились "прежние" уютные вечера, когда Александр Степанович читал мне свои рассказы. Зимой 1912–1913 годов Грин подарил мне хорошо иллюстрированное издание "Королевы Марго" А.Дюма.[187] В ту зиму, как это часто бывало и до ссылки, мы периодически нуждались. В один из таких периодов пришлось снести букинисту и "Королеву Марго", но заглавный лист с его автографом я вырвала и сохранила. На нем было написано: "Милой моей Гелли[188], вдохновительнице и покровительнице от сынишки и плутишки. Сашин".

Но вскоре это кончилось. В переписке же рассказов надобности не было, так как пишущая машинка к тому времени прочно вошла в обиход. Да дело было, конечно, не в переписке. Мы виделись, как пишет об этом Грин, редко и мало, а главное, во время пребывания его дома, он был мрачен и "нескрываемо равнодушен" ко мне.

Нока больше около меня не было[189], его заменил один из опустошенных снобов из "Сердца пустыни".[190] Помимо этого меня стало иногда пугать поведение Александра Степановича.

Однажды ночью я проснулась от непрекращающихся сильнейших звонков. Накинув капот[191], я выбежала в прихожую. Ввалился пьяный Грин, а за ним, с кнутом в руках, взбешенный извозчик. Он требовал рублевку, грозя иначе исполосовать Александра Степановича. Рублевка нашлась, и извозчик ушел. Когда я спросила, как это произошло, Грин ответил: он нанял извозчика на окраине, а денег не было. Тогда, проехав большую часть пути, он сошел с саней и сказал: "Ты меня шагом везешь, не буду платить". Извозчик поехал рядом, и всё время грозил избить. Я с ужасом подумала: "А что было бы, если бы рублевки дома не оказалось: ведь бывало и так".

В другой раз испуг был другого рода. Я вошла днем в прихожую, отворив входную дверь ключом, без звонка, увидела: дверь в комнату Грина распахнута настежь, а сам он стоит в дверях, лицом к входящим, совершенно голый. Как бы я себя почувствовала, если бы пришла домой с одной из своих родственниц или подруг? Я крикнула, чтобы он сейчас же оделся, а сама со страхом размышляла: "Не сошел ли он с ума?" Но, одевшись, Грин вышел к обеду совершенно трезвым и нормальным. Выходка эта объяснялась, как я узнала много лет спустя, подражанием А.И.Котылеву, который весной расхаживал по своей квартире в женской длинной рубашке, а летом голый, и в таком виде отворял приходящим. Александру Степановичу хотелось попробовать: посмеет ли и он поступить так же.

Как-то зимой, после одной из неприятных сцен, я лежала без сна и с горечью думала: "Бывало плохо и до ссылки, но тогда мелкие обиды и тягостная нужда исцелялись большой нежностью. Теперь этого не было. Теперь же меня окружали сухость и холод. Александр Степанович живет своей обособленной, тщательно скрываемой жизнью, а я ему не нужна. Зачем же мы вместе?" Но я еще медлила уходить. Я выросла в очень строгой семье и привыкла к тому, что "разводка" — звание совсем не почетное. Да и мучительно было окончательно понять, что Александр Степанович больше не любит меня. Но вскоре Грин заставил меня понять, что ищет разрыва.

Весной 1913 года он, как обычно, не являлся домой два дня. Вернулся трезвым, но с таким страшным, иссеро-бледным от злобы лицом, какого я ни до того и никогда после у него не видела. Он оскорбил меня очень грубо. Мысль, что нечто подобное может повториться, была невыносима. Мне необходимо было бежать. Я так и сделала. Ушла, оставив письмо и не дав адреса. К моему великому удивлению, Грин начал меня разыскивать. Пошел к прислуге отца, попросив передать мне просьбу с ним повидаться. Разыскал мою подругу Софию Дмитриевну и наговорил ей столько убедительных слов и дал столько обещаний исправиться, что она поверила и дала ему мой адрес, а сама приехала меня убеждать помириться. У меня не хватило духа рассказать ей о тяжелой обиде, нанесенной мне Александром Степановичем, и она подумала, что я рассталась с ним только из-за пьянства.

Когда мы встретились, Александр Степанович был так нежен, растроган и настойчив в своих просьбах о примирении, что я не устояла, и мы помирились. Он всё свое поведение объяснял по-

следствиями пьянства и вновь, в который уже раз, обещал мне перестать пить. Мы решили на лето поселиться на даче вместе. Если всё будет хорошо, то мы осенью вновь снимем общую квартиру, если же ничего не выйдет, то разъедемся окончательно.

Мы сняли в Коломягах две комнаты с балконом и переехали туда. Началась недолгая идиллия. Александр Степанович сидел дома, гулял со мной или уезжал в город ненадолго. Был тих, мил, ласков. К нам приехала София Дмитриевна и радовалась, думая, что наша семейная жизнь наладилась, и что она отчасти способствовала этому. Около меня опять ютился "сынишка" и "плутишка". Но плохо верилось в это призрачное счастье, нельзя было забыть бледное от злобы лицо.

В Коломягах мы жили у вдовы с двумя дочерьми. Однажды в комнате хозяек раздался отчаянный вопль, потом шум от падения тела, возня и опять заглушенные, страшные крики. Дверь в нашу комнату приотворилась и хозяйка сказала: "Александр Степанович, пойдите, помогите держать дочь, у нее припадок, она колотится головой об пол". Грин пошел, но очень скоро вернулся и сказал: "Верушка, пойдем подальше, я не могу выносить этого!" Мы ушли в поле и долго гуляли.

Под влиянием тяжелого зрелища Александр Степанович вспомнил случай из своего детства, о котором раньше не рассказывал. Он, мальчиком, выбежал из комнаты, с размаху захлопнул за собой дверь и не заметил, что за ним идет котенок. Дверью смяло голову котенку, и животное умерло. "Да ведь это случайно, с каждым может случиться", — сказала я, видя, что он страдает от этого воспоминания. "Конечно, но все-таки ужасно было видеть эти вылезшие из орбит глаза! Меня тогда выпороли, но я не обиделся. Поделом!" Когда мы вернулись домой, там всё было тихо. Больная спала. На другой день она рассказала, что кричала оттого, что ей чудилось преследование мужчины с ножом.

Недели через две Грин не вернулся домой, а потом повел свой всегдашний образ жизни. Но со мной он был неизменно мягок, и я никогда больше не слышала от него ни одного оскорбительного слова. Однако моя роль в жизни Александра Степановича была кончена.

Только много лет спустя я поняла, отчего она окончилась. Гриневский был нелегальный беглый ссыльный. В это время мы с ним и сблизились. У него не было заработка, никакой профессии, никаких влиятельных знакомств. Ему необходим был любящий человек, который делил бы с ним и горе и радость. Но в 1913 году положение

Грина стало совсем иным: он имел законный паспорт, ни ссылка, ни арест ему не грозили, кроме того, за эти семь лет он приобрел себе имя талантливого писателя. Это давало ему заработок, положение и почитателей его таланта. А я оставалась прежней простенькой интеллигенткой, что не могло его больше удовлетворить. Да и разница в возрасте была слишком незначительна: я была меньше чем на два года моложе его.

Осенью Александр Степанович нерешительно предложил мне поселиться в городе опять в общей квартире, я отказалась, и он не протестовал. Мы сняли себе по комнате, и он стал навещать меня раза три-четыре в неделю. Еще по-супружески мы провели около года, потом в близости миновала всякая необходимость, да и видеться мы стали реже. На одном только настаивал Грин: "Не бросай меня по человечеству!"

Вскоре после того, как мы разошлись, Александр Степанович сказал мне: "Знаешь, как я объясняю знакомым твой уход от меня? Я говорю, что сошел с твоей дороги, чтобы дать тебе возможность полюбить другого". Что тут поделаешь? Кому я могла возражать?

По поводу мучительных философских проблем, создающих в душе человека "ад", мне вспомнилось одно высказывание Грина, из него видно, что не всегда мучительные проблемы были для него неразрешимы. Как-то он сказал: *"Знаешь, Вера, я долго не мог понять, как человечество может выносить всю ту сумму страданий, какую приносит с собой война. И вот, кажется, понял. Дело в том, что этой суммы не существует. Никто не испытывает на себе всех лишений, всех страданий, всего страха, причиняемых войной. Каждый человек переживает только ту долю горя, которая выпала на него лично. Таких людей, которые пострадали на войне, конечно, очень много, но каждый страдает только за себя или за своих близких, но не за всех".*

Тема разрыва и возвращения жены в другом рассказе Грина "Эпизод во время взятия форта “Циклоп”"[192] разрешается трагически. Жена пишет мужу-офицеру, что порывает с ним. Он в отчаянии. Потом от жены приходит второе письмо, в котором женщина извещает, что передумала и мужа не бросит. Но при первой вылазке офицера убивают.

В ноябре 1913 года скончался мой отец. Последние три месяца его жизни, когда он был тяжело болен, я прожила у него на квартире. Отец умирал, как и жил, без жалоб, молча.

Через несколько дней после его похорон Александр Степанович сказал мне: "Поедем на могилу отца, я хочу отвезти ему ве-

нок". В условленный день он заехал за мной с красивым венком из фарфоровых фиалок. Приехав на кладбище, сказал: "Твой отец был хороший человек". Тогда мне вспомнилась фраза, сказанная им в Пинеге безо всякого внешнего повода: "Нас содержит твой отец. Ты понимаешь это?" Вопрос этот удивил меня. Как же я могла не понимать?

Венок на могилу отца был выражением благодарности Грина. Я живо почувствовала это и оценила.

Некоторые любимые писатели Грина

Однажды на мой вопрос, кого из русских писателей он любит больше других, Александр Степанович ответил, не задумываясь: "Гоголя, Пушкина, Толстого и для развлечения — Чехова". Но разговор был мимолетный, в тему не углублялись.

В рассказе "Приключения Гинча" Грин нередко вкладывает свои собственные мысли в уста главного героя. Вот как говорит Гинч о своих попытках написать рассказ: *"Понемногу я сочинил сюжет на тему прекрасных жизненных достижений, преимущественно любви, вывел заглавие — "Голубой меч" — и остановился. Тысячи фраз осаждали голову. "И не от того, что... и не потому... а оттого... и потому..." — слышались мне толковые удары по голове толстовской дубинки. Чудесная, как художественная, литая бронза, презрительная речь поэта обожгла меня ритмическими созвучиями. Брызнула огненная струя Гюго; интимная, улыбающаяся, чистая и сильная, как рука рыцаря, фраза Мопассана; взъерошенная — Достоевского; величественная — Тургенева; певучая — Флобера; задыхающаяся — Успенского; мудрая и скупая — Киплинга... Хор множества голосов наполнил меня унынием и тревогой. Я тоже хотел говорить своим языком. Я обдумал несколько фраз, ломая им руки и ноги, чтобы уж, во всяком случае, не подражать никому"*.

Из этой цитаты хорошо видно, как внимательно читал Александр Степанович, как точно разбирался в прочитанном.

Читал Грин очень много и без системы, что попадалось под руку. Если начинал чувствовать, что автор ему не симпатичен, тотчас бросал книгу. Иностранных авторов он в те годы предпочитал русским, но и русских знал, многих любил.

Когда мы жили в Пинеге, Александр Степанович с увлечением перечитывал Лескова. Как-то, получив письмо от одной своей родственницы, он передал его мне, предлагая прочесть, а на мой вопрос, каково письмо, ответил с легкой усмешкой: "Ничего себе,

"неглиже[193] с отвагой" — выражение, как известно, Лескова.[194] Влияние Лескова чувствуется в главе "Интермедия"[195] рассказа "Наследство Пик-Мика". Тема главы — неразменный рубль. Под таким заглавием написан один из святочных рассказов Лескова. Но подход к теме совсем иной. У Лескова, как полагается по традиции, святочный рассказ кончается хорошо, и проникнут гуманной идеей. Рассказ же Грина имеет демонический характер.

Какое большое влияние имели на Грина западные писатели, отмечено многими, писавшими о нем. Да и читатели, бессознательно чувствуя отпечаток на его произведения иностранных авторов, нередко спрашивали: "Грин — англичанин или американец?" — считая его рассказы переводными.

Проследить, кто именно из иностранных писателей имел на Грина наибольшее влияние, я не берусь. Знаю, что любил он Брет-Гарта, Диккенса, Киплинга, Конрада, Дюма, Сю, Сервантеса, Доде, Свифта. Но ведь и помимо них Александр Степанович перечитал много томов "Вестника иностранной литературы"[196] и отдельных, в разное время переведенных, неизвестных мне авторов. Упомяну только о тех писателях, о влиянии которых на Грина имею некоторое право судить.

В первый год нашей совместной жизни Александр Степанович подарил мне томик Эдгара По и сказал: "Вот гениальный писатель!"

Много лет спустя я спросила его, по-прежнему ли он любит Эдгара По. Он ответил несколько снисходительным тоном: "Да, конечно, хороший писатель".

Стивенсон оставил след в романе Грина "Дорога никуда". Юноша Тиррей Давенант, которого с большой любовью выводит в этом романе Грин, во второй его части становится содержателем гостиницы. Почему Александр Степанович выбрал для милого его сердцу героя такую профессию? При том богатстве фантазии, каковою был одарен Грин, он легко мог придумать для Давенанта другое занятие, которое не помешало бы развитию сюжета (столкновению с Ван-Конетом). Думаю, что Давенант делается хозяином гостиницы потому, что Грину был мил сын содержателя таверны из романа Стивенсона "Остров сокровищ" — Джим Гопкинс. Оттуда он и перекочевал на страницы "Дороги никуда". Из того же романа Стивенсона: гостиница на берегу моря, вместо пиратов — контрабандисты, погоня пограничников за преступниками. Грэй — имя одного из второстепенных персонажей "Острова сокровищ" — стало именем главного героя феерии "Алые паруса", именем "Эспаньола" названо суденышко в "Золотой цепи".

Отношение Грина к музыке

Иногда я играла Александру Степановичу на рояле. Из пьес, которые я знала, ему больше всего нравился Второй вальс Годара. Однажды, прослушав его, он сказал: *"Когда я слушаю этот вальс, мне представляется большой светлый храм. Посреди него танцует девочка"*.

Чем больше уставал Александр Степанович, тем больше хотелось ему простоты во всём: в принципах, в отношениях, в людях. Соответственно с этим создается излюбленный тип героини: женщины-ребенка, оригинальной в своей непосредственности, доверчивой и умеющей любить. Наивысшая "детскость" показана Грином в Мун, героине рассказа "Племя Сиург".[197]

Богатый молодой человек Эли Стар страдает меланхолией. Чтобы развеять тоску, он отправляется со своим другом Родом в путешествие на собственной яхте. Остановясь около одного из тропических островов, друзья отправляются туда на лодке, но на острове Эли расстается с другом, заявляя, что желает остаться один. Здесь ночью в тропическом лесу Эли встречается с девушкой-подростком, красивой, нагой дикаркой Мун, изумляя ее сначала электрическим карманным фонариком, а потом золотыми часами с боем. Девушка принимает его за полубога. Между ними только что возникли ласковые дружеские отношения, как Род, заметив вблизи от Стара "убегающий, воровской, черный изгиб" дикаря, выстрелом убивает Мун, приняв в темноте и ее за врага. Этот выстрел чуть не погубил обоих путешественников; они едва спаслись от дикарей, которые осыпали их стрелами, но все-таки добежали до лодки, а на ней добрались до яхты.

Действие последней, пятой, главы происходит на яхте перед ее отходом в дальнейшее плавание. Скучающий от бездеятельности доктор заходит в каюту владельца яхты Эли Стара. *"Эли играл второй вальс Годара, а впечатлительный доктор, как всегда, слушая музыку, представлял себе что-нибудь. Он видел готический, пустой, холодный и мрачный храм; в стрельчатых у купола окнах ложится, просекая сумрак, пыльный, косой свет, а внизу, где почти темно, белеют колонны. В храме, улыбаясь, топая ножками, расставив руки и подпевая сама себе, танцует маленькая девочка. Она кружится, мелькает в углах, исчезает и появляется, и нет у нее соображения, что сторож, заметив танцовщицу, возьмет ее за ухо. Неодобрительно смотрит храм. Эли оборвал такт и встал"*.

Яхта отходит в плавание. К Эли, неподвижно смотрящему в темноту, подошел доктор, настроенный поэтически и серьезно.

"О ночь! — сказал он. — Посмотрите, друг мой, на это волшебное небо и грозный тихий океан и огни фонарей, — мы живем среди чудес, холодные к их могуществу". Но Эли ничего не ответил, так как прекрасные земля и небо казались ему суровым храмом, где обижают детей".

Герой "Блистающего мира" — Друд, обладающий способностью летать без всяких приспособлений, прилетает к своему другу Стеббсу; тот показывает ему музыкальный инструмент, который он смастерил из бутылок, и говорит: *"Я понемногу расширил свой репертуар до восемнадцати-двадцати вещей; мои любимые мелодии: "Ветер в горах"*[198]*, "Фанданго"*[199]*, "Санта-Лючия"*[200] *и еще кое-что, например: вальс "Душистый цветок".*

Друзья начинают свой концерт с "Фанданго", потом переходят на вальс из "Фауста".[201] После вальса Стеббс играет песенку "Бен Болт", которую поет Трильби у Дюморье[202]; "Далеко, далеко до Типперэри"[203]; "Южный Крест"[204]; Второй вальс Годара, "Старый фрак" Беранже[205] и "Санта-Лючия".

Таков был репертуар пьес, которые мог назвать Александр Степанович, то указывая композитора, то путая композитора с автором текста. При выступлении Друда в цирке, он просит сыграть что-нибудь плавное, например, "Мексиканский вальс".[206] Один из героев "Приключений Гинча" идет по лестнице, напевая арию из "Жоселен".[207] Грин знал ее по пластинке, которая была у нас в Пинеге и которую он любил.

Думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что перечисленные музыкальные произведения почти исчерпывают репертуар Александра Степановича. Он усвоил их, вероятно, слыша в ресторанах, на эстрадах, или в граммофонной записи.

Грин и театр

За те восемь лет, какие мы прожили с Александром Степановичем, он почти не бывал в театре, несмотря на то, что интересных пьес и прекрасных актеров было много. С огромным успехом шли пьесы Л.Андреева, М.Метерлинка, Г.Гауптмана и А.Блока. Молодежь увлекалась театром В.Комиссаржевской[208], ею самой, и пьесами Г.Ибсена, в которых она играла. Все мы по многу часов дежурили за билетами на спектакли Московского Художественного театра.[209] Особенно сильное впечатление производил "Юлий

Цезарь".[210] В Мариинском оперном театре[211] ставился цикл вагнеровских опер "Кольцо Нибелунга"[212], на который тоже было очень трудно доставать билеты.

Но ни одно из этих увлечений не коснулось Грина. В 1908 году мы только раз пошли с ним в Александринский театр[213] на пьесу Гамсуна "У царских врат".[214] Но уже в первом действии Александр Степанович стал ворчать, что, по-видимому, автор не на стороне героини и что это — противно. В антракте я предложила ему уйти из театра, не досмотрев пьесы, и мы ушли.

Еще раз мы были в театре в 1913 году, на балете "Дон Кихот".[215] Но тут Грину показалось, что благородный Дон Кихот осмеян, и он начал громко делать замечания. Я опять предложила уйти, но он пошел в буфет, уйти отказался, а во время действия снова делал резкие замечания, вызывая этим неудовольствие и шиканье публики.

В декабре 1908 года при театральном клубе на Литейном проспекте открылось кабаре "Кривое зеркало". Этим новым, остроумным и тонким зрелищем Александр Степанович увлекся. Да и нельзя было не увлечься, так как всё в "Кривом зеркале" было свежо, умно и талантливо. Театром руководили З.Холмская и А.Кугель. Репертуар "Кривого зеркала" требовал от своих зрителей высокой художественной культуры, знания современного театра и литературы. В первый год существования "Кривого зеркала" спектакли начинались в 12 часов ночи. Предполагалось, что артисты, литераторы, художники и театралы будут приезжать туда поужинать и, сидя за столиками, смотреть на интимной, маленькой сцене номера то едкие и остроумные, то лирические, всегда злободневные и прекрасно поставленные. Жанр "Кривого зеркала" пришелся по душе Грину. Недаром Э.Золя называл репертуар монмартрских кабачков[216] романтическим.

Другой новинкой в те же 1908–1910 годы был "Луна-парк" — летний театр и сад, с впервые появившимися тогда "аттракционами". Насколько "Кривое зеркало" было изысканно и остроумно, настолько "Луна-парк" — груб и нехудожественен. Александр Степанович пригласил меня пойти в "Луна-парк", когда туда приехали, кажется, сомалийцы или какое-то другое экзотическое племя. Сомалийцы были интересны, стояли их хижины с примитивной утварью, сидела красивая женщина с ребенком, оба светло-шоколадного цвета, а на эстраде мужчины с копьями исполняли воинственную пляску.

Грину "Луна-парк" дал сюжет для главы "На американских горах" в рассказе "Наследство Пик-Мика". На этих горах произошел единственный, кажется, за всё время их существования смертель-

ный случай: пожилой человек захотел испытать сильное ощущение, которое возникает при скатывании с гор, но переживание оказалось слишком сильным для его сердца, и он скатился вниз мертвым. Не знаю, было ли об этом несчастном случае в газетах, но молва о нем облетела весь Петербург.

Знакомые

Знакомых по редакциям и по ресторанам было у Грина очень много, но таких, которые бывали у нас на дому, — наперечёт. Часто заходили Л.Андрусон и Я.Годин. Несколько раз побывал Г.Яблочков, умный собеседник и интересный рассказчик, но Александр Степанович почему-то быстро разошелся с ним. Позднее Грин познакомился с А.Свирским и А.Котылевым. Я с благодарностью вспоминаю об Алексее Павловиче Чапыгине и о Борисе Александровиче Розове, всегда с неизменной мягкостью относившихся ко мне; с ними можно было хорошо, дружески беседовать.

Борис Розов — автор романа "После бурь" и сборника рассказов, изданных "Общественной пользой"[217], тяжело пострадал в "гапоновские дни".[218] После 9 января волнения в рабочих кварталах прекратились не сразу. Рабочие собирались перед заводами, на улицах и устраивали летучие митинги. Полиция разгоняла эти митинги с помощью прикладов и шашек. Розов был занят в эти дни сбором денег для пострадавших 9 января и их семей. Идя со сбором вечером 11 января домой по Малому проспекту Васильевского острова, Борис Александрович попал на летучий митинг. Полиция набросилась на собравшихся, и он получил удар шашкой по голове. Защитила несколько меховая шапка, так что кости черепа не пострадали. От последующих ударов Розов закрывал голову левой рукой; она оказалась рассеченной и изуродованной. Но хуже всего было то, что удары по голове испортили Борису Александровичу зрение; оно ухудшалось, и, наконец, он совершенно ослеп.

В 1917 году Розов напечатал в "Русской мысли"[219] рассказ "Поросячий вор и Агапушка". В 1939 году "Советский писатель"[220] издал интересную книгу Бориса Александровича — "К незримому солнцу". В этой повести описывается трагедия ослепшего художника и та необыкновенная сила воли, благодаря которой он выучился писать без помощи зрения. Скончался Б.А.Розов осенью 1941 года, во время блокады Ленинграда.

У Михаила Арцыбашева оказался общий с Грином взгляд на путешествия. Как-то Александр Степанович сказал: "Знаешь, Ар-

цыбашев говорит, что путешествовать не стоит. Что ты увидишь из окна вагона? Узкую полоску вдоль линии железной дороги и — горизонт. А приехав? Отели, музеи, рестораны... Очень нужно мучиться, тратить деньги и силы! Всего, что подлинно интересно, не увидишь, а кое-что я и сам себе представлю в воображении".

Эти же мысли в шутливой, образной форме выражены Грином в рассказе "Путешественник Уы-Фью-Эой".[221] Герой рассказа тоскует о том, что, объехав четыре раза вокруг света, он видел только *"горизонты по обеим сторонам тех линеек, какие вычертил собственной особой своей вокруг океанов и материков. Я видел,* — прибавляет он, — *крошки хлеба, но не обозрел хлеба"*. А воплощенный в смутный человеческий образ ветер Уы-Фью-Эой утешает его тем, что только он один, ветер, может осмотреть все закоулки земного шара.

Однако, натура у Грина была полна противоречий, да и не было ли это подчеркнутое равнодушие к путешествиям просто маскировкой своей беспомощности в этом отношении? Ведь для того, чтобы путешествовать, нужно иметь или много денег, или много сил. Ни того, ни другого у него не было. Страстное желание повидать другие страны прорвалось у Александра Степановича в его письме ко мне из Крыма. Мой второй муж, Казимир Петрович Калицкий, получил осенью 1927 года командировку в Америку, в США и на остров Куба. Грин знал об этом. Написав о том, над чем работает и о некоторых житейских мелочах, он, без всякого перехода, сообщает: *"Единственное, в чем я могу завидовать — это в путешествии за границу. Ах, Казимир Петрович! Уже в Мексике, наверно. Мы тоже решили нынче весной хлопотать о поездке за границу"*. Поездка эта, по неизвестным мне причинам, не состоялась.

О том, что путешествовать можно и без денег, но для этого надо быть очень сильным человеком, Грин написал в рассказе "Вокруг света".[222] Мне кажется, что это — один из лучших его рассказов; всё в нем сильно, свежо, мужественно и лирично. В математике есть выражение: "Доказательство от противного". Оно вспоминается мне, когда я читаю рассказы Грина, подобные только что названному. В таких рассказах он описывает, обычно горячо и с любовью, натуры, прямо противоположные своей. Таким, вероятно, хотел бы он быть сам, сознавая себя, на самом деле, слабым мечтателем.

Жиль Седир два года назад заключил с миллионером Фрионом пари на сто тысяч. Пари состояло в том, что Жиль обязался совершить кругосветное путешествие в течение двух лет без денег. Он совершил это путешествие. Счастливый, торжествующий Седир возвращается в Зурбаган. О его возвращении стало известно еще нака-

нуне, из газет. Жиля узнают по портрету, помещенному в газете, его интервьюируют, осыпают вопросами. Но он спешит к жене, Ассоль. *"Скоро Жиль стучал у бедных дверей на шестом этаже, в комнату жены. Дверь тихо приоткрылась, показала легкую молодую женщину с блистающими глазами и вдруг стремительно отлетела к стене. Оба чуть не упали с высокого порога, на котором стиснули друг друга теплом, счастьем и стосковавшимися руками. Амур, всхлипывая и визжа от восторга, повис на них с цепкостью уистити*[223]*, поймавшей бабочку, повернул ключ и опустил занавески".*

Но радость мужа и жены, увидевшихся после длительной разлуки, была непродолжительна. Вскоре пришел поверенный бывшего миллионера Фриона и заявил Седиру, что Фрион — банкрот и платить проигранное пари ему нечем. Удар был страшен; деньги были нужны Седиру, чтобы осуществить его изобретение, результат творчества многих лет.

"Ассоль громко, безутешно плакала. "Плачешь? — сказал Жиль. — Я тебя понимаю. Вот судьба моего изобретения, Ассоль! Я обнес его вокруг всей земли, в святом святых сердца, оно радовалось, это металлическое чудо, как живое, спасалось вместе со мной, ликовало и торопилось сюда..." Он осмотрел комнату, бедность которой солнце делало печально крикливой, и невесело рассмеялся. "Что же? Залепи дырку в кофейнике свежим мякишем. Начнем старую голодную жизнь, украшенную мечтами!"

В тот же день Жиля Седира приглашают на загородную виллу другого миллионера, Кориона Аспера. Он идет туда вместе с Ассоль. *"Аспер, перейдя те пределы, за которыми понятие богатства также неуловимо сознанием, как расстояние от Земли до Сириуса, тосковал о популярности подобно Нерону, ездившему в Грецию на гастроли".* Он заявляет Жилю: *"Дорогой Седир, я знаю вашу историю. Я вам сочувствую. Однако нет ничего проще поправить это скверное дело. Если вы, начиная с девяти часов этого вечера, отправитесь второй раз в такое же путешествие, какое выполнили Фриону, на тех же условиях, в двухлетний срок, я уплачиваю вам проигрыш Фриона и свой, то есть не сто тысяч, а двести".*

Предложение жестоко, но Жиль принимает его, требуя только гарантий. Аспер подает ему чековую книжку и говорит: *"Просмотрите и оставьте себе. Сегодня 13-е апреля 1906 года. Вклад на ваше имя; вы получите его по возращении, если не позже девяти часов вечера 13-го апреля 1908 года явитесь получить лично".*

Седир пытается отложить свой уход до другого дня, но Аспер требует, чтобы он начал путешествие немедленно, в течение десяти

минут. Прощание с Ассоль. И Жиль уходит один, без денег, чтобы во второй раз обойти земной шар. Жена говорит ему в предшествовавшем прощанью разговоре: *"Жиль! И любить и проклинать буду тебя! Как мало ты был со мною! Впрочем, покажи им! Я заработаю!"*

Эта женщина не только любит, но и понимает своего мужа и посвоему сильна.

Жиль Седир дошел в первый вечер до того поселка, где останавливался в первый раз в предыдущее свое путешествие. Зная его, ему дали в долг и номер, и вина. Влюбленный пастух спел Жилю песню, которая развеселила его. *"Это о тебе, Ассоль, — сказал он. — И ради тебя, право, не пожалею я ног даже для третьего путешествия. Не я один был в таком положении". Он вспомнил ученого, прислуга которого, думая, что старая бумага хороша для растопки, сожгла двадцатилетний труд своего хозяина... Жиль так задумался, светлея и воскресая, что не слышал, как вошел Аспер... "Вернитесь, — побагровев и нервничая, сказал толстяк. — Я скоро поехал догонять вас. Пустой формальностью было бы выжидать два года. Я, так и так, — проиграл; живите, изобретайте".*

"Однако, — сказал Асперу в конце недели темный граф Каза-Веккия, — вы, я слышал, поторопились проиграть ваше пари?!" — "Нет, меня поторопили! — захохотал Аспер. — И, право, он заслужил это. Конечно, я оторвал деньги от своего сердца, но как хотите, — думать два года, что он, может, погиб... Передайте колоду". — "Да, жиловат этот Седир", — неопределенно протянул граф. "Жиловат? Это — сокрушитель судьбы, и я ему, живому, поставлю памятник в круглой оранжерее. А та разбойница, Ассоль... Увы! Деньгами не сделаешь и живой блохи. Как, — бита? Нет, это валет, господин..."

Вот каким "сокрушителем судьбы" надо было, по мнению Грина, быть, чтобы обойти вокруг света без денег. Он, конечно, прав; но у самого автора таких сил не было.

Как-то пригласил к себе Грина Леонид Андреев. Александр Степанович поехал в Куоккала[224] очень охотно. Вернулся полный впечатлениями. Несколько раз повторял: "Замечательный человек Леонид Андреев!"

Жена Леонида Николаевича[225] рассказала Грину, как Андреев летом увлекался цветной фотографией. Вдвоем с женой ездил на моторной лодке по шхерам.[226] Он, выбирая пейзажи для съемки, не замечал ни времени, ни усталости, а жене было томительно жить без всякого комфорта, заботясь лишь о том, чтобы хватило провизии и бензина.

Леонид Николаевич снимал у соседа финна меблированную комнату для ночлега посетителей. В эту комнату отвели ночевать и Александра Степановича.

Окончив свой рассказ о поездке, Грин опять повторил: "Поразительный человек Леонид Андреев!" — "Но чем же он поразительный?" — "Да не сумею тебе этого объяснить, вся его личность поразительно импонирует".

С Александром Ивановичем Куприным Грин был знаком еще до ссылки, но меня не знакомил с ним до 1914 года. Иногда мне думалось, что Александр Степанович по каким-то причинам сознательно устранял меня от общения с его друзьями. Возможно, что причина этого заключалась в страхе, что они расскажут мне о его похождениях, но это — только моя догадка.

Однажды, когда мы уже разошлись, но, оставаясь друзьями, виделись почти ежедневно, Александр Степанович сказал: "Куприн попенял мне: “Зачем вы скрываете от нас свою Ассунту[227]?” Поедем как-нибудь в Гатчину[228]? Вот скоро у них будет семейный праздник, хочешь?"

Я поехала, но это был мой первый и последний визит к Куприным, и не по их вине. Вышло очень тягостно. Обед в этот день был, кажется, назначен часа в два, но я никак не могла явиться в это время, и мы условились, что Александр Степанович поедет к обеду один, а я приеду попозже. Когда я приехала, хозяева встретили меня радушно, но по взъерошенному виду Александра Степановича я сразу почувствовала, что произошло что-то неладное. Гости или играли в карты, или беседовали, но Грин ходил по столовой и по гостиной отчужденный; никто с ним не разговаривал, и он ни к кому не подсаживался. Сказал мне: "Ты покушай — и уедем. Я за обедом поругался с Жакомино, он оскорбился и уехал. Куприн велел и мне убираться, а я сказал: "Не могу, жена приедет, я должен ее дождаться".

Жакомино был клоун, талантливый человек, знавший чуть не десяток языков. Куприн ценил его и любил.

Мне хотелось уехать тотчас же, но Елизавета Морицовна настояла, чтобы я пообедала. Куски едва проходили в горло. Потом еще надо было ждать, когда приведут извозчика. Вероятно, у меня был очень жалкий вид, потому что Елизавета Морицовна подошла ко мне, положила руку на плечо и мягко, ласково сказала: "Не надо так смущаться. Хуже бывает". Это была помощь. Наконец подъехал извозчик. Пошли одеваться. Но тут Александр Степанович заявил, обращаясь к хозяйке: "Не поеду, пока не дадите вина, вы обещали бутылку".

Едва сдерживая негодование, Елизавета Морицовна скрылась в столовой и, быстро вернувшись, сунула Грину бутылку. И мы, наконец, уехали.

Поэт Яков Владимирович Годин кутил вместе с Грином и другими завсегдатаями богемы. Но с ним произошла удивительная и внушающая уважение перемена. Как-то Александр Степанович с удивлением сказал: "Яша-то Годин, говорят, на землю осел. Крестьянскую тяготу несет, женился..."

И, действительно, Годин исчез из Петербурга. Только в 1927 году я вновь увидела его. Он навестил меня, мягкий, внимательный. В нем не было никакой опущенности, пьяной развинченности; трезвый, нормальный человек. Я спросила его, как ему удалось отстать от жизни богемы. Он отвечал скупо, приблизительно так: допился до того, что начали преследовать мучительные галлюцинации. Стало страшно, понял, что погибнет, если так пойдет дальше. Инстинктом почувствовал, что спасение в природе. Уехал в глушь, в деревню. Женился на крестьянской девушке. Она стала помощницей и другом. Получил возможность работать на земле. Сам научился всей крестьянской работе, имеет детей... Но к литературе все-таки тянет. Написал несколько рассказов для детей. Яков Владимирович подарил мне книжечку, изданную "Радугой"[229], — сборник произведений для маленьких — "Оленька". Можно было, глядя на Година, искренне порадоваться, видя, как счастливо выбился человек из трясины пьянства.

Как-то в январе 1914 года Александр Степанович не приходил ко мне несколько дней. Это было необычно. Не случилось ли чего-нибудь нехорошего? Я пошла к нему. Соседи по квартире сказали мне, что он и дома не появлялся несколько дней. Как узнать, где он и что с ним? Я написала Леониду Ивановичу Андрусону, который очень часто виделся с Грином. Ответ пришел скоро. Леонид Иванович писал: "Александр жив и здоров. Дело вот в чем: после трехсуточной кутерьмы с Куприным, он, испытывая искреннюю и настоятельную потребность начать новую жизнь, вчера, по совету Бориса Глебовича Успенского, сел в психиатрическую лечебницу доктора Трошина: Старая Деревня[230], Благовещенская улица, 123. Успенский сам провел в этой лечебнице два или три месяца и рассказывал мне, что это сильно его укрепило. Если только Александр вытерпит и проживет у доктора Трошина месяца два, это его не только оздоровит и укрепит, но, может быть, и вернет ему утраченное душевное равновесие. Я и Яша Годин провожали его вчера в лечебницу. Вся обстановка и сам доктор Трошин произве-

ли на меня очень благоприятное впечатление. Начало, как видите, очень благое, а что будет дальше, поживем — увидим. Во всяком случае, вчера Александр выражал сильное, твердое и вполне искреннее желание начать новую жизнь. Только трудно ему, как человеку порывистому и неожиданному, сразу поверить. Надо выждать некоторое время. Очень хочется мне, чтобы всё пошло хорошо. Вчера, когда мы с ним расстались, он был в ровном хорошем расположении духа и готовился принять ванну. К сожалению, и миссия Яши Година в "Ниву"[231] с просьбой ста рублей окончилась вчера неудачей по той причине, что госпожа Маркс уехала за границу, а без нее денег не выдают. Но Александр ожидает денег из Москвы и, может быть, сегодня уже получил. Плата у доктора Трошина 75 рублей в месяц. Вчера мне доктор говорил, что денег Александру на руки не будет выдавать, ибо, говорит доктор, он может удрать и закутить. Я думаю, Вера Павловна, что Вам было бы хорошо списаться с доктором Трошиным относительно Александра — как и что..."

Ни в какие деньги из Москвы я не поверила, а потому сама поехала к Трошину. Я нашла Александра Степановича в светлой и просторной, хорошо меблированной комнате, окнами выходившей в сад. Настроение у него было хорошее. На мои расспросы доктор Трошин сказал мне, что лечит своих пациентов не внушением, а убеждением, взывая, с одной стороны, к их здравому смыслу, а с другой — предоставляя им отдых в комфортабельных условиях. Путем убеждения склонять Александра Степановича отказаться от "потолка счастья"? Попытка эта показалась мне заранее обреченной на неудачу. Еще доктор сказал мне, что находит в некоторых рассказах Грина бредовые ассоциации, но я так была поглощена всем происходящим, что не догадалась расспросить, про какие именно рассказы он говорит. Полагаю, что про "Наследство Пик-Мика", но не уверена в этом.

Через несколько дней Александр Степанович пришел ко мне с усмешкой и сообщил: "Доктор отпустил меня в город и сказал: “Вы сознательный человек, понимаете, конечно, что вам пить не следует”". От Грина уже пахло пивом. А еще через несколько дней он заявил мне, что ему надоело сидеть у Трошина, и покинул лечебницу.

Зимой 1914–1915 года, когда мы уже не жили вместе, а только, оставаясь друзьями, часто виделись, вышла в издательстве журнала "Отечество" книга Грина "Загадочные истории". К этому сборнику он написал посвящение[232], которое незачем пересказывать, так как оно напечатано. Но вокруг текста посвящения набросаны

рукой Александра Степановича рисунки. Они вызывают вопросы у читателей и некоторое недоумение. Два из них объяснимы просто: роза — любовь, перо — символ писательского искусства; но зачем птицы, улетающие далеко? Зачем плетка? Для кого она? Птицы, улетавшие далеко — мы с Александром Степановичем в ссылке. А плетка, по мнению Грина, была необходима для него.

Как-то много лет спустя после того, как мы разошлись, он пришел ко мне. Сидели за чаем. И говорилось и молчалось легко. После одной из пауз Грин мягко сказал: "А ведь ты, Верушка, не глупый человек!" Это было сказано с таким искренним удивлением, что обидеться было невозможно, и я только спросила: "А почему ты раньше считал меня дурой?" Он горячо ответил: "Как ты могла спускать мне всё, что я вытворял! Ведь меня бить было надо или, ну хоть щипать! А ты всё молчишь или плачешь. А я ведь толстокожий, это до меня не доходило. Ты неправильно вела себя, Верушка!" И я согласилась с ним. Грину нужна была очень сильная рука около него, а у меня такой руки не было.

Годы 1916–1924

Снова потянулась обычная жизнь. Эта жизнь привела, наконец, к тому, что градоначальник выслал Грина административным порядком из Петербурга. По совету своих друзей Грин поселился на станции Выборгской железной дороги Лоунатйоки.[233] Узнав в феврале 1917 года, что в Петрограде происходит революция, Грин отправился туда вместе с несколькими другими жителями Лоунатйок. Это свое путешествие он описал в очерке "Пешком на революцию"[234], помещенном в альманахе "Революция в Петрограде". Градоначальство и полиция были упразднены. Александр Степанович снова поселился в Петрограде.

Весной 1917 года я переехала в квартиру своего второго мужа Казимира Петровича Калицкого. Встретилась как-то с Грином на Невском и сказала ему, что у меня новый адрес. "Уж не вышла ли ты замуж?" — "Да, вышла". Грин круто повернулся и почти бегом пустился наискосок, через Невский. Я поняла, что догонять его не следует.

Я очень опасалась того, что Александр Степанович захочет познакомиться с Казимиром Петровичем. Мой муж — геолог, ученый, был корректным и выдержанным человеком. С его стороны невозможно было опасаться какой-нибудь выходки по отношению к Грину. Но как поведет себя сам Александр Степанович?

Однажды, когда я вернулась со службы, Казимир Петрович сказал: "Приходил некий Русанов, оставил тебе эту корзинку и сказал, что вы были вместе в ссылке". Опасения мои сбылись! Не могло быть сомнения в том, что пирожные принес Александр Степанович. Никакого Русанова я не знала. Это была рекогносцировка[235]: посмотреть — каков муж? Значит, придет опять. Так и случилось. Прихожу домой, отпираю дверь своим ключом и слышу голоса в столовой. За обеденным столом сидит Александр Степанович, а Казимир Петрович поит его чаем. Визит прошел благополучно. Когда Грин ушел, Казимир Петрович, человек несколько язвительный, сказал: "Ты сидела между нами, как кролик между двумя удавами".

Помню, осенью 1918 года Александр Степанович сказал мне: "Я женился, переехал к X.[236] Я — там хозяин, сижу за обеденным столом в кресле. Завтра у нас прием — гости". Я порадовалась за Александра Степановича: значит, у него опять есть домашний уют. Но брак этот длился недолго. Зимой я получила от него письмо, в котором он просил навестить его, так как он вновь одинок. Я нашла Грина на Невском, между Литейным и Надежденской, на третьем дворе. Комната была маленькая и в мороз нетопленная. Но я ничем не могла помочь ему, так как в 1918–1919 годах мы, как и все петроградцы, голодали. Я принесла только две большие тыквы. Спросила его, почему он уехал от X? "От меня стали прятать варенье и запирать буфет. Я не приживальщик, не моя вина, что негде печататься. Я потом всё бы выплатил. Я послал всех, куда следует, и ушел".

В январе 1919 года Грин переехал в хорошую комнату окнами в сад на 11-й линии Васильевского острова, в дом, ранее принадлежавший богачу М.А.Гинзбургу. Гинзбурга называли "Порт-Артурский"[237], потому, что свои миллионы он нажил в японскую войну. Перевел деньги за границу и сам туда уехал. Охранять его особняк на 11-й линии осталась родственница с детьми. Когда стало известно, что все дома в Петрограде будут национализированы, эта родственница предложила дом Гинзбурга Союзу деятелей художественной литературы.[238]

В Союзе принимал деятельное участие М.Горький. В его состав входило большинство тогдашних крупных писателей: Ф.Сологуб, А.Блок, К.Чуковский, В.Шишков, Д.Цензор и другие. Председателем был сначала Ф.Сологуб, потом В.Муйжель. Секретарем — Ю.Слезкин, казначеем — Д.Цензор. Некоторые из членов Союза жестоко нуждались в помещении, в дровах и вообще в материальной поддержке. Нарком Луначарский подписал ассигновку на дрова для писателей, поселившихся в Доме Союза деятелей художе-

ственной литературы и на оборудование там столовой. В доме поселились, кроме А.С.Грина: В.Войнов с семьей, Ю.Слезкин, Д.Цензор с женой, В.Муйжель. Большинство жителей этого дома принимало активное участие в советских журналах того времени: Муйжель редактировал художественный отдел журнала "Пламя"[239], Цензор работал в газете "Красный Балтийский Флот"[240] и организовывал художественные студии на линкорах "Марат", "Гангут" и на подводных лодках. Грин участвовал в художественном отделе журнала, издававшегося петроградской милицией.[241] Союз деятелей художественной литературы просуществовал недолго. Его члены разошлись по вновь образовавшимся организациям: Союз писателей, Союз поэтов, Цех поэтов, Дом искусств.[242] Александр Степанович прожил в Доме Союза до лета 1919 года, когда его призвали на военную службу.[243]

Полк, в который был зачислен Грин, стоял на Охте[244], в Ново-Черкасских казармах. Я приехала туда сделать Александру Степановичу передачу, но в свидании мне отказали.

В сентябре 1919 года я уехала со вторым своим мужем в командировку. В то же время бригада, в которой находился Грин, отправилась в Витебск. Здесь он некоторое время помещался на фарфоровом заводе, потом бригаду перевели за 60 километров от Витебска, а позднее — в г. Остров. Здоровье Грина было расшатано, а потому он строевой службы не нес. Находился в караульной команде по охране обоза и амуниции.

Очень скоро после моего отъезда наши отношения с Александром Степановичем прекратились. Пропадали письма, и я потеряла его из виду. Только вернувшись в 1920 году в Петроград, я узнала от Грина обо всем, что он пережил за это время.

Когда Грина взяли на войну, ему было 39 лет. И в молодости он с отвращением относился ко всякой дисциплине. Военная муштра царского времени была для него настолько нестерпимою, что он предпочел стать дезертиром.

В 1919 году к всегдашнему отвращению ко всему обязательному присоединились еще плохие ночлеги, грязь, слабое здоровье. Служба даже в тылу оказалась ему не по силам. Александр Степанович очень скоро переутомился и затосковал. Служил в то время в телефонной команде, носил по деревням телефонограммы. Силы падали, и это пугало. Попросился в отпуск, хоть на неделю, — отказали. Еще тяжелее показалась ему походная жизнь, когда он, пользуясь свободными минутами, прочел роман Анны Виванти "Поглотители".[245] *"Роман захватил меня,* — рассказывал Александр Степано-

вич, — *и очень понравился, но вместе с тем заставил еще пуще затосковать. Я остро почувствовал, что мне надо писать, а не влачить мучительное существование в тылу, в грязи и в холоде. Книжку я окончил читать в грязной солдатской чайной. Выйдя из нее, я сел на железнодорожную насыпь и впал в полное отчаяние".* Это было в марте 1920 года. *"Если еще так некоторое время промучаюсь, так умру", — думал я. И тут увидал на запасных путях белый санитарный поезд. Решил пойти наудачу к заведовавшему поездом врачу. Шел со страхом, вдруг тоже скажет, что никакой болезни у меня нет, и не отпустит".*

Но врач-латыш оказался человеком понимающим и гуманным. Он нашел Грина очень слабым и отправил на комиссию. Через пять часов Александр Степанович уже ехал в Псков, где эта комиссия заседала. Ему дали отпуск на месяц. На свою встречу с латышом-доктором Грин смотрел как на чудо: через три дня после того, как он уехал в Псков, вся телефонная команда была вырезана поляками. Кроме того, как выяснилось позже, этим отпуском закончилась вообще его военная служба.

20 марта 1920 года Грин вернулся в Петроград. Некоторое время пожил у И.И.Кореля, знакомого по Кегострову, а потом переехал в Дом литераторов[246] на Бассейной улице. Но пробыл здесь недолго. Почувствовал, что расхварывается. Пошел за помощью к М.Горькому. Алексей Максимович дал ему записку в лазарет, находившийся в Смольном.[247] Там его взяли на испытание и поместили в изоляционную палату на три дня. Выяснилось, что у Грина сыпняк. Тогда его перевезли в Боткинские бараки[248], где Александр Степанович и пролежал 28 дней. М.Горький и тут не оставлял его, присылая передачи, между прочим, кофе, которым Грин очень дорожил.

Выздоровев, Александр Степанович опять пошел к Горькому. Тот дал ему письмо к командующему Ленинградским округом, прося откомандировать Грина в библиотеку Дома искусств. В число членов этого Дома он был выбран единогласно. Просьба Горького была уважена, и Грин поселился на Мойке, у Полицейского моста[249], в Доме искусств.

Переехал Александр Степанович туда в мае 1920 года. Здесь я его и увидела, когда мы с Казимиром Петровичем в июне 1920 года вернулись в Петроград. Застала я его здоровым и веселым. Продажа вина была тогда запрещена, а режим трезвости действовал на Александра Степановича всегда благотворно.

Дом искусств был открыт в декабре 1919 года. Сначала он был задуман как филиал московского Дворца искусств[250], но очень скоро

вырос в самостоятельное учреждение. Во главе Дома стоял М.Горький, средства же давал Народный комиссариат просвещения.

Потребность в создании Дома искусств была большая. Прежние писательские группировки вокруг журналов исчезли вместе с журналами, а собираться где-нибудь, чтобы обсудить свои профессиональные нужды, было необходимо. Кроме того, многие литераторы, музыканты, художники за время голода занялись всевозможными побочными заработками, отрываясь, таким образом, от своей профессии. Чтобы помочь им выбраться из тяжелого материального положения, при Доме искусств было открыто общежитие. В нем Грин и получил хорошую меблированную комнату. Там же можно было получать и обед. В книгах чувствовался острый недостаток, и при Доме искусств был организован "Книжный пункт".

В первое время по открытии Дома искусств писатели и художники собирались на интимные "пятницы", несколько позднее стали устраивать "понедельники" — для широкой публики. Некоторые из "понедельников" были посвящены лекциям или художественной прозе, другие — поэзии. В феврале 1920 года возникла "музыкальная секция". Она устраивала концерты. По средам происходили диспуты.

Художники, среди которых были Александр и Альберт Бенуа, М.В.Добужинский, К.С.Петров-Водкин и другие, устраивали в помещении Дома искусств выставки картин.

Большой интерес молодежи вызывала "Литературная студия". На второй семестр, осенью 1920 года, в студию записалось 350 человек. Студию возглавлял К.И.Чуковский.

В помещении Дома искусств устраивали свои вечера Союз поэтов и позднее — молодое общество — "Цех поэтов". На вечерах поэтов выступали В.Рождественский, М.Шагинян, Ю.Верховский, М.Кузмин, В.Пяст... Два вечера были посвящены А.Блоку. Приезжали из Москвы и выступали в Доме искусств А.Белый и В.Маяковский.

Большое число посетителей привлекали вечера воспоминаний А.Ф.Кони, который рассказывал про Достоевского и Л.Толстого, про Писемского и Тургенева. В октябре 1920 года состоялся вечер Федора Сологуба. В ноябре 1920 года К.Чуковский прочел со свойственным ему лекторским талантом главу из большой книги о Некрасове, озаглавленную "Поэт и палач" (о Некрасове и Муравьеве). Четвертого декабря В.Маяковский прочел свою поэму "150 000 000".

Восьмого декабря выступил Александр Степанович Грин со своей феерией "Алые паруса". Публика приняла эту поэтическую повесть очень тепло. Александр Степанович рассказал мне, что вынашивал эту повесть пять лет[251]; черновик ее лежал у него в походной

сумке, когда он был на военной службе. Прочитав эту повесть у нас дома, Грин сказал с видимым удовлетворением: *"Обрати внимание, какое у меня богатство слов, обозначающих красный цвет"*. Но не меньшее количество таких же синонимов есть у Грина и в стихотворении "За рекой, в румяном свете", помещенном в шестнадцатом номере "Нового журнала для всех" за 1910 год.

Грин много рассказывал мне про помещение банка, стоящего пустым, по соседству с Домом искусств. Этот дом занимал огромное пространство: один его фасад выходил на улицу Герцена, другой на Невский, третий на Мойку. Как-то Грин повел меня посмотреть это замечательное, по его словам, здание. Банк занимал несколько этажей и состоял из просторных, светлых и высоких комнат, но ничего особенного, красивого или таинственного, что отличало бы его от других банков средней руки, не было. Когда позднее Грин читал нам "Крысолова"[252], я была поражена, как чудесно превратился этот большой, но банальный дом в настолько зловещее и фантастическое помещение.

Летом 1920 года я попросила Александра Степановича дать мне развод. Он согласился на это без малейшего неудовольствия. Мы вместе пошли в ЗАГС. Меня удивило и тронуло то, что, когда, получив развод, мы вышли на улицу, Александр Степанович поблагодарил меня за то, что я не отказалась от его фамилии, осталась Гриневской. А ведь он знал, что развод я попросила затем, чтобы выйти замуж за К.П.Калицкого.

Наши отношения после разрыва в 1913 году стали товарищескими; Александр Степанович подробно рассказывал мне о своих любовных похождениях. Однако по тому, каким он тоном о них говорил, я чувствовала, что отношение его к тем женщинам, с которыми он флиртовал, несерьезно. Но однажды, придя к нему без предупреждения, я нашла дверь в его комнату полуоткрытой. Я увидела на столе два прибора: тарелочки из папье-маше[253], бумажные салфеточки. Стояла нехитрая закуска и немного сладкого. Лежала записка: "Милая Ниночка, я вышел на десять минут. Подожди меня. Твой Саша".

Я поспешила уйти. Тщательность, с которой было приготовлено угощенье, напомнила мне то время, когда Александр Степанович ожидал меня к себе в первый год нашей любви. Я поняла, что ожидаемая женщина — новая серьезная любовь Грина. И не ошиблась. 8 марта 1921 года Александр Степанович женился на Нине Николаевне Мироновой, которая прожила с ним до его смерти, оставаясь верной и преданной женой.

В Крыму. Смерть

Грин уехал в Феодосию с женой и с тещей 6 мая 1924 года. Он никогда не жалел об этом переселении, несмотря на то, что жизнь в Крыму складывалась не совсем легко. Писал он очень много, это видно по количеству напечатанных произведений. Казалось бы, что при такой производительности можно было бы жить безбедно, но литературные заработки неравномерны и зависят от множества случайностей. Поэтому жизнь Грина и его близких шла как бы с горы на гору: от благополучия к острой нужде. Писался роман. Потом Грин один или с женой ехал в Москву или в Ленинград продавать его. Начиналось хождение по издательствам. Чтение предложенной рукописи длилось обычно довольно долго, так как судьба ее никогда не решалась единолично, а рукопись переходила от одного редактора к другому. Иногда такое чтение заканчивалось отказом. Надо было передавать рукопись в другое издательство и снова ждать. Жизнь в Москве была дорога, а Александр Степанович неизбежно начинал пить.

Проходил месяц, другой, а иногда и больше, пока, наконец, роман принимали, заключали договор и выдавали аванс. Тогда Грины возвращались в Крым, отдыхали, отдавали долги и некоторое время жили спокойно. Александр Степанович принимался за новое произведение, но обычно оно не было еще окончено, когда деньги иссякали, и приходилось обращаться к ростовщикам. Накапливались долги и проценты на них. Наконец, роман был окончен, ехали в Москву и так далее.

Казалось бы, что такая жизнь мучительна. Но на мой вопрос, не лучше ли Гринам переселиться в Москву, мне категорически ответили: невозможно, так как в Крыму можно с семьей прожить на 200 рублей в месяц, а в Москве для этого понадобится 500 рублей. А еще важнее то, что в Москве пришлось бы жить в одной комнате, в коммунальной квартире, где шум, радио, телефон, свары и десяток примусов на кухне, а в Крыму можно иметь отдельную тихую квартиру. Ответ звучал убедительно, и возражать не приходилось.

В апреле 1927 года Грин прислал мне радостное письмо.[254] Он писал: "Совершилось такое событие: 10 февраля в Феодосию приехал Вольфсон (изд-тво "Мысль"[255]) и купил у меня полное собрание сочинений 15 томов[256], т. е. — всё, что в книгах и по журналам, 10000 экз. каждый том. В 8 месяцев все выйдут из печати. Сделка эта даст всего 15-20 тысяч рублей, пока же, авансом я получил 3000 р. Почти

наверное по этим делам придется нам с Ниной быть в Петербурге в 1-ой половине мая. Конечно, мы очень рады, т. к. наконец, избавились от долгов. А их было уже 775 руб. На днях мы поедем в Ялту, там — до Пасхи, затем в Москву и, по всей видимости, в СПб... В Питере, вероятно, устроим чтение нового романа "Бегущая по волнам"...[257] Сижу тихий, выпиваю мало, зубы пломбирую..."

Сколько радости! Надежда увидеть все свои сочинения — 15 томов, вышедшими из печати, уплатить все долги и в течение восьми месяцев получить 15–20 тысяч. Это было богатство, о котором раньше Александр Степанович, вероятно, и не мечтал. Но откуда он взял срок в восемь месяцев, не обманывал ли он себя? Ведь в договоре говорилось, что всё Собрание должно быть издано в течение трех лет. Издание всех пятнадцати томов не состоялось, вышли только восемь, а с деньгами потянулась обычная томительная волокита. Но всё это случилось уже позднее, а тогда, весной 1927 года, Александр Степанович был счастлив.

Побывав осенью 1927 года в Ленинграде и в Москве, Грин вернулся в Феодосию. "Приехали мы, — сообщал он, — безумно уставши. Еще ни разу так не уставали. Дня четыре отдышивались. Но вообще, как попадешь домой, — становится нечего сказать о жизни, она спокойно заведена... Погода — как осень с солнцем..."

В пьяном виде, как я уже говорила, Грин писать не мог. И наоборот. Периоды тихого житья были у Александра Степановича очень производительны. Зимой 1927–1928 года он писал: "Я пишу сразу два романа: "Дорога никуда" и "Обвеваемый холм". Один надоест, берусь за другой..."

Позднее "Обвеваемый холм" был переименован в "Джесси и Моргиану"[258] и продан в "Прибой"[259], в Ленинграде, в 1928 году.

В октябре 1928 года я получила письмо, в котором Грин просил меня узнать у Гефта, заведовавшего "Прибоем", про вексель на остаток (625 рублей) за проданный роман. "Этот вексель было обещано выслать, как только рукопись будет отдана в печать. Роман давно сдан в печать и в ноябре должен выйти в свет, а векселя нет. Материальное же положение туговато", — писал Грин.[260]

Это "тугое" положение затягивалось. 23 октября 1928 года Александр Степанович прислал новое письмо: "Спасибо тебе сердечное за твои хлопоты. Я сегодня получил вексель... будь добра отнеси его в Промкредит... Если ты сдашь его в учетный отдел, с просьбой перевести мне деньги телеграфом, то через пять-шесть дней они у нас будут. Там знают меня. А для них я прилагаю особую бумажку, которую прошу тебя передать им с векселем. Начинается обычная

зимняя история: деньги должны, а медлят. Мы живем в том же тихом темпе; я пишу очередной роман "На теневой стороне". Н<ина> Н<иколаевна> шьет или хозяйничает. Прогулки по городу, чтение и кинематограф — обычные развлечения... Жду, что будет с историей издания моего собрания сочинений. Что он напишет... Мы до весны никуда не поедем, измучились, таскаясь взад и вперед". Хотя я тотчас же отнесла вексель и заявление Грина в учетно-ссудный отдел Промкредита, однако деньги не были высланы так скоро, как ожидал Грин. Я получила тревожную телеграмму: "Что векселем. Извини. Грин". Но вскоре поступило извещение: деньги получены.

Роман "На теневой стороне" был потом озаглавлен "Дорога никуда". Это заглавие произошло от такого же названия гравюры, которую Грин видел в Москве летом 1928 года на выставке английских гравюр в Музее изящных искусств.[261] Гравюра была выполнена Гринвудом. Ее содержание описано в "Дороге никуда" самим Александром Степановичем так: "Безлюдная дорога среди холмов в утреннем озарении".

21 января 1929 года Грин сообщал: "Писание нового романа занимает у меня и мысль и время, роман называется "На теневой стороне", история одного доброкачественного мужчины в 18 печатных листов. (Кстати: будь добра: позвони в "Прибой", вышла или не вышла моя книга "Джесси и Моргиана", она что-то долго печатается)".

В апреле 1929 года Грин приехал в Москву. 26 апреля он написал оттуда: "Вынуждены мы просить тебя одолжить нам сто рублей дней на 15... Так как по договору первый платеж — 400 рублей, то вернуть этот долг затруднения для нас не доставит... Благодарю тебя за звонки к Груздеву. А что сказал Вольфсон?"

В Москве Грин опять мучился от обычной затяжки с устройством оконченного романа "Дорога никуда". В письме от 11 мая 1929 года он жалуется: "Наши дела вертятся вокруг мертвой точки, до сих пор мой роман еще не продан, отчасти в силу бумажного кризиса, отчасти по причинам, вытекающим из перемен в разных редакционных составах. Но так у меня, увы! часто бывало. Пока что ждем от Вольфсона 1000 с лишним рублей, как только выйдут "Приключения Гинча".[262] Кстати: не позвонишь ли ты Вольфсону? Будь добра: спроси, вышла ли эта книга, а также передай им просьбу о высылке мне в Москву авторских экземпляров “Колонии Ланфиер”[263]".

Дела с Вольфсоном шли все хуже и хуже. Прошло уже два года с тех пор, как был заключен договор на Собрание сочинений, но издание книг остановилось. 19 мая 1929 года Грин написал из Мос-

квы: "Наши же дела затянулись, и с месяц проживем еще здесь. Должно быть, скоро я приеду в Ленинград по делу суда с Вольфсоном (на сумму 7350 р. иск). Я хочу высудить у него эти деньги за ненапечатанные книги. Юристы говорят: дело правое и верное. Так мне придется быть на судебном заседании... На днях я читал в Союзе писателей отрывки из романа "Дорога никуда"... народу собралось достаточное количество, все читатели-поклонники. Заставили читать дольше, чем я хотел. Этот роман всё еще в процессе продажи, и трудно сказать, когда уладится дело".

Судебный иск к издательству "Мысль" заключался в следующем: договор был заключен на 15 томов, которые должны были быть изданы в течение трех лет. Общий объем издания 150 листов. Но издание приостановилось. "Мысль" издала всего восемь томов, объемом 75 печатных листов. По статье 20 закона об авторском праве РСФСР от 11 октября 1926 года издательство обязано было уплатить Грину полностью гонорар, если издание не последует в указанный срок.

Вероятно, Александр Степанович сделал ошибку, начав судебное дело в 1929 году, когда трехлетний срок договора не был окончен. Во всяком случае, и в первой инстанции, и в кассационном суде он свой иск проиграл. Надо было теперь дожидаться истечения срока и тогда подать в Верховный суд. Срок же истекал в 1930 году.

Денежные дела Грина шли очень плохо. Зимой 1930 года он опять едет в Москву, но 13 марта возвращается оттуда измученный и без денег. К счастью, недели через две пришли 570 рублей, высуженные за "Приключения Гинча". Издательство "Мысль" не хотело уплачивать за эту книгу гонорара, потому что свою новую книгу "Джесси и Моргиана" Грин продал в другое издательство. Но суд постановил: выплатить гонорар, и Александр Степанович получил, за вычетом каких-то долгов в Союз и гонорара адвокату, — 570 рублей. Деньги — небольшие, да еще из них надо было уплатить долги в Феодосии, но всё же некоторое время существовать было можно.

Жили скудно. Грин работал над своей автобиографией для "Следопыта".[264] Развлекал, смягчая тяжесть борьбы за жизнь, ястреб, о котором Грин написал трогательный рассказ "История одного ястреба".[265] Но весной 1930 года ястреб умер. Александр Степанович скорбел: "Ястреб наш умер, как заснул, сидя в коробке с ватой, но глаза остались открыты, как у живого. Зарыли мы его в нашем маленьком садике. Он не мог бы летать, в журнале я сочинил, что он стал летать потому, что мне очень хотелось этого. Так вот, я думаю, что Бог сжалился над ним. Всё равно, его жизнь невеселая была".

В июне 1930 года я получила из Феодосии письмо, в котором меня просили либо найти защитника для ведения дела в Главсуде, либо передать исковое заявление, направленное в Главсуд, в коллегию защитников. К своему прежнему адвокату Грин совершенно потерял доверие. "Минимально сыты, — сообщалось в письме, — и больше ни о чем не думаем, даже о будущем месяце или неделе...".[266] К письму было приложено заявление "В Президиум коллегии защитников Ленинграда" и копии "Искового заявления в Главсуд".

Насколько было легко или трудно жить, не думая "даже о будущем месяце или неделе", видно из письма Грина, посланном в первых числах июня 1930 года, вдогонку за предыдущим письмом: "Дорогая Вера, только что мы послали тебе просьбу с судебным заявлением, как получили твои письма и деньги. Ты не можешь себе представить, как эти деньги нас тронули, я не послал их тебе обратно только потому, что они были от сердца. Хотя признаюсь, у нас оставалось два рубля. Я недавно был в Москве, где выяснилось, что мы должны получить за напечатанный в № 7 журнала "Знание — сила"[267] рассказ, — 70 рублей. Кроме того, я завел дело с издательством "Федерация"[268] на написание книги моих автобиографических воспоминаний[269], — условие это было признано желательным и, вот теперь ждем со дня на день окончательного ответа. Если договор заключим, деньги будут. То же самое, если удастся заключить договор с "Землей и Фабрикой"[270] на печатание книги "Избранные произведения" под общим названием "Остров Рено"[271], — за 23 года писательства... Самые главные надежды на дело с Вольфсоном".

Чтобы продвинуть как-нибудь это дело, которое адвокат только тормозил, Грин опять едет в Москву. Оттуда, а еще раньше из Феодосии, я стала получать разные поручения по этому делу, а потом извещение о том, что дело, наконец, выслано в Москву в Верховный суд.

Жизнь в Москве была мучительна из-за волнений по поводу судебного дела и еще оттого, что литературные дела в течение целого месяца были "абсолютно плохи и безнадежны". Только в конце июля Грин продал в "Никитинские субботники"[272] книжку "Фанданго".[273] В других же издательствах ничего не брали.

Наконец, наступило облегчение. 13 августа дело с Вольфсоном было рассмотрено в кассационно-гражданской коллегии, и решение ее было наилучшим для Александра Степановича: отменить все решения Ленсуда и дело вновь пересмотреть в Ленинграде с указаниями Верховного суда. Для присутствия на пересмотре этого дела Грины приехали в Ленинград. Дело было выиграно, и Александр

Степанович получил более пяти тысяч. Поразила меня тогда его быстрая отходчивость! Как будто и не было длительного и тягостного ожидания решения суда, не было полуголодного существования и литературных неудач! Какой радостью сияли лица Гринов, когда они пришли показать мне свои покупки. Никогда раньше я не видела Александра Степановича так хорошо одетым. Всё элегантное, всё новое. Даже толстая палка с набалдашником в руках. А у жены, помимо обновок, — золотой браслет с часами. Как потом пригодился этот браслет!

Какой-то художник[274], имени которого я, к сожалению, не знаю, по заказу Грина тогда же нарисовал масляными красками портреты Александра Степановича и его жены.

Незадолго до отъезда в Феодосию Грин обещал прийти ко мне, но в назначенный день позвонил, что не придет, так как чувствует себя очень усталым, и разболелась спина. Просил меня прийти к ним. Когда я пришла, он лежал одетый. Я подумала, что спина, вероятно, болит от неврастении, которая от всех переживаний и тревог последних месяцев должна была, конечно, возрасти. Но неприятно поразил цвет лица Александра Степановича, не только бледный, но скорее желтый. Это плохой признак, указывающий на очень большое истощение. Я порадовалась тому, что Грин уезжает на Юг, в любимый Крым, где сможет отдохнуть. И в голову мне не пришло, что я вижу его в последний раз...

Вернувшись в Феодосию, Грин узнал, что им придется уплотниться в той коммунальной квартире, в которой они жили.[275] Феодосия очень быстро населялась приезжим людом. Жить с кем-нибудь в одной квартире было для Александра Степановича всегда очень тяжело. Раньше в Феодосии, в той квартире, где жили Грины[276], только одна комната была занята посторонними. Это были спокойные, тактичные люди[277], ходившие даже другим, чем Грины, ходом. И все-таки их присутствие раздражало его. Теперь же предстояло либо мириться с вселением новых, незнакомых людей, либо, учитывая излишнюю площадь, платить за квартиру 125 рублей в месяц. Это было непосильно, а потому Грин поехал искать себе жилье в Старый Крым. Оно нашлось очень скоро. На улице Ленина, 98, сняли отдельную квартиру за 25 рублей в месяц, и 23 ноября 1930 года переселились туда.

Старый Крым очень понравился Александру Степановичу. "Город весь в фруктовых садах, окружен горами и лесами... Как подумаешь о Питере, снеге, морозе, отсутствии дров, страшно становится..."[278]

Наступила пора отдыха. Грин принялся доканчивать "Автобиографическую повесть" для "Звезды"[279], а для себя, впрок, писал "Недотрогу".[280]

Для отдыха, впервые в жизни, читал Писемского. Впечатление от этого автора было такое: фельетонно, не очень весомо, но очень интересно, потому что узнаёшь, как жили тогда, что волновало.

Благополучие длилось несколько месяцев. Потом деньги, полученные от Вольфсона, кончились. Я получила письмо с просьбой узнать, когда вышлют деньги из "Звезды". В конце письма стояла фраза: "Здесь голод и жара".[281] Это было 23 июня 1931 года. Мне тогда и в голову не пришло, что слово "голод" может относиться к самим Гринам. Однако это было так. Нужда уже наступила. В августе, раздобыв немного денег, Грин поехал в Москву, продал что-то из мелких рассказов и вернулся домой с небольшими деньгами, но совсем больной.

Первый диагноз был: туберкулез на почве истощения. В ранней молодости туберкулез начинался у Александра Степановича, но потом легкое зарубцевалось. Предполагали, что он вспыхнул снова. (Так ли это было — неизвестно). Палочек Коха[282] не нашли, а рентген показал, что половина легкого совсем темная. Решили, что это ползучее воспаление легких.

Но что бы ни определяли врачи, положение Грина и его семьи было жуткое: надвигалась осень, а деньги кончались, дров не было. Он послал заявление в Союз писателей с просьбой выхлопотать ему пенсию.[283] Обратились к Н.С.Тихонову, и, благодаря его добрым хлопотам, автобиографическая повесть Грина была принята в Издательство писателей в Ленинграде[284] в том виде, как она была напечатана в "Звезде". Это было поистине крупнейшей помощью Александру Степановичу. Какая это была радость, когда он получил от издательства договор, по которому ему должны были прислать сначала единовременно 500 рублей, а потом ежемесячно по 250 рублей из расчета по 300 рублей за печатный лист. Эта радость вызвала даже некоторое облегчение в состоянии его здоровья. Но все-таки настоящей поправки не наступало. Казалось, что организм весь изношен. Всё было поражено: легкие, сердце, почки, печень, кишечник. Не сыграл ли в этом общем разрушении свою роль и алкоголизм?

Свои страдания Грин переносил с трогательным терпением. Длительная болезнь как бы переродила его... Говорил, что болезнь послана ему для "доброго наказания". Считал, что она даже выручала его до известной степени, объясняя окружающим: "Ведь нам бы нынче не на что совсем было жить. "Недотрога" моя всё еще не

уложилась, когда-то напишется, а болезнь дала нам возможность продать книжкой мою биографию, следовательно, как-то, хоть плохо и тяжко, но живем".

Истощение катастрофически увеличивалось, а зима, как нарочно, была исключительно суровая. Александр Степанович с нетерпением ждал весны, веря, что с наступлением тепла он поправится. Весной врачи посоветовали переменить квартиру, так как та, в которой Грины жили, была сыровата. Но население Старого Крыма знало о его тяжелой болезни и считало ее заразной, поэтому отказывалось сдать ему квартиру. Тут выручил тот браслет с часами, который в дни временного благополучия Грин подарил своей жене. На этот браслет Нина Николаевна купила маленький домик[285] с глиняным полом. Домик стоял на возвышенном месте, смотрел окнами на юг и был окружен фруктовым садом. В начале июня 1932 года Александра Степановича перевезли в этот домик.[286] Эта покупка очень обрадовала его, и радость немного подняла его силы. Он даже опять стал немного есть, тогда как перед тем совсем лишился аппетита. Но улучшение длилось только четыре дня, потом начались рвота и боли. Врачи определили рак желудка. Начались галлюцинация и бред при низкой температуре.

Седьмого июля, утром, Грин коснеющим языком проговорил: "Помираю". Это было его последним словом. Началась агония. Врачи говорили, что он уже ничего не чувствует, однако, он стонал, а потому впрыснули морфий. Стон прекратился. Агония продолжалась больше суток, но скончался Александр Степанович без страдания, совсем тихо.

Это произошло 8 июля 1932 года в 18 часов 30 минут.

Похороны Грина были торжественны. О его тяжелой и долгой болезни знали все жители Старого Крыма. Они жалели его, и пришли отдать ему последний долг. Из других местечек и городов Крыма приехали поклонники и поклонницы Александра Степановича. Писателей не было, хотя вдова дала публикацию в газеты[287] и написала в Коктебель, где был Дом творчества.[288]

Несмотря на отсутствие собратьев по профессии, на всех углах по дороге в церковь и на кладбище стояли большие кучки народа, а за гробом шло человек двести. Всю дорогу пел хор, состоящий не только из местных жителей, но и приезжих.

Вдова похоронила Александра Степановича на последние деньги, полученные за "Автобиографическую повесть".

Известие о смерти Грина сильно омрачило меня, несмотря на то, что я всё время знала о всех подробностях его умирания, и, конеч-

но, должна была ожидать со дня на день его смерти. Я давно разошлась с ним, но хорошая душевная дружба оставалась до конца жизни Александра Степановича, а главное, живы были воспоминания о первом годе нашей супружеской жизни. Он давал мне не только много нежности, но и поэтизировал нашу любовь, а ведь это так редко в жизни встречается. И в этом умении опоэтизировать отношения сказывался, несомненно, художественный дар Грина. Всё доброе, бывшее в нашей совместной с ним жизни, твердо запечатлелось в душе, и воспоминание об этом добром вызывает во мне чувство большой и теплой благодарности.

Красное и белое

Дорога никуда

Когда Александр Степанович Грин в 1930 году прислал мне "Дорогу никуда", я не поняла, как построено это произведение, и сделала жестокую ошибку, доставившую горькие часы Александру Степановичу и долго и тяжело меня мучившую.

Ошибка произошла оттого, что в наиболее ярко очерченной в этой книге фигуре Ван-Конета я узнала черты самого Грина, а Консуэло было мое интимное имя в хорошие часы нашей совместной жизни. Отношение Ван-Конета к Консуэло крайне оскорбительно, а потому, прочитав начало книги, я потеряла душевное равновесие, как бы временно ослепла, не замечая ничего, что противоречило первому впечатлению. Ошибка была в том, что я сочла Ван-Конета целиком за Александра Степановича, а себя — всецело за Консуэло; и то и другое было неправильно.

Свою ошибку я поняла и в книге разобралась как следует только после смерти Грина. Но, к счастью, не умом, а сердцем я почувствовала, что своим резким письмом[289], которое написала по получении "Дороги никуда", я сделала что-то жестокое и несправедливое. Это сознание не давало мне покоя и стало особенно остро чувствоваться, когда Александр Степанович заболел. Я написала ему в разное время два письма, точного содержания которых не помню; знаю только, что хотела в них объяснить свое жестокое письмо и загладить свою вину. Судя по ответам, можно заключить, что в первом письме я больше всего обвиняла Грина в том, что он сознательно доводил меня до необходимости уйти от него, как делал это Ван-Конет с Консуэло. Писать сам Александр Степанович из-за слабости уже не мог, но попросил своих близких сообщить мне следую-

щее: "Он сердечно просит Вас не думать о том письме и опять говорит, что не было у него никогда в жизни с Вами задних мыслей о Вас, что много он Вам отяжелял жизнь, но всё это было от разности характеров и незнания жизни".[290] Это "опять говорит" относится к письму, написанному по просьбе Грина раньше. В нем говорилось: "Никогда он не прикрывал своих чувств деликатной ложью. Он уверял, что у него не было желания расходиться с Вами, но было взаимное непонимание идеалов друг друга, что по молодости лет проходило остро. Его идеал был всегда: он — старший, один в мире с женой, у костра, в непогоду прикрывает ее от дождя, а у Вас, по его мнению, идеалом было тогда благо людей, но не личное. Он был бродяга по натуре, с неровным, недисциплинированным, пылким характером и жадностью к жизни, Вы — петербургская интеллигентная девушка с определенными привычками, взглядами, традициями, добрым сердцем и представлениями о жизни, но не знанием ее... Он часто, жалея Вас, говорил, что Вам пришлось тяжелее его, т. к. отдыха и тихого женского счастья Ваше сердце мало знало...".[291] Эти добрые письма сняли часть тяжести с моей души, показав, что Александр Степанович простил мне мое резкое письмо.

Много позже я внимательно, и стараясь не волноваться, прочитала "Дорогу никуда" и, кажется, верно поняла настроение романа.

Подросток Тиррей Давенант, чистый душой и мечтательный, служит официантом в кафе "Отвращение". Это кафе принадлежит оригиналу Кишлоту, который рассчитывает эксцентричностью привлечь посетителей. В меню стояло: консоме[292] "Дрянь", пирожное "Уберите", тартинки[293] с гвоздями и т. д. Но реклама не имеет успеха — кафе пустует. Лишь Орт Галеран, "человек сорока лет, прямой, сухой, крупно шагающий", является туда ежедневно. Он снисходительно относится к хозяину и ласково покровительствует Тиррею Давенанту.

В кафе из любопытства приезжают две молоденькие дочки богача Футроза с гувернанткой. Среди шуток и смеха знакомятся с Тирреем и Галераном. Последний пользуется этим, чтобы устроить судьбу своего любимца. Он убеждает девушек упросить своего отца принять участие в Тиррее. Славные девочки так и делают. По их просьбе Футроз помещает Тиррея на полный пансион, прекрасно его одевает и собирается дать ему образование. Тиррей счастлив. Но беда внезапно настигает его. Давенант считал себя сиротой, так как его отец пропал без вести много лет назад, а мать умерла. Неожиданно появляется отец. Это — спившийся, наглый бродяга, бывший каторжник, злой и циничный. Фигура его вышла у Грина очень

яркой и отвратительно страшной. Франк Давенант обкрадывает сына и собирается эксплуатировать Футроза. Тиррей, влюбленный в обеих девушек и благодарный их отцу, не может вынести мысли, что пьяный и отвратительный бродяга явится к Футрозам в качестве его отца и будет вымогать у них деньги. Мальчик хочет предупредить своих благодетелей, объясниться с ними, бежит к ним, но они уехали из Покета в Лисс, на гастроли каких-то знаменитостей. Не увидеть их, не объясниться, не проститься! Нет, это невозможно! Какой бы ни было ценой, но он должен попасть в Лисс!

"Мысль встретить их у театра, представляя их изумление, которое скажет им всё об его преданности и привязанности к ним, — взволнует, быть может, и заставит крепко, в знак вечной, пламенной дружбы, сжать его руку — приняла болезненные размеры; вне этого не существовало для него ничего, и, если бы его теперь заперли или связали, он неизбежно и опасно заболел бы. Это был крик погибающего, последняя надежда спастись, за которой, если она не сбылась, наступает худшее смерти успокоение.

"Вот они вернутся, — соображал Давенант. — Когда гнусный отец мой явится к ним, всё станет понятно. Но будет поздно уже. Они поймут, ради чего я скрываюсь и ухожу навсегда, чтобы даже тени сомнения не было у них на мой счет. Каким был, таким и ушел" ".

От Покета до Лисса — 170 миль. Последняя гастроль знаменитостей — 5-го августа. К восьми часам этого дня Давенант должен быть у подъезда театра в Лиссе! До этого срока остается немногим более суток. Денег на проезд по железной дороге нет. Совершенно ясно, что проделать такой путь пешком в течение суток — нет возможности. Но Тиррей отправляется из Покета пешком. Ведь другого выхода нет. Много раз он тщетно умолял проезжавших шоферов остановиться и взять его с собой. Никто не обращал на него внимания. Тиррей пришел в отчаяние. *"Солнце закатывалось, и некоторое время дорога была пуста. Услышав очередной шум позади себя, говорящий о спасительной быстроте, мало сознавая, что делает, и рискуя быть изуродованным или даже убитым, Давенант встал на середине дороги, лицом к машине, и поднял руку. Он не дрогнул, не сдвинулся на дюйм, когда автомобиль остановился против его груди. Он не слышал низменной брани оторопевшего шофера и подошел к дверце экипажа, смотря прямо в лицо трех подвыпивших мужчин, которые разинули рты. Их вопросы и крики Давенант слышал, но не понимал. "Одного прошу, — сказал он толстому человеку в парусиновом пальто и кожаной фуражке. — Ради вашей матери, невесты, жены или детей ваших, возьмите меня с собой в Лисс...*

Без этого я не могу жить". Он говорил тихо, задыхаясь, и так ясно выразил свое состояние, что пассажиры автомобиля в нерешительности переглянулись. "С парнем что-то случилось, — сказал худой человек с помятым лицом. — Его всего дергает..." "

Давенанту разрешают сесть в кабину к шоферу, и он — счастлив. Три часа машина мчится со скоростью 40 миль в час. Проезжают 120 миль и останавливаются, чтобы отдохнуть в маленьком рудничном городке. Тут в ресторане спасители Давенента встречаются со знакомым дельцом, который говорит им, что незачем ехать в Лисс, так как те торги на поставку муки для войск, на которые они спешили, отменены. Хозяева автомобиля решают вернуться в Покет, а Давенанту предстоит совершить остающийся до Лисса путь, пятьдесят миль, пешком.

Очень сильно описано Грином то напряжение всех сил души и тела, которое понадобилось Тиррею, чтобы проделать этот мучительный путь. С одной только короткой передышкой он идет всю ночь и весь последующий день. Наконец город достигнут. Но в этом незнакомом городе надо еще найти театр. Без пяти минут восемь Давенант находит театр. Билетов нет, капельдинеры[294] выталкивают Тиррея на перрон. *"В отчаянии был он почти уверен, что Футроз и дети его уже заняли свои места. Вдруг на скрещении вечерних лучей за темной гривой мелькнули оживленные лица Роэны и Элли. Футроз сидел спиной к Давенанту. "Здравствуйте! Здравствуйте!" — закричал Тиррей, бросаясь с разрывающимся сердцем сквозь толпу, между колес и людей, к миновавшему его экипажу, затем не устоял и упал.*

Как только его глаза закрылись, перед ним встали телеграфные провода с сидящими на них птицами, и потянулись холмы".

Давенант заболел воспалением мозга и был отвезен в больницу. На этом оканчивается первая часть романа.

Поправившись, Давенант уже не решается вернуться в Покет, боится встретиться там с отцом, а чтобы отец вновь не нашел его, меняет свое имя. Назвавшись Джемсом Гравелотом, подросток бродит с фермы на ферму, зарабатывая, где чем может, пока случай вновь не приведет его к счастью. Стомадор, такой же мечтатель, как и Джемс Гравелот, дарит ему свою гостиницу "Суша и море", потому что она дает ему мало дохода.

Хозяином гостиницы мы застаем Джемса Гравелота в начале второй части.

Ранним утром, когда в гостинице остановились отдохнуть владелец мастерской вывесок Баркет и его молоденькая дочь Марта, к

"Суше и морю" подъезжает автомобиль. Сын губернатора Георг Ван-Конет, его собутыльники Сногден и Вейс и возлюбленная Ван-Конета — Лаура Мульдвей, *"из веселого мира холостых женщин"*, приехали с ночной попойки. Требуют вина. Ван-Конет держит себя зло и нагло. Цинично говорит о предстоящей через день его свадьбе с дочерью миллионера — Консуэло Хуарец, на которой он женится из-за денег. И он, и его отец — в долгах. *"Я женюсь,* — рассказывает он, — *на своей обезьянке и залезу в ее защечные мешочки, где спрятаны сокровища"*. Он зло оскорбляет присутствовавшую при разговоре Марту; Гравелот-Давенант вступается за нее и вызывает Ван-Конета на дуэль. Драться с трактирщиком и когда? За день до свадьбы с богатой невестой?! Это невозможно. Гравелота надо устранить. За это берется собутыльник Ван-Конета — Сногден.

Сногден нанимает человека, который подбрасывает Гравелоту контрабанду и в то же время доносит таможенникам о том, что Гравелот будто бы укрывает добычу контрабандистов. Этого никогда не было, но контрабандисты, часто бывавшие в гостинице Гравелота, любили его, а потому, узнав, что таможенники едут арестовать Гравелота, помогают ему бежать. Но их судно попадает под обстрел пограничников. Происходит сражение. Гравелот убивает 16 пограничников, но и сам, тяжело раненный, попадает в плен. Его отправляют в тюремный лазарет. Этого-то и надо было Ван-Конету. Его свадьба с Консуэло благополучно состоялась. Он уплатил долги свои и отца и сохранил связь с Лаурой Мульдвей, обиравшей его. Только первые дни Ван-Конет принуждал себя притворяться влюбленным в свою жену; потом стал держаться сухо и холодно. Молодая женщина страдала от непонятной холодности к ней мужа, но еще не догадывалась обо всей жестокости его души. Неожиданные тяжелые и волнующие события привели ее к пониманию характера мужа и к разрыву с ним.

Давенанта-Гравелота, лежащего в тюремном лазарете, хотят спасти его друзья: контрабандисты и Стомадор, который когда-то подарил ему свою гостиницу. Они устанавливают отношения с тюрьмой; Давенант просит их разыскать в Покете своего бывшего покровителя Орта Галерана и известить его о своем тяжелом положении. Орт Галеран приезжает и принимает участие в попытке освободить Давенанта. Все друзья юноши с героическим самоотвержением роют подкоп к тюремному лазарету; спешат, работая до изнеможения, так как Давенант военным судом приговорен к смерти. Подкоп готов; спасители вошли в лазарет; но тут весь план рушится: Давенант в бреду, нога распухла, у юноши — зара-

жение крови. Вынести же его через очень узкий подкоп невозможно. Давенант, не заботясь о спасении, бредит: *"Должна прийти... одна женщина, узнавшая, что меня утром не будет в живых. Ей сказали. Неужели не лучшее из сердец способно решиться посетить мрачные стены, волнуемые страданием? Это сердце открылось, став на высоту великой милости, зная, что я никогда не испытал любящей руки, опущенной на горячую голову. Как мало! Как много! Неизвестно, как ее зовут, и я не вижу ее лица, но, когда вы уйдете, я увижу его. В этом — всё. Проклят тот, кто не испытал такого привета"*.

Стомадор решает во что бы то ни стало исполнить бредовую мечту умирающего. Бежит по улицам города, обращается к проходящим женщинам, прося их пойти с ним в тюрьму, но они пугаются его возбужденного вида и отказываются. Но вот идет Консуэло. Она возвращается домой с концерта, грустно думая о своих тяжелых отношениях с мужем. Стомадор бросается к ней, умоляя пойти с ним в тюрьму к невинному человеку, осужденному на смерть из-за подлости Ван-Конета. Стомадор не подозревает, что Консуэло — жена Ван-Конета и рассказывает ей про поведение ее мужа. Передает ей и слова Давенанта: *"Обратись к первой женщине, которую встретишь. Если она стара, она будет мне мать, если молода, — станет сестрой, если ребенок, — станет моей дочерью"*.

Консуэло проходит через подкоп к койке Давенанта. Ее появление приводит юношу в восторг. Но и он не подозревает, кто такая Консуэло, и потому на ее вопрос, правда ли то, что рассказал ей про Ван-Конета Стомадор, отвечает: *"В присутствии своей любовницы, приятелей, проезжая с попойки к ничего не подозревающей о его похождениях невесте, о чем похвалялся, публично унижая ее, тут же за столом этот человек захотел оскорбить и грубо оскорбил одну проезжавшую женщину. Немало досталось от него и мне. Я ударил его во имя любви"*. Консуэло рыдает, потом овладевает собой и говорит: *"Я — Консуэло Ван-Конет, жена Георга Ван-Конета, которая вас спасет. Я ухожу. Верьте мне"*.

Возвратясь домой, она говорит мужу обо всём, что узнала про него, и заявляет, что расходится с ним. Но он обязан тотчас же ехать к генералу Фельтону, от которого зависит отменить приговор. Ван-Конет требует денег; Консуэло обещает дать ему чек на большую сумму, как только Давенант будет вне опасности. Ван-Конет едет к генералу, бросается перед ним на колени, признается ему во всем. Давенанта отдают на поруки Консуэло, и она отвозит его в больницу к лучшему хирургу. Но уже поздно, юноша умирает.

После его смерти *"Консуэло дала волю слезам, рыдая громко и безутешно, как ребенок... Она встала, утерла слезы и протянула руку Галерану, но тот привлек ее за плечи, как девочку, и поцеловал в лоб. "Что, милая? — сказал он. — Беззащитно сердце человеческое?! А защищенное — оно лишено света, и мало в нем горячих углей, не хватит даже, чтобы согреть руки. Укрепитесь, уезжайте в Гертон и ждите. Тишина опять явится к вам" "*.

Только внимательно и спокойно перечитав роман и пережив его вместе с автором, я поняла, что хотел выразить Александр Степанович. Он изобразил себя в трех лицах: положительное ег о начало, — А.С.Грин, — выявлено в молодом Тиррее Давенанте и в зрелом Орте Галеране; его отрицательное лицо, — Гриневский, — очень сгущенными красками дано в Ван-Конете. И как я могла подумать, что Александр Степанович вывел себя всецело в Ван-Конете, а меня в Консуэло? Ослепила обида. Много черт Ван-Конета было в Александре Степановиче, но никого он в тюрьму не сажал. Поразило при первом чтении, что Ван-Конет говорит Консуэло: "Я никогда не любил вас". Но ведь мне-то этого он не говорил! Укололо, что, когда Консуэло уходит от мужа, он ночью же звонит своей возлюбленной, радостно извещая ее об уходе жены и прочее. Но разве Ван-Конет знакомится в тюрьме с Консуэло? Нет, в тюрьме находится Давенант, положительное лицо Грина. Это ведь он просит привести к нему женщину, которая станет для него матерью, сестрой или дочерью. Не так ли писал мне и Александр Степанович, уезжая в ссылку? Разница была лишь в том, что вместо "сестры" стояла "жена". Разве Ван-Конет называет Консуэло "Утешением", как называл меня в добрые минуты Александр Степанович? Нет, так называет ее опять же Давенант. А кто утешает Консуэло, когда она должна была уйти от Ван-Конета? Это — Орт Галеран, игрок, мечтатель, одинокий чудак. И как нежно он это делает: *"Что, милая? Беззащитно сердце человеческое?"*

"Дорога никуда" позволяет нам понять и другой рассказ А.С. Грина — "Брак Августа Эсборна".[295] Не знаю, как другим читателям, но мне было совершенно непонятно поведение героя. Автор только рассказывает о нем, но объяснения не дает.

Август Эсборн женится по любви на бедной девушке, гувернантке. Пышно справляют свадьбу, так как Эсборн человек "состоятельный". *"Когда молодые приехали из церкви и вошли в квартиру Эсборна, всем было ясно, что гости и родственники Эсборна присутствуют при начале одного из самых счастливых совместных путей, начинаемых мужчиной и женщиной... Выражение лица*

Алисы Эсборн и ее мужа определило настроение всех — это были две пары блаженных глаз с неудержимой улыбкой своего внутреннего мира". Но дальше мы читаем: *"Когда ужин кончился и гости разъехались, Эсборн подошел к жене, посмотрел ей в глаза и, поцеловав руку, сказал, что выйдет из дому минут на десять для того, чтобы свежий воздух прогнал легкую головную боль"*. Дальше начинается непонятное. Август не возвращается к жене, покидает ее. *"В эту ужасную ночь Алиса похоронила свои мечты, мужа и свежесть ожидания счастливой душевной теплоты. Ее мозг получил сильное сотрясение. Еще два дня она ждала Эсборна, но утром третьего дня в ней как бы оборвался со страшной высоты последний камень, держась за который и изнемогая висела она над внезапной пустотой всего и во всем.*

Она заболела, и ее, согласно ее желанию, перевезли в ее прежнюю комнату, в тот дом, где она служила гувернанткой. Хозяева приняли в ее судьбе исключительное участие... Прошел год, другой. С нею встретился человек, которого тронула ее история, полюбил ее и стал ее мужем".

Тем временем Август Эсборн переехал в отдаленную часть города, занялся другим делом и переменил имя. *"Джон Тернер, заместивший его, вошел в жизнь и жил, как все"*. Этот человек продолжал следить за Алисой, узнавая обо всех подробностях ее жизни через агентов сыска и переживая их с нею. *"Так шло и прошло одиннадцать лет. На двенадцатом году безвестия Эсборн узнал, что Ренгольд* (т. е. муж Алисы. — *В.К.*) *уехал на шесть месяцев в Индию, и у него противу всех душевных запретов стало нарастать желание увидеть Алису"*. Эсборн едет к ней, происходит тягостное свидание. Алиса говорит: *"“Благодарю вас, что вы пришли. Все эти годы... — упав в кресло, она быстро, навзрыд заплакала и договорила, — все годы я думала о самом ужасном. Но не сейчас. Уйдите и напишите, — о! мне так тяжело, Август!“ — “Я уйду, — сказал Эсборн. — Там, в моем дневнике... Я писал каждый день... Может быть, вы поймете...”*

Его сердце не выдержало этой страшной минуты".

На этом кончается рассказ, поразивший меня непонятностью поведения героя; да и конец его показался мне неправдоподобным. В "Дороге никуда" Грин дает объяснение этих иррациональных переживаний.

Франк Давенант, отец Тиррея, объясняет свой уход от жены и сына, которых бросил на произвол судьбы, якобы желанием разбогатеть. Но он говорит так только потому, что подлинного мотива

его ухода шестнадцатилетний Давенант, его сын, не мог бы понять. Этот мотив объясняется автором: *"Франк ушел из болезненного желания доказать самому себе, что м о ж е т уйти. Такое извращение душевной энергии свойственно слабым людям и трусам, подчас отчаянно храбрым от презрения к собственной трусости. Так бросаются в пропасть, так изменяют, так совершаются дикие, роковые шаги. Это самомучительство, не лишенное горькой поэзии слов: "пропавший без вести", — началось у Франка единственно головным путем... Всё же ему пришлось сделать громадное усилие, чтобы решиться уйти с маленьким саквояжем навстречу пустоте и раскаянию, при том единственном утешении, что он может теперь созерцать трагический колорит этого, по существу низкого поступка".*

Подобное "самомучительство" было свойственно до некоторой степени и самому Александру Степановичу.

Два лика Александра Степановича

Существует один рассказ, в котором с потрясающей силой и искренностью Грин дает ключ к тому, как он понимал себя, и как мы должны его понимать. Это рассказ "Безногий"[296] (или в другом издании — "Калека"[297]). Напомним его читателям.

Человек не любит зеркал вообще и особенно зеркал на улице. Проходя мимо одного из таких уличных зеркал, герой рассказа оглянулся на него только потому, что какая-то женщина сказала: "Смотри, калека, дай ему что-нибудь".

Оглянувшись, герой рассказа увидел, действительно, безногого молодого человека, просившего милостыню. Он сидел в тележке-ящике, и его палки лежали рядом.

"Я не люблю калек, — заявляет герой, — *из чувства решительного, несколько раздраженного сопротивления, возбуждаемого этими переделанными, заштопанными телами, заставляющими вводить в спокойный и свежий свой мир вид несчастья уродливого, — увы, мы ищем гармонии даже в лохмотьях, картинности — в отравленной угаром мансарде... При виде калеки я делаюсь замкнут, любопытен и холоден. Я был таким и теперь, когда, не желая смущать несчастного, изучал его в зеркале... Калека был мне неприятен и жалок, но я не мог отойти от зеркала, рассматривая его с живейшим и ненасытным интересом..."*

Но вот сзади героя проходит женщина, вид которой заставляет его вспомнить, как семь месяцев назад он бывал у нее и у ее сестры: *"Я поднимался в четвертый этаж, где мне открывали дверь,*

зная, как я звоню, две сестры, — младшая, держа старшую за талию и выглядывая из-за нее с шутливым вопросом: "Чего-с?" Старшая смущалась, но не особенно; есть род приветливого смущения, действующего взаимно, и я, смущаясь сам, радовался тому. Что же разлучило нас?"

Разлучил, очевидно, какой-то дурной поступок, совершенный рассказчиком, такой, что он не хочет сознаться в нем ни себе, ни читателям. Вероятно даже, что скверну своего поступка герой не осознавал до встречи с этой, промелькнувшей мимо него, женщиной и только тут понял всё его безобразие. Иначе нельзя понять продолжения его рассказа: *"Я стоял, пытаясь что-то понять, но мысли так разбегались, что я сам — глухое отражение зеркала и звонкий оригинал — улица сзади меня, — всё спуталось в сеть, и беглый, глубокий трепет ошеломления, вызвал, наконец, эту ужасную кристаллизацию, от которой перехватило в горле".*

За этим раздается крик подлинного отчаяния: "*Так! Это я смотрю на себя, я, забыв, что со мной; у меня нет ног, палки лежат рядом, и прохожие, втянув голову в плечи, посматривают на меня сверху вниз, иногда бросая бумажку... Где же мое сокровище, белое тело мое, м о и ноги, которыми всходил я на четвертый этаж, — смущаться, смотря в глаза? Я отвел взгляд от зеркала.*

С рыданьем, с злым воем, не удерживаясь, а торжествуя и плача, я — безнаказанный, безногий, погибший, я, в котором всегда два, — беру свои палки.

О проклятое зеркало! Бей его, я бью — раз! И лохмотья стекла остро сверкают на пустом дереве. Невероятно смешно смотреть на это со стороны.

Но мне теперь всё равно. В с ё равно".

Я могу, конечно, ошибаться, но мне кажется, что этот небольшой рассказ — самое сильное произведение Грина. В нем нет выдуманных благородных героев, но зато в этом рассказе он с огромной силой и с великой мукой выразил трагедию самого себя.

Трагедия Александра Степановича заключалась в том, что он был нацело расколотый человек: "Я, в котором всегда два". Поразительно то, как он сам это понимал и как от этого понимания страдал. Эти "два", жившие в нем, были удивительно различны. Я бы совершенно не могла понять, как эти два лица уживаются друг с другом, если бы, помимо той нежности, о которой я говорила выше, не было бы в Александре Степановиче еще одной характерной и благородной черты: чувством ли, умом ли, не знаю, но он безошибочно знал, где добро и где зло. Совершенно невозможно

допустить, чтобы Грин не понимал, как по совести надо поступить в том или ином случае. Об этом я могу судить по тому, как строго судил он других. Малейшая фальшь, злоба, какая-либо подлая черта были ему не только видны, но и отвратительны. Вот эта-то черта: любовь к чистоте, к правде, мужеству, великодушию и делали Александра Степановича тем Грином, который так мил читателям.

И в область своего творчества творец Грин не допускал своего двойника, Гриневского, не допускал никакого загрязнения. Область творчества всегда оставалась нетронуто чистой и осталась бы такой, сколько бы лет еще ни прожил Грин, сколько бы вещей он ни написал.

Иллюстрацию того, как может ценить всё чистое и мужественное даже совсем падший человек, Грин дает в своем прекрасном рассказе "Наивный Туссалето".[298]

Существуют у Грина еще другие произведения на тему душевной раздвоенности, например: "Больная душа"[299], "Арвентур" (глава из рассказа "Наследство Пик-Мика")[300], "Искатель приключений".

В рассказе "Больная душа" самого Грина нет. Действие происходит где-то в тропическом лесу, в отряде пограничников. Офицер, совершенно нормальный днем, по ночам систематически душит своих же часовых. Его выслеживает другой офицер и убивает.

"Арвентур" ближе всего к "Безногому", только без того трагического самобичевания, которым проникнут "Безногий". "Арвентур" можно назвать стихотворением в прозе. Его надо цитировать почти целиком, лишь с пропусками. Позволяю себе это потому, что редко встречала людей, помнящих это произведение. Рассказ начинается словами: *"Это было в то время, когда у человека начинает отцветать сердце, и он мечется по земле, полный смутных видений, музыки горя и ужаса. Тот день запомнить нетрудно, в моей памяти нет дней страшнее и блаженней его, долгого дня тоски...*

Пиво согревалось в стакане раньше, чем выпивалось; все было отвратительно. Тоска терзала, улицы наводили зевоту, люди — апатию; сидя на запыленной скамейке, я рассеянно провожал глазами их механические фигуры... Мысли прыгали, как мальчишки, играющие в чехарду. И вдруг — звонким, далеким возгласом вспыхнуло это роковое, преследующее меня слово: "Арвентур". Я повторил его, разделяя слоги: " Ар-вен-тур. Ар-вен-тур".

Оно остановилось, засело в мозгу, приковало к себе внимание. Оно звучало приятно и немного таинственно, в нем слышалось спокойное обещание. Арвентур — это всё равно, как если бы кто-нибудь по-

смотрел на вас синими ласковыми глазами. Несколько раз подряд, беззвучно шевеля губами, я повторил эти восемь букв. В звуке их был печальный зов, торжественное напоминание, сила и нежность; бесконечное утешение, отделенное пропастью. Я был бессилен понять его и мучился, пораженный грустью. Арвентур! Оно не могло быть именем человека. Я с негодованием отверг эту мысль. Но что же это? И где?

...Арвентур! Слово это притягивало меня. Оно, как нечто живое, существовало вне мысли... В самом звуке слова было нечто, не позволяющее сомневаться в его праве на существование. Арвентур!

...Взволнованный, я напряженно твердил это слово. Какой далекой, полной радостью веяло от него! Чужие страны развертывались перед глазами. Смуглые, смеющиеся люди проходили в моем воображении, указывая на горизонт холмов.

"Арвентур, — говорили они. — Там Арвентур".

...Как мог я годами в сокровеннейших кладовых души выносить это неотразимое слово радости и быть чужим ему?"

Потом рассказчик идет в гости. Сосед начинает с героем разговор, который раздражает того. Герой оскорбляет соседа. Его выводят. Смутное воспоминание о раздвигаемых стульях, возгласы сожаления — вот и всё.

"Я вышел. В передней мне дали шляпу. Легкий, спокойный воздух ночной улицы кружил голову. Слезы душили меня, не принося облегчения. Арвентур! Пусти меня в свои стены, хрустальный замок радости, Арвентур!

...Я не мог двинуться с места; обхватив руками фонарный столб, я плакал от невыразимой тоски. Я боялся думать, страшился оскорбить плоским, ограниченным представлением нетленную красоту слова. Одну роскошь позволил я себе: цепь синих холмов, вершины их дымились, как жертвенники.

"Там Арвентур!" — твердил я..."

Так в одном лице уживаются возвышенный художник слова и самый пошлый скандалист.

"Арвентур" заставляет вспомнить о том поклонении, какое питал Александр Степанович в годы написания рассказа к Эдгару По. В то время он называл этого писателя гением.

У Эдгара По есть рассказ, озаглавленный "Могущество слов".[301] Рассказ этот, вероятно, и навеял Грину тему "Арвентура". Но разница между этими произведениями в том, что рассказ Эдгара По полон мистического содержания, а произведение Александра Грина отнюдь не мистично; его "Арвентур" на земном шаре.

Другим рассказом, в котором Грин частично раскрывает и себя, и свою раздвоенность даже в творчестве, является "Искатель приключений".

Аммон Кут, вернувшись из далекого путешествия, останавливается погостить у директора акционерного общества Тонара. "Тонар любил всё определенное, безусловное, яркое: например, деньги и молоко". Тонар и Кут говорят об интересных людях. Тонар сообщает: *"Я знаю человека идеально прекрасной нормальной жизни, вполне благовоспитанного, чудных принципов, живущего здоровой атмосферой сельского труда и природы. Кстати, это мой идеал. Но я человек не цельный. Посмотрел бы ты на него, Аммон! Его жизнь по сравнению с твоей — сочное, красное яблоко перед прогнившим бананом.*

— Покажи мне это чудовище! — вскричал Аммон. — Ради Бога! Сделай одолжение. Он нашего круга.

Аммон смеялся, стараясь представить себе спокойную и здоровую жизнь. Взбалмошный, горячий, резкий — он издали тянулся (временами) к т а к о м у существованию, но только воображением; однообразие убивало его. В изложении Тонара было столько вкусного мысленного причмокивания, что Аммон заинтересовался".

Человека "идеально прекрасной нормальной жизни" звали Доггером. Тонар дает Аммону Куту рекомендательное письмо, и Аммон едет к Доггеру в имение, находящееся в окрестностях прекрасного гриновского города Лилиана. Красивый, "несокрушимый здоровяк" Доггер очень понравился Аммону Куту. Такой же здоровой, красивой и веселой оказалась и жена Доггера — Эльма. И все-таки Аммон Кут, идя с хозяином осматривать его имение, думает: "Не верю Доггеру".

Они любуются птичником и великолепными, могучими коровами; Доггер сам доит корову и угощает Аммона превосходным молоком. Кут говорит: *"Вы нашли простую мудрость жизни". "Да", — кивнул Доггер. "Вы очень счастливы?" "Да", — кивнул Доггер. "Я не могу ошибиться?" — "Нет".*

...*"Смешно,* — сказал он — *смешно хвастаться, но я действительно живу в светлом покое".*

За завтраком Доггер уверяет Кута, что не любит музыки и не выносит живописи. *"Я чувствую отвращение к искусству. У меня душа — как это говорится — мещанина. В политике я стою за порядок, в любви — за постоянство, в обществе — за незаметный полезный труд. А вообще в личной жизни — за трудолюбие, честность, долг, спокойствие и умеренное самолюбие... Доггер являл со-*

бой редкий экземпляр человека, создавшего особый мир несокрушимой нормальности".

Таковы впечатления, полученные Аммоном Кутом от Доггера днем. Однако ночью Кут убеждается, что его подозрения относительно его уравновешенного и нормального во всех отношениях хозяина справедливы. Он заметил, что Доггер зачем-то ночью прокрался на чердак. Дождавшись, когда хозяин спустился вниз, в свои комнаты, Кут прокрадывается на чердак, озаряет его свечой и с изумлением видит, что оказался в мастерской великого художника.

Перед ним — три картины огромной выразительности. На одной из них женщина стоит спиной к зрителю, готовая вот-вот обернуться к нему. На двух других она уже обернулась. Какова же она? *"Всю материнскую нежность, всю ласку женщины вложил художник в это лицо. Огонь чистой, горделивой молодости сверкал в нежных, но твердых глазах; диадемой казался над тонкими, ясными ее бровями бронзовый шелк волос; благородных юношеских очертаний рот дышал умом и любовью. Стоя вполоборота, но открыто повернув всё лицо, сверкала она молодой силой жизни и волнующей, как сон в страстных слезах радости".* Эта женщина, как видно из дальнейшего изложения, изображает Ложь Жизни.

Третья картина Доггера пугает Аммона Кута. *"В том же повороте стояла перед Аммоном обернувшаяся на ходу женщина, но лицо ее непостижимо преобразилось, а между тем до последней черты было тем, на которое только что смотрел Кут. Страшно, с непостижимой яркостью встретились с его глазами хихикающие глаза изображения. Ближе, чем ранее, глядели они мрачно и глухо; иначе блеснули зрачки; рот, с выражением зловещим и подлым, готов был просиять омерзительной улыбкой безумия, а красота чудного лица стала отвратительной; свирепым, жадным огнем дышало оно, готовое душить, сосать кровь; вожделение гада и страсти демона озаряли его гнусный овал, полный взволнованного сладострастия, мрака и бешенства".* Это страшное существо олицетворяло в себе Зло Жизни.

На столе Аммон Кут нашел папку с рисунками. Он начал рассматривать их с жутким любопытством. *"Он видел стаи воронов, летевших над полями роз; холмы, усеянные, как травой, зажженными электрическими лампочками; реку, запруженную зелеными трупами; сплетение волосатых рук, сжимавших окровавленные ножи; кабачок, битком набитый пьяными рыбами и омарами; сад, где росли, пуская могучие корни, виселицы с казненными; огромные языки казненных висели до земли, и на них раскачивались, хохоча, дети; мертвецов, читающих в могилах при свете гнилушек пожелтевшие*

фолианты; бассейн, полный бородатых женщин; сцены разврата, пиршество людоедов, свежующих толстяка; тут же, из котла, подвешенного к очагу, торчала рука; одна за другой проходили перед ним фигуры умопомрачительные, с красными усами, синими шевелюрами, одноглазые, трехглазые, и слепые; кто ел змею, кто играл в кости с тигром, кто плакал, и из глаз его падали золотые украшения; почти все рисунки были осыпаны по костюмам изображений золотыми блестками и исполнены тщательно, как выполняется вообще всякая любимая работа".

Доггер застает Аммона в своей мастерской и приходит в негодование. Скоро негодование это превращается в ужас перед тем, что Аммон разгласит его тайну; Доггер умоляет дерзкого гостя не выдавать этой тайны. Аммон обещает Доггеру молчать о том, что видел в его мастерской, но хозяин все-таки вынуждает его уехать в ту же ночь.

Доггер умирает рано, преждевременно. Перед смертью он вызывает к себе Кута и рассказывает ему о себе и о своем искусстве. Он говорит: *"Мне выпало печальное счастье изобразить Жизнь, разделив то, что неразделимо по существу. Это было труднее, чем, смешав воз зерна с возом мака, разобрать смешанное по зернышку, мак и зерно — отдельно. Но я сделал это, и вы, Аммон, видели два лица Жизни, каждое в полном блеске могущества. Совершив этот грех, я почувствовал, что неудержимо, всем телом, помыслами и снами тянет меня к т ь м е; я видел перед собой полное ее воплощение... и не устоял. Как я тогда жил — я знаю, больше никто. Но это было мрачное, больное существование — плен и ужас!*

То, чем я окружил себя теперь: природа, сельский труд, воздух, растительное благополучие, — это, Аммон, не что иное, как поспешное бегство от самого себя. Я не мог показать людям своих ужасных картин, так как они превознесли бы меня, и я, понукаемый тщеславием, употребил бы свое искусство согласно наклону души — в сторону зла, а это несло гибель мне первому; все темные инстинкты души толкали меня к злому искусству и злой жизни. Как видите, я честно уничтожил в доме всякий соблазн: нет картин, рисунков и статуэток... Но дьявольское лицо жизни временами соблазняло меня, я запирался и уходил в свои фантазии — рисунки, пьянея от кошмарного бреда..."

Доггер сжег и папку с кошмарными рисунками и две картины, изображавшие Ложь и Зло Жизни, но третью, ту, на которой лица женщины еще не видно, Доггер просит Аммона Кута после его смерти отправить на выставку. Кут обещает это сделать, горестно

думая: *"Сгорел, сгорел человек, — слишком непосильное бремя обрушила на него судьба. Но скоро будет покой..."*

Про свое существование в то время, когда, разделив два лица Жизни — Зло и Ложь, Доггера потянуло к тьме, и он не устоял, он рассказывает: *"Как я тогда жил, я знаю, больше никто. Но это было мрачное, больное существование и ужас!"*

Эти слова, несомненно, — исповедь Грина перед самим собою. Об этой стороне его жизни я могу только догадываться и то только понаслышке. "Поспешное бегство от самого себя" — тоже личное. Таким бегством был переезд Александра Степановича в Крым.

"Я уходил в свои фантазии — рисунки, пьянея от кошмарного бреда". С чем можно сравнить в творчестве Грина кошмарные рисунки Доггера? Ответом на это могут послужить такие его рассказы как "Окно в лесу"[302], "Волшебное безобразие"[303], "Новый цирк"[304] и некоторые другие. Подобные рассказы тягостно читать. В первом из них охотник истязает раненую птицу. Человек, наблюдавший за этим занятием, убивает его.

Во втором рассказе "Волшебное безобразие" омерзительно жестокая женщина как бы завораживает старика-рассыльного, и он приносит ей клетки с певчими птицами. Злодейка сжигает пленниц, наслаждаясь муками своих невинных жертв.

В третьем рассказе "Новый цирк" героя рассказа нанимают в "Цирк Пресыщенных". *"Инструменты оркестра заинтересовали меня: тут были судки, подносы, самоварные трубы, живая ворона, которую дергали за ногу (чтобы кричала), роль барабана исполнял толстяк, бивший себя бутылкой по животу"*.

На арену выбегают люди, таща за собой собаку, клячу-одра[305] и сидевшего на одре верхом деревенского парня в лаптях.

"Вот, — сказал патрон[306], указывая на перепуганную собаку, — недрессированная собака". Раздались аплодисменты. "Собака эта, — продолжал патрон, — замечательна тем, что она не дрессирована. Это простая собака. Если ее отпустить, она сейчас же убежит вон". — "Бесподобно!", — сказал пшют[307] из ближайшей ложи..."

В таком же роде описывается представление и дальше. Самого рассказчика выводят на арену затем, чтобы дергать его за волосы. Каждый раз, как его дернут, он должен кричать: "Горе мне, горе!" Он кричит это тем естественнее, что наниматель чуть не выдергивает ему волосы. *"Публика неистовствовала. Гром одобрения заглушил мой жалобный вопль. Опасаясь, что Пигуа подаст больше советов, чем у меня на голове волос* (Пигуа, хозяин цирка, в это время преподносил публике злые и циничные советы относительно люб-

ви, жизни и смерти. — *В.К.*), *я вырвался, сшиб с патрона цилиндр, и уже осматривался, в какую сторону удирать, как вдруг раздались крики: "Пожар! Спасайтесь! Горим!", — и началось невообразимое"*. Рассказ кончается словами: *"Цирк сгорел быстро, как соломенный. Сгорел. Мертвые срама не имут"*.

Чем подобные рассказы отличаются от рисунков, которые, "пьянея от кошмарного бреда", создавал, а затем сжег Доггер? Но таких рассказов у Грина немного. Ничего из своих произведений он не сжигал, и, может быть, мотив сожжения своих произведений навеян на него одним из его любимых русских писателей — Гоголем. Бороться с собой в разных направлениях Грин пробовал многократно и желание писать бредовые рассказы — поборол.

Мне нередко приходилось слышать следующие, противоположные по тону и смыслу вопросы.

Люди, знавшие только книги Грина, его творческое лицо, спрашивали: "Скажите, "Возвращенный ад" имеет автобиографическое значение?" — "До некоторой степени — да". — "Как очарователен герой рассказа — Галиен Марк". — "Да, очень интересное лицо". И за этой оценкой чувствовался невысказанный вопрос: "Как же вы могли расстаться с таким замечательным человеком?"

Люди же, хорошо знавшие Грина в быту, с едва прикрытой усмешкой спрашивали: "Неужели это правда, что вы были женой Грина?" Получив утвердительный ответ, изумлялись: "Да как вы могли с ним жить?" И в таких случаях следовали разные, но одинаково жестокие характеристики Александра Степановича.

Я не берусь разобраться в чрезвычайно сложном характере Грина. Прибавлю только, что люди, знавшие его только по книгам, и принимавшие за одного из его благородных героев, за Грэя, Галиена Марка и т. д., так же, как и те, кто сталкивался с Александром Степановичем в жизни и отзывался о нем так отрицательно и зло, что приходилось смущаться, были одинаково неправы, так как знали только один из его ликов. А между тем Грин и Гриневский жили в нем нераздельно и неслиянно.

Если каждого из нас можно изобразить в виде ткани, в которой белая и красная нити замысловато, но довольно равномерно переплетены, то Александра Степановича следовало бы изобразить в виде двух полотнищ — красного и белого, только изредка перекрывающихся или вклинивающихся друг в друга.

Раздел второй

АВТОБИОГРАФИЯ. МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ

Автобиография Калицкой Веры Павловны

Я родилась в Петербурге 9-го апреля 1882 года. Отец мой, Павел Егорович Абрамов, был чиновником Государственного Контроля, где служил до дня своей смерти; умер в 1913 году. Мать моя, Ольга Николаевна, урожденная Лазарева, происходила из дворян Симбирской губернии; недвижимой собственности не имела. Умерла в 1887 году.

Я окончила Литейную женскую гимназию в Петербурге в 1898 году с золотой медалью. В том же году осенью поступила на физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов.[308] Окончила их по разделу химии в 1902 году. В том же году поступила в Женский медицинский институт.[309] Пробыв там два года, я покинула институт.

В годы 1904–1907 преподавала в Смоленских классах для рабочих Технического общества, в Никольском женском училище и в гимназии Песковской.

В годы 1905–1906 работала в подпольной организации "Красный крест". Эта организация обслуживала политических заключенных и ссыльных без различия партий. Во время этой работы я познакомилась с заключенным А.С.Гриневским. Вскоре он был сослан в Тобольскую губернию, бежал оттуда и стал жить в Петербурге нелегально. Осенью 1906 года он напечатал свой первый рассказ, а затем стал постоянно печататься под псевдонимом "А.С.Грин".

Осенью 1907 года я поступила в качестве химика-аналитика в лабораторию Геологического Комитета[310] и проработала там до осени 1910 года. Осенью этого года А.С.Гриневский был арестован и приговорен к ссылке в Архангельскую губернию. Перед высылкой

мы с ним обвенчались, и я поехала с ним в ссылку. В Архангельской губернии мы пробыли два года.

Вернувшись в Петербург, я работала сначала в качестве сотрудника, а потом как член редакции в журнале "Что и как читать детям".

Осенью 1913 года мы разошлись с А.С.Гриневским.

Осенью 1914 года я вновь поступила в лабораторию Геологического Комитета, где работала до 1922 года.

С осени 1919 до лета 1920 года была в командировке с геологом К.П.Калицким во время его геологических работ в Казанской, Уфимской, Симбирской и Самарской губерниях.

В 1920 году вышла за К.П.Калицкого замуж.

Начиная с 1923 года я побывала в командировках с К.П.Калицким в Дагестане, в Грозненском нефтеносном районе, в Фергане, в Баку.

С К.П.Калицким я прожила до его смерти, которая последовала 28-го декабря 1941 года во время блокады Ленинграда от крупозного воспаления легких.

После смерти мужа я была принята на службу во Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт. Вместе с институтом была эвакуирована 21 июня 1942 года в Куйбышев, где пробыла до лета 1944 года, когда нас вернули в Ленинград.

В течение 1945 года я не служила из-за плохого состояния здоровья. Вновь поступила на работу в ВНИГРИ в январе 1946 года, где и работаю до настоящего времени в качестве переводчицы, на дому. Являюсь членом профсоюза работников печати.

С 1933 года состою на учете Горкома Писателей.

22.VI.1950 г. В.Калицкая

Нежность к животным. Из воспоминаний о К.П.Калицком

Яшка

Многие любят животных, но по-разному. Одни заведут себе кошку или собаку, покормят и попоят их, когда вспомнят или когда придется, тем дело и кончится. Подлинные же любители животных относятся к своим питомцам с той заботливостью и нежностью, с какими родители опекают своих детей. К этой второй категории

любителей животных относился и Казимир Петрович. В письме к жене 1 августа 1935 года он писал: "...я свой дом люблю и нигде не чувствую себя так хорошо, как дома... Мне что нужно. Чтобы у меня был дом, логово, где я окружен людьми и животными, которые ко мне относятся так же хорошо, как я к ним".

Где бы ни жил Казимир Петрович, всегда находились звери или птицы, которых можно было приручить, подкормить. Первым таким любимцем был у него в Ломотовке грач Яшка. Он гнездился в саду, около дома, в котором жил Казимир Петрович. Возвращаясь домой с работы, Калицкий справлялся у сторожа, который обслуживал его, есть ли еда для Яшки. Пищу грача составляли или мелко нарубленное мясо, или накопанные сторожем черви. Казимир Петрович брал приготовленную еду и кричал:

— Яшка, Яшка!

Грач прилетал и садился ему на плечо. Раскрывал клюв, а Казимир Петрович совал ему в пасть червей или кусочки мяса. Если он знал, что до ночи не вернется домой, то поручал сторожу кормить птицу.

Грач прожил в саду, около Казимира Петровича, всё лето, а осенью улетел со своими родичами в теплые края.

Ворона

Помня рассказы Казимира Петровича о Яшке, жена решилась попробовать завести дома птицу. Опыт вышел удачным. Казимир Петрович был в командировке. Незадолго до его возвращения, жена купила ворону, у которой мальчишки обрезали хвост и крылья. Птица была совершенно беспомощна.

Какого пола был Гарька, Казимир Петрович определить не мог. Он говорил, что у ворон самец и самка по внешности не различимы, и только в период высиживания яиц, по тому, как сядет на яйца, определится пол. Без уговора Казимир Петрович и его жена стали говорить: "он", "Гарька".

Когда весной Гарька начал задавать концерты, исполняя своеобразную песню из четырех колен, Казимир Петрович думал, что Гарька — самец и поет свою любовную песню. А когда Гарька тормошился в клетке или в ящике с опилками, хлопоча и что-то устраивая, он решил, что Гарька — самка и строит гнездо. Так вопрос о поле Гарьки и остался открытым.

— Нехорошо, — сказал Казимир Петрович жене, — Гарька такая большая птица, а сидит в клетке. Тоскливо ему. Отнесем его в кухню и там выпустим.

Так и сделали. Только на ночь запирали в клетку и закрывали темной тряпкой, а днем Гарька свободно разгуливал по кухне. Хлопот с ним было много. Птицу ведь в уборную ходить не приучишь, вот и надо было убирать за ним. И ничего нельзя было оставлять у Гарьки на виду: подбежит к забытой на столе ложке и чашке и — швырк ее на пол. А потом спрыгнет сам и потащит сброшенную вещь в ящик с опилками — прятать. Ну, конечно, бьющиеся вещи крушились. Уходя из кухни, надо было всё прятать. Но проказы и выдумки Гарьки так развлекали и радовали Казимира Петровича, что с маленькими неудобствами, которые они причиняли, надо было мириться.

Пришли Калицкие откуда-то домой; надо ставить самовар, а нельзя: на кране нет медной перекладины, которая позволяет открыть воду. Гарька же с тревогой скачет около ящика с опилками. Ага, значит, это он спрятал новое сокровище в опилки, а теперь боится, что мы найдем его. Казимир Петрович начинает шарить в опилках и, конечно, находит медную палочку на дне ящика.

— Ну и умен, — с восторгом говорит он — ведь додумался же, как снять перекладинку!

Когда обедали, Гарька воровским образом пробирался в столовую, вскакивал на стул, со стула на плечо Казимира Петровича или его жены. Ждал, когда его приласкают и покормят. Однажды он ел жареное мясо, которое маленькими кусочками подавал ему Калицкий. Должно быть, наелся до отвала, потому что следующий кусочек взял в клюв и сунул в ухо Казимиру Петровичу. Тот вздрогнул, схватился за ухо, вытащил горячий кусочек, но даже не согнал Гарьку с плеча, а только сказал:

— Ну и выдумщик!

В другой раз Гарька, сидя на плече у хозяйки, заинтересовался, по-видимому, тем, как систематически при моргании двигается веко. И решил попробовать — схватил клювом веко. Казимир Петрович закричал:

— Сиди смирно, не шевелись, я сейчас сниму его!

Но испуг был напрасный. Гарька осторожно, нежно подержал в клюве складочку века и выпустил, не причинив ни веку, ни глазу никакого вреда.

— Подумай, — опять с восхищением сказал Казимир Петрович — как эта птица умна и деликатна!

Когда Калицкие жили на даче, то старались уезжать в город порознь, так как Гарька не любил оставаться один. В таких случаях он начинал неистово орать, и неприятно было думать, что соседи

страдают от этого. Но иногда всё же приходилось уезжать, не дождавшись друг друга. В таких случаях Калицкий оставлял жене записки. Однажды он написал: "Птичка сегодня обаятельна. Когда я приходил прощаться перед отъездом, она подошла от окна вся распушеная и с отвисшими крылышками и долго давала себя ласкать и под крылышками, и по головке".

Вернувшись однажды из города, жена наткнулась на такую картину: Казимир Петрович держал за уголок развернутую газету и, бегая по комнате от стены к стене, волочил газету за собой по полу, а Гарька стоял на ней и, крича во всё горло, клевал бумагу. Трудно было определить, кому эта возня доставляет большее удовольствие: седовласому профессору или молодой птице.

Другая игра еще больше забавляла Калицкого. Он заметил изумление Гарьки, когда при нем выдвинул спичечную коробку и, вынув спичку, снова вдвинул ее во внешнюю оболочку. Гарька сейчас же попытался сделать то же самое. Вытащил коробку, растаскал спички, а вдвинуть коробку обратно не может. Так появилась новая игра: Гарька вытащит коробку, а Казимир Петрович вдвинет ее обратно, Гарька опять вытащит, и так далее. И Калицкий терпеливо, помногу раз, проделывал эту процедуру.

В другой записке Казимир Петрович написал: "Гаря качался, зацепившись клювом за скатерть, упал. Подозвал меня криком. Лежал беспомощно на спине, лапками кверху. Бережно поднял, опасаясь, не сломал ли он себе позвоночник. Оказалось — здоров. Играли во все наши обычные игры. Заметив меня в погоне за коробкой из-под папирос, отдал мне ее наконец и сделал две уреньки. (Обычная благодарность за хорошо проведенную игру. Когда Гарька был доволен человеком, он особенным образом, кольцом, изгибал шею и глубоким, грудным звуком произносил: "у-у-у-ур" — это Казимир Петрович и называл "уренькой"). Много ласкался, сидя на спинке стула, подзывал меня много раз. Подсаживался к нему, ласкал его. Вытащил из кармана моих брюк бумажку, и только что мы собрались поднять с ним возню, как загремела ведрами Катя. Он прислушался, повернулся и пошел в кухню — и прямо в клетку, захватив с собой и бумажку. Первый раз, что он уходит в клетку из-за Кати. Очаровательная птичка... Но потом Гаря очень сердился, что сам влопался впросак. Топал и стучал в присутствии Кати на кухне".

Весной Казимир Петрович уехал в командировку в Челекен. С дороги он писал: "Чем дальше к югу, тем трава зеленее. Грачи и гарьки сидят все мокрые на деревьях... Ведет ли себя Гаря как

следует..." — "Думал о вас с Гаренькой, как-то вы там живете?.. Приласкай лишний раз Гареньку".

А на Челекене он беспокоится: "Узнает ли меня Гаря. Я сильно загорел". Беспокойство было напрасное. Когда Казимир Петрович вернулся на дачу, Гаря, увидев его, сначала замер, потом громко и радостно произнес: "ур, ур, ур" и побежал к нему. Тут он подставил голову и беспомощно опустил крылья: ласкай его! Казимир Петрович был в восторге: узнал, сразу узнал и так очевидно обрадовался! Об этой встрече с любимой птицей он потом неоднократно рассказывал знакомым.

Когда хвост и крылья у Гарьки отросли, решено было отпустить его на волю. Отвезли его в глубь Павловского парка и там выпустили. Хотя дать птице свободу решил сам Казимир Петрович, однако он очень грустил, возвратясь домой. Сказал жене: "Как тяжело будет видеть Гарькину клетку пустой!"

Как только, вернувшись к себе, Казимир Петрович ушел в кабинет, жена попросила женщину, у которой купила клетку, взять ее обратно, и обе женщины поспешно вынесли клетку из квартиры.

Кот

Барса принесла в квартиру Калицких одинокая женщина Елизавета Трофимовна, жившая на одной лестнице с ними. У нее уже приютилось несколько кошек больных или старых, и ей было не под силу брать себе нового нахлебника. Прежние хозяева Барса куда-то уехали, и кот остался беспризорным. Казимир Петрович едва согласился на предложение Елизаветы Трофимовны принять кота, но не прошло и недели, как Барс овладел им.

Кот был довольно красив. Он был полукровка, помесь обыкновенного кота с сибирским. Длинношерстый, хотя и неравномерно, с пушистым хвостом и торчащими баками, дымчатый, с коротким носиком и большими глазами. Нравилась Казимиру Петровичу и его походка — грациозная и важная. Когда при гостях Барс входил в столовую и кто-нибудь начинал его хвалить, Калицкий не мог скрыть своего удовольствия и присоединялся к похвалам.

Нравился Барс ему и своим мужеством. Он с восторгом рассказывал: "Вышел я на двор позвать Барса домой. Ты знаешь, как он послушен. Крикнешь: "Барс, Барс", и он — где бы ни был, выйдет и напрямик пойдет ко мне. Вот и сегодня: вылез из подвала в противоположном углу двора и идет по диагонали к нашему крыльцу. А тут кто-то вышел с собакой доберманом на цепи. Пес ярится на кота, рвется с цепи, лает, а Барс — будто не видит и не слышит.

Идет медленно, ни на шаг не отступая в сторону, так и прошел чуть не под носом у добермана".

Но больше всего хвалил Казимир Петрович Барса за кротость и ласковость.

Как-то раз с умилением рассказал: "Окончил я большой чертеж и пошел в ЦНИГРИ, а чертеж, конечно, оставил на столе. Прихожу и вижу: на моем чертеже — большая лужа. Чертеж испорчен, надо всё дело начинать снова. Ну, думаю, кот слишком умен, чтобы не понимать, что чертеж — не опилки. Это он нарочно созорничал. Спустить такое хулиганство невозможно. Взял ремень, притащил кота к сделанной им луже, ткнул носом и несколько раз ударил его ремнем плашмя. Кот куда-то запрятался. Теперь, думаю, наша ссора надолго. И, представь, прошло совсем немного времени, как Барс является и сам ищет примирения: ласкается и мурлычет! Ну, что за прекрасный характер!"

В письме 5 июня 1934 года, вскоре после получения звания доктора геологических наук, Калицкий писал жене: "Барсу, который теперь называется котом доктора геологических наук, покупаю тайком от Маши колбасу. Надоела ему рыба... Барс совершенно победил Машу. Она таскает его на руках и ласкает его, чем я, конечно, доволен: я — свободнее".

Я не сомневаюсь в том, что никто из людей не смог бы деспотически распоряжаться Казимиром Петровичем. Если бы это даже и случилось, то только на короткое время, а дальше он непременно сбросил бы с себя тяготившее его иго. Но Барс его порабощал. Как-то жена спросила Казимира Петровича, как ему спалось.

— Спалось бы ничего, да вот только лежать было неудобно.

— Почему?

— Да Барс лег посредине дивана и раскинулся, а мне поэтому пришлось лежать на краю.

Потревожить кота Казимир Петрович не решился.

Жена уезжала лечиться. Незадолго до ее возвращения, Калицкий написал: "Кот всю ночь проспал на твоем туалетном столике. Это первая ночь, что он мне изменил. Думаю, что он тебя поджидает. По-видимому, кот чувствует себя хорошо, ласков, послушен, деликатен..."

Это последнее свойство Барса привело Казимира Петровича к неожиданной характеристике его кота: "Нашел у букиниста, — писал он 5 июня 1934 года, — роман Ф.Бёрнетт "Маленький лорд Фаунтлерой" и прочел, не отрываясь, эту восхитительную книжку... Барс мне кажется маленьким кошачьим лордом Фаунтлероем".

Мужественная ящерица

В письме с Челекена 26 мая 1927 года Казимир Петрович сообщает: "С наступлением жарких дней появились фриноцефалы, довольно крупные, длиной с четверть. Мужественные ящерицы, которые, при преследовании их, оборачиваются, сипят, раскрывают пасть с налитыми боковыми придатками и наскакивают на тебя. Я прежде не раз давал им кусать большой палец, выступала капелька крови, и дело кончалось незначительной болью, как после укола булавкой. Нынче я нарвался на очень свирепую зверушку и по глупости предоставил ей маленький палец, очень удобный для нее, так как не пришлось ей чрезмерно разевать пасть. Искусала ящерица мой палец, и при попытке освободиться еще сильнее зажала челюсть. Не знал, как освободиться, чтобы ей не повредить. Наконец догадался: попросил Порфирьева дать мне папиросу и огонь. Пустил дым в мордочку фриноцефалу, после чего он меня отпустил. Умилила нас эта зверушка своей безумной храбростью. Придя домой, смазал свои ранки йодом, так как несколько забеспокоился насчет возможности заражения, уж очень долго меня не отпускала ящерица".

Лисинята

Несмотря на то, что Калицкий был противником курортной жизни, курорт Бати-Лиман ему очень нравился. Он был там три раза: в годы 1937, 1939 и 1940-й, каждый раз по месяцу. Бати-Лиман — тихое и малолюдное местечко. Он лежит в стороне от большой дороги, на которой расположены наиболее посещаемые курорты: Алупка, Симеиз и другие. Это нравилось Казимиру Петровичу. Хорошо было и то, что в обществе приходилось быть только во время еды, в остальное же время можно было в одиночку наслаждаться природой; для этого было достаточно отойти на километр от курорта, и не встречалось уже ни души. Сама же природа Крыма: море, горы, растительность и всё звериное население очень нравилось Калицкому. В его письмах из Бати-Лимана всё время упоминается то о медузах, то о рыбах, то о других живых существах. "Очень много летает бабочек по лесным дорогам, — писал он, — среди них такие красавицы, как махаон и адмирал и другие, названий которых я не знаю... Видел сегодня двух дельфинов в значительном расстоянии от берега. Меня одна курортница прозвала вчера Робинзоном Крузо и, пожалуй, довольно удачно".

Действительно, удачно.

Но больше всего места занимают в его письмах рассказы о животных, которых он опекал вместе с другими курортниками в 1937 и в 1939 годах, — это были полудикие кошки, которые ютились около курорта и приводили своих котят к людям, когда дети их достаточно подрастали. Казимир Петрович "выкармливал" этих котят. Но еще большее удовольствие доставили ему в 1940 году двое лисинят: рыжий самчик и чернолапая самочка. Жили эти лисинята между скал, в расстоянии часа ходьбы от курорта. Людей не боялись, так как курортники их постоянно подкармливали. Их присутствие несколько вредно отразилось на Калицком. В 1940 году, за месяц пребывания в Бати-Лимане, он почти не поправился, тогда как в 1937 и в 1939 годах приезжал оттуда поздоровевшим и помолодевшим. Забывая о своем возрасте, он по два раза ежедневно ходил к лисичкам. А ведь помимо этого надо было 4 раза в день спускаться и подниматься в столовую и обратно, и ходить купаться. 25 сентября 1940 года Казимир Петрович написал жене: "Я немножко переходил. Сегодня посетил лисичек через силу, но за обедом была курица с рисом, и хотелось косточки отнести лисичкам. К счастью, чернолапая попалась мне в самом начале спуска и избавила меня таким образом от обратного подъема. Я ей и скормил все косточки и на этом покончу. Больше не буду их кормить, далеко ходить".

Однако в каждом последующем письме пишется про лисичек: "Виделся с чернолапой, а рыжего уже несколько дней, как не видно. Что с ним". — "Был опять у лисичек. Встретил на дороге чернолапую. Вернулся с ней обратно, на обычное ее местопребывание. Взаимно заигрывали друг с другом. Она меня хватала за брюки, за обшлага рубашки, хватала бережно за руку, но мне позволила притронуться к ее носику, но погладить себя никак не дает".

И такие рассказы про своих любимцев Казимир Петрович продолжает вплоть до отъезда из Бати-Лимана.

Разное

В зоологических садах Калицкий бывал часто. Проезжая через Москву, всегда, когда позволяло время, заходил в зоопарк. В Ленинграде же иногда подолгу не бывал в зоологическом саду, а в другие годы хаживал по многу раз. В 1935 году написал: "Был в зоологическом саду рано утром, как только открыли. Видел тигренка в возрасте нескольких месяцев и крохотного львенка, только что открывшего глаза; глаза синие и мутные, как у самых ма-

леньких детей до пробуждения в них мысли. Видел помесь дикой лошади Пржевальского с домашней. Прекрасное животное, но без челки и окраски желтой, под лошадь Пржевальского..."

В том же письме он пишет и про собак угрозыска, которых видел на островах Кирова: "Видел их на купанье и кормежке. У каждой свой тренер, и отношение их к собакам, как мне показалось, прекрасное. Во всяком случае, не видно было никаких хлыстов, плетей и тому подобное, а у некоторых тренеров прямо любовное отношение к своей собаке".

Однажды жена Калицкого подобрала погибавшую от холода и голода собаку. Казимир Петрович отказался принять ее в дом, пришлось устроить ее у родственников, живших за городом. Жена спросила:

— А какого зверя ты хотел бы иметь у себя?

Он, не задумываясь, ответил:

— Тигра.

— Тигра? Но ведь это опасно.

— Вот то-то и было бы лестно. Зверь страшный, никто к нему подойти не смеет, а я бы вошел к нему, а он, как кот, подходит и ластится ко мне.

В другой раз Казимир Петрович шутливо сказал:

— Ну вот, если меня выгонят из ИГРИ, я знаю, за какое дело мне взяться.

— За какое же? — спросила жена.

— Пойду в сторожа в зоологический сад, ходить за хищниками.

Калицкий не раз вспоминал с теплым чувством о своем друге-геологе П.Е.Волоровиче. Как-то рассказал про него: "Я тогда болел малярией, и был очень раздражителен, но Волорович умел со мной обходиться. Подойдет, бывало, положит руку на плечо и скажет: "Ну-ну, серый волк, успокойтесь". Я и успокоюсь.

— Как, он называл тебя волком? — спросила жена.

— Что же тут обидного, — с негодованием ответил Казимир Петрович, — разве волк не почтенное животное? Очень хороший зверь.

Раздел третий

ПЕРЕПИСКА ВЕРЫ КАЛИЦКОЙ С АЛЕКСАНДРОМ И НИНОЙ ГРИН

1. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

12 января 1925 г.

Дорогие Саша и Нина Николаевна, мне до крайности досадно, что Вы не получили моего длинного письма, адресованного Вам в Феодосию; я писала его спешно, тотчас же по получении письма Нины Николаевны, но все-таки боялась адресовать его в общежитие КУБу[311], т. к. думала, что, в случае задержки письма в дороге, оно может и не застать уже вас в Москве. Я писала его не то 21, не то 22 декабря. Только потом уже Каз<имир> Петр<ович> принес мне "Московские известия" с заметкой о том, что ты, Саша, должен был выступать в "Союзе Писателей" — 24 дек<абря> <...>.

Я очень благодарна милой Нине Николаевне за письмо. Такой дружеский тон и доверие меня очень тронули. И, кроме того, я заметила, что Н<ина> Н<иколаевна> очень хорошо пишет, по-настоящему литературно. Подумала: надо бы ей попробовать писать или, по крайней мере, переводить.

Я уже писала Вам, милый Саша, чтобы Вы не беспокоились о долге. Казимир Петрович всячески убеждает Вас в этом. Мы совсем не нуждаемся в этих деньгах. Отдадите, когда будет нетрудно; и не будьте такими мнительными.

Как теперь Ваши дела? Отдохнули ли от московских терзаний? Вероятно, Вам опять придется скоро ехать. Мы живем неплохо. <...>

Целую Вас обоих. Привет Ольге Алексеевне. К<азимир> П<етрович> всем кланяется. Как сошло твое чтение, Саша, в С<юзе> П<исателей>?

Любящая Вас

В.Калицкая

2. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

23 апреля 1925 г.

Дорогие Нина Николаевна и Сашечка, Казимир Петрович и я очень благодарим Вас за поздравление и память. Простите, что редко Вам пишу, ведь я неврастеничка.

Очень рада и удивляюсь тому, милый Саша, как ты можешь так много писать. Присылай, пожалуйста, всё по мере того, как будет выходить. Недавно читал мне К<азимир> П<етрович> рецензию о кинопьесе "Остров сокровищ". Автор фильму ругал, но рецензию начал с похвалы твоему "Острову сокровищ".[312] А как-то раньше А.Г.Горнфельд говорил, что Мариэтта Шагинян с негодованием писала, что в годичном обзоре литературы не говорили о тебе, и этим о тебе напомнила.

Вот наши ближайшие планы: сейчас К<азимир> П<етрович> в Петровске, куда уехал в 1-ый день Пасхи, вечером. В конце Фоминой вернется. Хочу его уговорить дать себе отдых, поехать хотя бы на две недели в пансион в Лугу. А в конце мая он уедет опять в Дагестан, продолжать прошлогоднюю работу. Туда же поеду и я, но не сразу. Начинаю опять бесплодные поиски квартиры. <...>

Очень рада, что Вам теперь лучше живется, но боюсь, что в Москве опять предстоит Вам большая трепка.

О деньгах, пожалуйста, не беспокойтесь, мы тоже, слава Богу, пока не нуждаемся. Пишите пока по прежнему адресу, <...> через 2 <недели> мы будем опять дома. К<азимира> П<етровича> нынче приглашали ехать на Сахалин, на восточное его побережье, где есть нефть <...>. Он долго колебался, изнервничался, но, наконец, отказался, хотя отказ приняли не сразу. <...>

Пока всего хорошего, дорогие Саша и Нина Николаевна. Уезжая, К<азимир> П<етрович> просил послать Вам поклон. Привет многоуважаемой Ольге Алексеевне. Обоих Вас целую.

Ваша В.Калицкая.

3. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

15 февраля 1926 г.

Дорогие Нина Николаевна и Саша, большое спасибо Вам от Казимира Петровича и меня за память и доброе отношение. <...> Сегодня получила Ваше заказное письмо и вот тотчас же отвечаю. <...>

Ты, милый Саша, прислал осенью "Сокровище африканских гор"[313], а потом "Золотую цепь". Так как К<азимир> П<етрович> был тогда в Фергане, а там книг нет, твои же книги он очень любит,

то я, боясь, что он не успеет ее получить, если я задержусь, сейчас же, не читая, послала "Золотую цепь" в Коканд заказной бандеролью. Решила: прочту сама, когда К<азимир> П<етрович> привезет книгу обратно. Вышло иначе: несмотря на "заказ", книгу зачитали; К<азимир> П<етрович> ее не получил. В Ташкенте ему попались на глаза твои "Гладиаторы".[314] Он их купил и привез; был очень доволен ими, читая в вагоне. Т. к. у меня уже был твой экземпляр "Гладиаторов", то я его — подарила, чтобы распространялся. Но надо было купить взамен пропавшей "Золотую цепь". Тут-то и заедала проклятая неврастения. Никак не могла собраться купить. Потом купила; прочла с большим интересом и одобрением. Есть во всех твоих романтических книгах какая-то нежность и умиленность, которые всегда трогают. Потом ждала, чтобы прочел К<азимир> П<етрович>. Знала, что этот твой жанр ему очень нравится. Всегда очень тепло вспоминает "Алые паруса".[315] Так и тут: прочел с подлинным удовольствием. <...>

Очень рада, что Вы, по-видимому, не тоскуете в Феодосии. Я, по правде сказать, думала, что больше одной зимы Вы не выживете в глуши. К<азимир> П<етрович> пишет свои отчеты; у него было этим летом 3 командировки, т<ак> ч<то> дела много. Но в апреле думаем опять уезжать. <...> Сначала в Фергану. Там летом жара отчаянная, а потому ехать туда надо весной; а оттуда в Грозненский район, где были в прошлом году. Может случиться, но мало вероятно, что поедем на Сахалин. Во всяком случае, надеюсь до тех пор получить от Вас еще письмо и Вам написать.

Очень рада всегда Вашим письмам. К<азимир> П<етрович> кланяется Нине Ник<олаевне> и тебе. Я Вас обоих целую. Привет Ольге Алексеевне.

Ваша В.Калицкая.

4. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

2 мая 1926 г.

Воистину Воскресе!

Дорогие Нина Николаевна и Саша, получили Вашу телеграмму. Казимир Петрович и я очень за нее благодарим и очень ею тронуты. Поздравляем Вас с Праздниками. Знаете, мы с Вами, вероятно, увидимся, чему я очень рада.

Мы едем в Фергану. <...> Мы рассчитываем быть в Москве 6-го, в 10 ч. утра. <...> А поезд на Ташкент отходит уже в 3 часа. Но я все-таки надеюсь, что хоть одна успею приехать к Вам. Если уже нет, то тогда, м. б., Вы приедете к 2 1/2 ч. на Рязанский вокзал и

узнаете, где стоит ташкентский поезд. <...> Если же, паче чаяния, мы почему-либо не увидимся в Москве, то тогда я Вам подробно напишу в Феодосию <...>. Если же выяснится вовремя, что выехать не сможем, то я Вам телеграфирую. Пока же крепко целую обоих. Всего лучшего. К<азимир> П<етрович> Вам кланяется.

Ваша В.Калицкая.

5. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

19 сентября 1926 г.

Дорогие Саша и Нина Николаевна, приехав 14-го, получила Вашу открытку о том, что Вы в Москве. Письма в Коканде я не получила; вероятно, оно пришло, когда мы перекочевали уже дальше. Ездили мы много; были на нефтяных промыслах Санто, в Чимионе (тоже промыслы), в Ташкенте, Коканде, Асхабаде <...>. После тягостной жары в Ферганской области (т. е. в Коканде и прилежащих местах), на Кавказе мне показалось уже много легче. Я уехала из Грозного (Самашкинская, т. е. место работ К<азимира> П<етровича> в 30 в<ерстах> от Грозного). 4-го сент. поехала в Симбирск, где уцелела одна моя родственница по матери, Анна Дмитриевна. Революция не только разорила ее (она была помещицей), но довела до сумы. Последние годы, когда уже нашли совершенно случайно друг друга, К<азимир> П.<етрович> помогал ей. Вот ее-то я и ездила навестить.

Пробыла в С<имбирске> 4 суток. Думала, что вернувшись, найду уже дома К<азимира> П<етровича>, но его до сих пор нет. Когда приедет, передам ему Ваш привет.

Мне долгая езда по ж. д. очень надоела, и я рада, что дома. Как Вам живется? Как здоровье Нины Николаевны, и как твои, Саша, литературные дела?

Пишите. Пока, всего хорошего. Целую обоих.

Ваша В.Калицкая.

Ты мне не написал, милый Саша, где Вы живете, но я думаю, что в общежитии Кубу; черкни, дошло ли мое письмо. Адрес пишу на память.

6. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

Ленинград, 3 февраля 1927 г.

Дорогие Саша и Нина Николаевна, спасибо Вам за память и привет. Мы очень что-то киснем эту зиму: не то малярия, не то неврастения у обоих; собираемся даже на ближайших днях к док-

тору. Внешне же всё благополучно. Летом К<азимир> П<етрович> открыл в Фергане новое месторождение нефти. Там начали бурить, и оказалась правда: нефть пошла обильно. Этот успех очень приятен.

Пришли, милый Саша, свои новые книги. Целую обоих. Привет от К<азимира> П<етровича> всем, а от меня О<льге> А<лексеевне>. Всего хорошего.

Ваша В.Калицкая

7. А.С.Грин — В.П.Калицкой

2 апреля 1927 г.

Милая Верочка, совершилось такое событие: 10 февраля в Феодосию приехал Вольфсон (изд-во "Мысль") и купил у меня полное собрание сочинений 15 томов; т. е. — всё, что в книгах и по журналам. 10.000 экз<емпляров> каждый том. В 8 месяцев все выйдут из печати. Сделка эта даст всего 15–20 тысяч рублей, пока же, авансом я получил 3000 р. Почти наверное по этим делам придется нам с Ниной быть в Петербурге в 1-ой половине мая. Конечно, мы очень рады, т. к., наконец, избавились от долгов. А их было уже 775 руб.

На днях мы поедем в Ялту, там — до Пасхи, затем — в Москву и, по всей видимости, в СПб. Наша весна запоздала, лишь теперь делается тепло. Были снега, морозы... Целый месяц. В Питере, вероятно, устроим чтение нового романа "Бегущая по волнам". Напиши, как Вы живете. Всё это мне нужно и важно. Сижу тихий, выпиваю мало, зубы пломбирую. *Привет Казимиру Петровичу, которого я очень уважаю.*

Твой А.Грин. 2 апр. 27 г. Феодосия.

P.S. Н<ина> Н<иколаевна> шлет привет и всё самое хорошее.

А.Г.

8. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

8 августа 1927 г.

Дорогая Нина Николаевна, спасибо Вам за письмо. Простите за всегдашнее запоздание с ответом. Оно вызвано отчасти тем, что мне часто приходится ездить в город к одному смертельно больному знакомому[316], отчасти же тем, что и Вы должны были кочевать, а сразу я ответить не успела. Но теперь Вы уже, наверное, в Феодосии <...>.

Кажется мне, что Кисловодск Вам не очень понравился; впрочем, и я никогда от него в восторге не была: ездила лечиться, и

нравился мне только воздух, несколько возбуждающий. Место же Вы выбрали не очень удачно; это, действительно, центр прежней станицы; лучше было селиться в Ребровой Балке. Ну да суть была, конечно, в лечении. <...>

Посылаю вырезку из "Красной Вечерней"[317] о Сашиной новой книге <...>. Отзыв не плохой, но с кислинкой, так что я колебалась, посылать ли; но потом решила, что лучше послать все-таки. М. б., он уже у Вас имеется. Знаете ли Вы, что теперь в Ленингр<аде> опять есть Бюро вырезок и, вероятно, можно там записаться на получение их.

Мы живем в Тярлеве. Погода для Л<енинграда> исключительная. За 2 месяца только день или два дождливых, остальные жаркие и солнечные. Останемся, пока такая погода будет стоять. Но в местности, которую я в детстве так любила, теперь разочаровалась: парк запущен и загрязнен, ни ягод, ни грибов; народу много, слишком много для лета, и потому по праздникам шумно. Больше сюда не поедем.

Вот, кажется, и все новости.

Как поживает Ольга Алексеевна? Передавайте ей мой привет.

Как Ваши денежные дела? Платит ли Вольфсон?

Всего лучшего. Крепко целую Вас, милая Нина Николаевна, и Сашу.

Ваша В.Калицкая.

Пишите мне в Ленинград, я там часто бываю.

К<азимир> П<етрович> шлет Вам и Саше сердечнейший привет. Он здоров, но еще очень утомлен; командировки его очень изнуряют.

В.К.

9. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

20 ноября 1927 г.

Дорогая Вера Павловна!

Считаю себя виноватой перед Вами: хотела сразу же, по приезде, написать и узнать про Ваше здоровье, которое, верьте, беспокоит меня сердечно, и жестокая усталость от долгой поездки, видимо, она, — не дала мне это сделать до сих пор.

Хочется знать, как Вы себя чувствуете. Мысль о том, что Вы лежите одна, без Каз<имира> Пет<ровича>, в неизвестности, что с Вами, очень меня угнетала, когда мы с Сашей уехали.

Я не умею письменно выражать свои чувства, Вера Павловна, но мне хотелось, чтобы Вам было душевно тепло и здорово, — от всего сердца.

До дому доехали мы очень измученные дорогой, т. к. всё время менялись наши компаньоны по купе и садились очень подозрительные типы, т. ч. спали вполглаза.

Теперь отошли, ощущение избитости, в спине, прошло.

2 недели, по приезде, стояла летняя погода, сейчас дует нордост, какой-то, нынче, особенно пронзительный. Всё зелено, сине и солнечно. Очень хорошо!

Я так замучилась с лечением волос, и так они у меня стали жестоко лезть, что Саша постриг и обрил меня. Через неделю ещё побреет, а там пусть растут — через год будет опять прическа. Но вид у меня довольно жуткий.

Саша же со вкусом принялся доканчивать свой новый роман "Обвеваемый холм" и почти каждый день ходит гулять.

Что пишет Казимир Петрович? Со страстной тоской Саша часто представляет, что К<азимир> П<етрович> уже там-то и там-то. Так ему хочется съездить заграницу, и когда-то это будет?

Пишите, пожалуйста, нам, дорогая Вера Павловна.

Сердечный привет от Саши и мамы.

Ваша Н.Грин.

В Феодосии толчков давно нет[318], есть только изредка легкие колебания, но мы их даже не чувствуем.

10. А.С.Грин — В.П.Калицкой

20 ноября 1927 г.

Здравствуй милая Верочка! Не подумай, пожалуйста, что мы скоты, некоторое время я ожидал твоего письма, к<а>к ты обещала известить о своем здоровье, мы очень беспокоимся о тебе и просим немедленно известить нас.

Приехали мы *безумно* уставши. Еще ни разу так не уставали. Дня 4 отдышивались. Но, вообще, к<а>к попадаешь домой, — становится нечего сказать о жизни. Она спокойно заведена. Лишь раннее наступление холодов заставляет ранее топить печки. Погода — к<а>к осень с солнцем.

Будь здорова, лечись очень внимательно. Мы ждем твоего письма.

Твой Саша.

11. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

1 дека.бря 1927 г.

Дорогая Нина Николаевна, спасибо за память. Радуюсь, что Вы, наконец, отдохнули! Но надолго ли хватит средств? Впрочем, у Вас есть поверенный теперь, т<ак> ч<то> Вам, вероятно, часто ездить в Петроград не придется.

С моим здоровьем было так: когда Вы уезжали, врач сказал мне, что положение мое очень серьезно, и дал понять, что я, вероятно, не доживу до возвращения К<азимира> П<етровича>. Он предполагал у меня злокачественную опухоль почки. Тогда конец наступил бы через месяц — полтора. Но тут же сказал, что есть один противоречащий признак и что вообще Бог милостив. Пять дней жила я под смертельным приговором, а потом картина резко изменилась — улучшение было такое резкое, что смертельный диагноз отпал. <...> В эти же пять дней я поняла, что в Бога моя вера крепка. Было тягостно, что не дождусь К<азимира> П<етровича>. Ну вот и всё.

Теперь большую часть дня провожу у Ф.К.Сологуба; должно быть, смерть близка. <...> Как пишется Саше?

Каз<имир> Петр<ович> всё еще в Нью-Йорке. Переезд из Шербурга в Нью-Йорк он совершил во время шторма, раскачавшего даже их огромный пароход. 4 суток лежал и не ел, на 5-ые, наконец, полегчало, а на 6-ые прибыли в Нью-Йорк. Но тут их еще сутки продержали на "острове слез", пока Амторг[319] не прислал за русских залог, по 500 долларов за каждого. Т<ак> что вначале путешествия кроме неудач ничего не было, теперь как будто полегчало.

Целую Вас, дорогая Нина Николаевна. Сердечный привет Саше и маме Вашей.

Ваша В.Калицкая.

12. А.С.Грин — В.П.Калицкой

декабрь (?) 1927 г.

Здравствуй, милая Верочка.

Мы получили твое письмо, и я страшно рад, что опасности нет. Я писал тебе в письме Нины, на отдельном листочке. Сообщи, был ли этот листик в письме. Я рад, что у тебя укрепилась вера. Но как странно, что ты отвергала бессмертие души на основании обморока! Бог и бессмертие души — неразделимы.

Зима сурова для юга. Всё время снег и морозно, с ветрами, но мы хорошо топим. Я пишу сразу два романа: "Дорога никуда" и "Обвеваемый холм". Один надоест — берусь за другой. <...>

Единственное, в чем я могу завидовать — это в путешествии за границу. Ах, Каз<имир> Петр<ович>! Уже в Мексике, наверно. Мы, тоже, решили нынче весной хлопотать о поездке за границу.

Будь здорова и благополучна!

Твой А.Грин.

Нина шлет привет.

13. В.П.Калицкая — А.С.Грину

7 января 1928 г.

Милый Саша, письмо твое получила, также как и записку твою, вложенную в письмо Нины Николаевны. Прости, что долго не отвечала; эта осень и часть зимы были у меня очень трудные; едва поправившись от болезни почек, я должна была по внутреннему чувству долга проводить много времени у Ф.Сологуба. Был он до последней степени несчастен, жалок и слаб. Приходилось очень много бывать у него, особенно последние недели полторы перед смертью. На похоронах же я простудилась, заболела тягучей формой гриппа, а потом почувствовала себя плохо в смысле нервов и сердца; очень я душевно устала от вида этого исключительно тяжелого умирания. Когда же нервы у меня очень уж расходятся, то единственное действенное средство — это побыть в одиночестве, изолировать себя от свиданий с кем бы то ни было, от звонков и от всего обязательного. Надо было уехать; в пансионы мне никуда не хотелось, п. ч. там везде вынужденное общество и, потом, непременно усиленное питание, за которое берут непропорционально большие деньги; а ведь его-то мне надо всячески избегать. Я довольно долго колебалась — куда же мне деваться, потом одна знакомая дала мне очень удачный совет: поехать в монастырскую гостиницу при Пятигорском монастыре, 5 верстах от ст. Кикерино Балтийской ж. д.

И я сняла себе тут комнату на месяц, до 23 января. Пять дней в неделю живу здесь, а два дня провожу из-за разных дел в городе. И довольна. Начинаю лучше спать, сердце уже колом в груди не стоит, а главное, начинает возвращаться мир душевный, а то совсем была я смущена видом умиранья, этой ужасной непримиренностью, в которой умирал и умер Ф<едор> К<узьмич>.

Живу я в тишине, кругом девственно белые, пушистые снега, сейчас же за монастырем лес смешанный, ель с сосной. У меня отдельная комната, и мне готовят отдельно, как мне нужно. От К<азимира> П<етровича> имею письма; они пока только из Вашингтона, где он опять ожидает денег; идут они оттуда 18 дней, т<ак> что, в сущности, никогда не знаешь — сейчас-то что с ним, жив он или нет? Письма разные: иногда доволен, иногда утомлен и как-будто тяготится, но даже и в письмах, а не то что уже в действительности, много интересного.

Ну вот, милые Саша и Нина Николаевна, все мои новости. Очень рада, что тебе пишется, Саша. Пишите. Вскоре, вероятно, пошлю

тебе материалы для твоей биографии, для проверки. Сердечный привет Ольге Алексеевне. Целую тебя и Нину Никол<аевну>.

Ваша В.Калицкая.

14. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

13 октября 1928 г.

Дорогая Вера Павловна!

Обращаемся к Вам с большой просьбой. Ни к кому, кроме Вас, мы не можем с ней обратиться.

Нас, по обыкновению, обманывают: Ленгиз[320], — заместитель заведующего Л<енги>зом Гефта — Нилов обещал Саше прислать 3-х месячный вексель на остаток (625 р.) за проданный роман[321], как только тот будет сдан в печать, и в ноябре должен выйти в свет, а ни векселя, ни даже ответа на несколько писем, мы не получаем.

Так вот какая к Вам, Вера Павловна, просьба: будьте доброй — ***лично*** узнать в Ленгизе у Нилова, когда они вышлют нам вексель — он нам очень необходим. <...>

Мы знаем, Вера Павловна, что очень затрудним Вас этой просьбой, т. к. противно ко всем этим чиновникам обращаться с разговорами, но это единственный наш выход. А положение наше сейчас туговатое. Не обижайтесь на нас.

Как Ваше теперь здоровье? Привет Казимиру Петровичу.

У нас лето — тело отдыхает от питерского лета. И если бы издательства и кредиторы не "пили нашу кровь" — было бы хорошо и спокойно. Всего хорошего.

Ваша Н.Гриневская. <...>

15. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

18 октября 1928 г.

Дорогая Нина Николаевна, третьего дня получила Ваше письмо; вчера была в Госиздате. Гефт в отпуске, Нилов был на заседании, а секретарь меня направила к Сергову или Сербову, не разобрала, в финчасть. Сербов сказал, что сегодня будут Вам высланы 500 рублей. На мой вопрос — почему 500, а не 625 р., он ответил, что вперед вообще выдавать у них не полагается; что это аванс, даваемый ввиду неоднократных просьб А<лександра> С<тепановича>, а окончательный расчет, каков бы он ни был, будет только по выходе книги. Вот всё, что я могла узнать. Привет Вам и Алекс<андру> Ст<епановичу>.

Ваша В.Калицкая.

16. А.С.Грин — В.П.Калицкой

23 октября 1928 г.

Милая Вера!

Спасибо тебе сердечное за твои хлопоты. Я сегодня получил вексель и, вот о чем я и Н<ина> Н<иколаевна> просим тебя из всех сил (вексель этот я прилагаю): будь добра, отнеси его в "Промкредит" <...> Если ты сдашь его в учетный отдел, с просьбой перевести мне деньги телеграфом, то через 5–6 дней они у нас будут. Там знают меня. А для них я прилагаю особую бумажку, кот<орую> прошу тебя им передать с векселем.

Начинается обычная зимняя история: деньги должны, и медлят. Мы живем в том же тихом темпе; я пишу очередной роман: "На теневой стороне"[322], Н<ина> Н<иколаевна> шьет или хозяйничает. Прогулки по городу, чтение и кинематограф — обычные развлечения. Вольфсона как<им>-то образом выпустили из тюрьмы — жду, что будет с историей издания моего соб<рания> сочинений. Что — он напишет, Карнатовскую прохватили в "Красной газете" и скоро будет суд за ее клевету против меня.[323]

Мы до весны никуда не поедем — измучились, таскаясь взад вперед.

Нина Николаевна просит передать тебе сердечную благодарность.

Твой А.Грин.

17. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

3 ноября 1928 г.

Дорогая Вера Павловна!

Спасибо Вам за хлопоты и простите, что так неудачно встревожили Вас с векселем. Сегодня же его отослали в банк. Посылаю Вашу тетрадку.[324] Записала я всё то внешнее, что произошло с нами за время житья в Крыму. Что было до Крыма вспоминается как-то смутно, неотчетливо.

Как-нибудь запишу и это — и пришлю Вам.

Простите, что так долго держали тетрадку, но это Саша; каждый день собирался прочесть и откладывал.(Предала!) (Слово приписано рукой А.Грина. — *Сост.*).

Живем потихоньку.

У нас всё еще хорошая погода, ходим в летних пальто.

Еще раз за всё спасибо, дорогая Вера Павловна. Как Ваше здоровье? Привет Казимиру Петровичу.

Ваша Н.Грин.

Дорогая Вера Павловна!

Сейчас прочла, что я Вам записала, и вижу: только поездки, долги, продажа книг. Будто бы больше и ничего. На самом же деле не так. Это только внешнее, как я и говорила. За этим внешним наши чувства друг к другу, самый процесс создания книг и масса мелочей, оживотворяющих эти этапы. Но их никогда не передашь (здесь заканчивается страница и под последней строчкой приписано рукой А.Грина: "Спасибо! Спасибо! А.Грин." — *Сост.*), хотя только это — внутреннее — и составляет нашу с Сашей жизнь. Не умею я выразить словами свою мысль. Нам лучше, шире, теплее, чем это может показаться по записи. Это внешнее — словно бы болячки на нашем теле: они мешают нам, но мы живем, знаем, что хотим, и за всё хорошее благодарим Бога.

Ваша Н.Г.

18. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

16 ноября 1928 г.

Дорогая Нина Николаевна, спасибо Вам и Саше за присланные дополнения к материалам о нем. Я просмотрела внесенные Сашей поправки и нашла только одну неясность: в том, что мною записано, сказано, что Вы с ним поженились в 1920 году, а рукой А<лександра> С<тепановича> прибавлено — 6-го марта. А на отдельном листке, Вашей рукой, сказано: "8-го марта 1921 г. женились". Даты, словом, расходятся.[325] Насколько я припоминаю, действительно 21-ый год — вероятнее, но все-таки подтвердите это. Еще к Саше: у меня сказано: в 1911 году в августе (?) переведен из Пинеги в Кегостров. Саша поставил только "?"! Но я в это время гостила у отца, перевод совершился без меня, и я не помню, был ли это август или сентябрь, либо даже июль? <...>

Вы хорошо пишете, милая Нина Николаевна. Не сочтите за пустой комплимент и не обидьтесь. Я просто радуюсь, что у Ал<ександра> Ст<епановича> такая прекрасная жена.

Чем кончилось дело о клевете?

Всего хорошего. Привет Вам, Саше и матушке Вашей.

Ваша В.Калицкая.

19. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

23 ноября 1928 г.

Дорогая Вера Павловна!

Спасибо Вам за доброе письмо. Моя дата нашей женитьбы (8-е марта 21 года) правильна. А относительно Кегострова Саша говорит — совсем не помнит месяца.

Наше дело с Карнатовской будет слушаться 30-го ноября в народном суде цен<трального> района. Мы получили повестку. Вместо нас будет адвокат — Крутиков. Назначено к 9 ч. утра.

Если Вам, Вера Павловна, захочется пойти послушать, будьте доброй — напишите нам свое впечатление.

Если бы было возможно, мы сами поехали в Питер, но и дорого, и холодно, а дело это нас очень трогает — живем мы, никого не задевая, ни о ком не думая, а нас всё время норовят щипнуть.

В прошлом году Лаганский придумал, что Саша в Феод<осийской> кассе взаимопомощи (?!) взял и не отдал 15000 р. Когда Саша спросил его — откуда он взял такую нелепицу, он, глупо ржа, сказал, что "придумал" — была охота сообщить новость. Изругал его Саша самыми последними словами. Не судиться же с каждой моськой.

Сердечный привет от меня и Саши Казимиру Петровичу и Вам.

Ваша Н.Грин.

20. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

14 января 1929 г.

Дорогие Нина Николаевна и Саша, простите, что долго не писала. Ваше письмо меня не застало дома, я была 10 дней в Кикерине, где, помнится, я Вам писала, и в прошлом году провела около месяца. Поэтому и поручения Вашего исполнить не могла, поэтому и писать конфузилась. Шлю вам обоим привет и пожелания всякого счастья на Новый год.

Адрес Ваш спрашивал у меня знакомый поэт; он хочет послать Саше посвященное ему стихотворение. Всего лучшего.

Ваша В.Калицкая.

21. А.С.Грин — В.П.Калицкой

21 января 1929 г.

Милая Вера! Оба мы сердечно поздравляем тебя и Каз<имира> Петр<овича> с Новым годом, желаем здоровья, успехов и бодрого настроения.

Письмо получили; но то было не "поручение" — побыть на суде, а, просто думали, что, может быть, тебе самой будет интересно. Результат был таков: первый суд оправдал Карнатовскую, действуя явно пристрастно (не вызвал моих свидет<елей> и т<ому> под<обное>), но наш адвокат подал кассацию; результаты, надеюсь, скажутся скоро. Пока что Карнатовскую и ее пом<ощницу> Краюшкову уволили со службы. И то хлеб. (В верхней части ли-

ста — приписка рукой А.Грина: "резолюция суда обвинила во всём Вальбе, кот<орый> будто бы, “налгал на Карнатовскую”". — *Сост.*)

Писание нового романа заполняет у меня и мысли и время; роман назыв<ается> "На теневой стороне", история одного доброкачественного мужчины в 18 печ<атных> листов. (Кстати: будь добра: позвони в Ленгиз, вышла или не вышла моя книга: "Джесси и Моргиана", она что-то долго печатается). Произошла революция: Нина тайно от меня взяла напрокат пишущую машину и трясется от счастья переписывания романа; слегка невменяема поэтому; а я даю ей только 3 стр<аницы> в день; так она вчера похитила тайно еще 1/2 стр<аницы> черновика и бесстыдно смеется. Все-таки, я ее сожму; введу в рамки.

Зима тепла, как питерск<ое> лето. Н<ина> Н<иколаевна> шлет сердечный Вам привет; я — тоже; в Москву поедем только в нач. апреля.

Ваши А.С.Грины и А.С.Нины!

22. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

18 февраля 1929 г.

Дорогие Саша и Нина Николаевна, вероятно, после того, как Саша послал мне последнее письмо, Вы тотчас же получили авторские экземпляры "Джесси и Моргианы", т. к. Медведев на мой вопрос ответил изумлением: книги, де, давно высланы. Так что мне больше говорить было нечего.

Спасибо, милый Саша, за "Окно в лесу".[326] Я перечитала многие рассказы. Впрочем, кое-что было и совсем для меня ново. Ты мне стал теперь понятнее. Те рассказы, которые в молодости до меня не доходили, теперь стали доходить, т. к. стали понятны твоя усталость и отношение к жизни и людям. Ты начал жить раньше меня и бурнее и устал раньше; а теперь мы, вероятно, более или менее сравнялись. Потому и сарказм, свойственный некоторым твоим рассказам, стал мне понятен.

Машинку Нины Николаевны приветствую; я в июле сделала то же. Купила по случаю — дешево и весьма довольна. Так скучно было таскаться из-за всякого пустяка к переписчицам. Пишу в беллетристической (вернее: полубеллетристической) форме биографию Гиршмана, трепещу и нервничаю: возьмет ли Маршак.

Куда поедем летом и поедем ли — не знаю. Когда у Вас начинается весна, т. е. становится солнечно и начинается первое цветение?

Будьте здоровы. Сердечный привет.

Ваша В.Калицкая.

23. А.С.Грин — В.П.Калицкой

Москва, 26 апреля 1929 г.

Милая Верочка! Твои слова Нине Николаевне об обращении к тебе за деньгами в долг, в случае необходимости, — неожиданно получают вращение. Благодаря свинству Федер<ации> Сов<етских> Писателей (издательства ихнего), которое отсрочило деньги по договору на 2 недели, вынуждены мы просить тебя одолжить нам 100 р. дней на 15. Удрученные, сконфуженные, прибегаем к тебе. Так как по договору первый платеж 400 р., то вернуть этот долг затруднения для нас не составит. Какие новости? Сообщи, пожалуйста.

Благодарю тебя за звонки к Груздеву. Я получил уже от него письмо. А что сказал Вольфсон? Непременно извести, как твои дела.

Ваши Грины: Александр, Нина.

Будь здорова и мужественна в испытаниях. <...>

24. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

4 мая 1929 г.

Дорогие Нина Николаевна и Саша, не писала Вам до сегодня, п<отому> ч<то> думала, что вчера, в пятницу, узнаю что-нибудь радостное. Однако ничего такого не случилось.

Вот какие были у меня дела после того, как я рассталась с Вами: я заручилась письменными поручительствами товарища Каз<имира> Петр<овича> геолога В.Н.Вебера и президента Академии А.П.Карпинского. Приложила свое поручительство и в прошлую пятницу, 26 <апреля>, подала особо уполномоченному Г.П.У.[327] Он сказал, что ответ даст в следующую пятницу, 3 мая, т. е. вчера. Я надеялась либо на то, что К<азимира> П<етровича> выпустят 1-го мая, как выпустили одного моего знакомого, либо в пятницу, 3-го, скажут — когда же отпустят на поруки. Но ни того, ни другого не случилось. Уполномоченный сказал, что раньше, чем окончится следствие, выпустить на поруки нельзя. Я спросила: "Значит, муж присоединен к какому-то делу?" — "Да ведь это подразумевается, если человек арестован". — "Я надеялась, что это недоразумение". — "Нет, есть дело". — "Но когда же зайти, чтобы узнать, кончено ли следствие". — "Обычно это довольно долго затягивается. Ну, зайдите через 2 недели".

Вот и всё, что было. Как видите, мало утешительного. <...> Как твои дела, милый Саша? Крепко Вас обоих целую. Пишите о себе.

Ваша В.Калицкая.

Свидания я тоже не имела.

25. А.С.Грин — В.П.Калицкой

Не позднее 11 мая 1929 г.

Здравствуй, дорогая Вера!

Мы получили твое печальное письмо и надеемся, что, всё же это ужасное недоразумение рассеется. Между прочим, скоро (в мае) ожидается приезд А.М.Горького. Я к нему пойду; давно я не видел его; и поговорю с ним. Напиши также, не могу ли я быть тебе полезен здесь и в чем — именно. Я с удовольствием сделаю всё, о чем бы ты ни просила. Относительно твоей беседы с уполномоченным я думаю, что она, по существу, благоприятна, т. к. срок 2 недели сравн<ительно> небольшой, а он ведь не сказал, что *нельзя* хлопотать о взятии на поруки К<азимира> П<етровича>. Таково мое мнение, что если бы это было вообще невозможно, уполномоч<енный> и не стал бы так говорить. Наши дела вертятся вокруг мертвой точки; до сих пор мой роман еще не продан, отчасти — в силу бумажного кризиса, отчасти по причинам, вытекающим из перемен в разных редакционных составах. Но так у меня, увы! часто бывало. Пока что, ждем от Вольфсона 1000 с лишним руб., к<а>к только выйдут “Приключения Гинча". Кстати: — не позвонишь ли ты Вольфсону? Будь доб"а; спроси, вышла ли эта книга, а также передай им просьбу о высылке мне в Москву автор<ских> экземпляров "Колонии Ланфиер". Нина была вчера у проф<ессора> Разумова, и он прописал ей на год разные лекарства, а жить летом в Крыму разрешил. Так что оконч<ив> дела, мы поедем домой. В Москве жарко — до 25° днем. Н<ина> Н<иколаевна> посылает Вам обоим привет "от всего сердца" и умоляет надеяться на всё лучшее.

Целуем тебя. Будь здорова.

Твой А.С.Грин.

26. В.П.Калицкая — А.С.Грину

13 мая 1929 г.

Милый Саша, прости, что я до сих пор не написала о разговоре с Карнауховой. Он — неутешителен, к сожалению. "Приключения Гинча" не выходят потому, что нет той бумаги, на которой отпечатаны первые шесть твоих книжек. А издатели хотят, чтобы бумага всего издания была одинаковая. Когда она будет — неизвестно. Относительно же оттисков "Колонии Ланфиер" — они давно уже упакованы, но Ал. М. не знала, где Вы, в Москве или в Феодосии. Теперь она высылает их Вам в Москву.

Спасибо за участие и внимание. Я не знаю, милый Саша, стоит ли затруднять Горького; вот почему: дело идет каким-то, по-видимому, неизбежным ходом; идет следствие. Покуда оно не кончится, никакая протекция не поможет; до окончания его К<азимира> П<етровича> ни за что на поруки не выпустят и свиданий с ним не дадут. И дальше: знаю наверно, что за К<азимиром> П<етровичем> вины нет даже самой ничтожной (это еще раз подтвердилось после моего возвращения в Ленинград), и думаю, что это он сумеет доказать. <...> Я почти уверена, что дело К<азимира> П<етровича> кончится к концу мая, т. к. к этому сроку приурочивают окончание дела того геолога, с которого всё началось и который сидит около полугода.

Ну, вот пока и всё. Я тут прихворнула. Был упадок сердечной деятельности. Пролежала несколько дней. Отмучилась и сегодня начинаю нормальный образ жизни.

Передай мой сердечный привет и поцелуй милой Нине Николаевне. Право, это я вымолила тебе такую хорошую жену, потому и горжусь ею; береги ее, другой еще такой же не найдешь и 2-й раз молиться не стану.

Всего хорошего. Привет.

Ваша В.Калицкая

27. А.С.Грин — В.П.Калицкой

19 мая 1929 г.

Здравствуй, дорогая Вера, напиши нам, что у тебя нового. К<а>к пишут в газетах, М.Горький на днях приедет в Москву. Не знаю, что ты скажешь на это, а я мог бы сходить и поговорить. Хуже не будет, может быть только лучше. Наши же дела затянулись, и с месяц проживем еще здесь. Должно быть, скоро я приеду в Лен<инг>рад, по делу суда с Вольфсоном (на сумму 7350 р.; иск). Я хочу высудить с него эти деньги за недопечатан<ные> книги. Юристы говорят: дело правое и верное. Так мне придется быть на судебном заседании. Адская жара стояла здесь 8 дней, теперь спала, а доходила до 40 градусов. На днях я читал в Союзе Писат<елей> отрывки из ром<ана> "Дорога никуда", и хотя Правление сделало всё, чтобы никто не пришел, народу собралось достаточное количество, всё читатели-поклонники. Заставили читать дольше, чем я хотел. Этот роман всё еще в процессе продажи, и трудно сказать, когда уладится дело.

Благодарю тебя за все одолжения. Недели через 1 1/2 мы свой долг тебе вернем, а пока, честное слово, нет. Существование обес-

печено — и только. Не могу ли я быть тебе здесь чем-нибудь полезен, всё равно, чего бы это ни касалось.

Нина Николаевна благодарит тебя за доброту и всячески хочет, чтобы скорее окончилось Ваше тяжелое положение. Не унывай, не падай духом. Больше терпела, а теперь, должно быть, уже осталось немного.

До свидания, целуем тебя и ждем известий.

Твой А.Грин.
19 мая 29 г.

28. В.П.Калицкая — А.С.Грину

27 мая 1929 г.

Дорогой Саша, спасибо тебе за участие. Пожалуйста, сходи к Ал<ексею> Макс<имовичу>. Только если это тебе не неприятно. Всё так затихло, заглохло, что это начинает действовать на нервы. Писем от К<азимира> П<етровича> не имею, свиданий не дают. Говорят, что пока следствие идет, свидания не дадут. Вот о чем, если можно, попроси Ал<ексея> Макс<имовича>: не может ли он узнать — когда кончится следствие и в чем же собственно дело. Невиновность безусловная и полная, но хотелось бы, чтобы выяснили они это поскорее. Если же пойдешь, милый Саша, к Горькому, то спроси уже заодно и о другом геологе, которого арестовали пять дней спустя после К<азимира> П<етровича>. Мужья-то наши не были очень близки, т. е. этот геолог и К<азимир> П<етрович>, но жена его очень хорошо ко мне относится с тех пор, как арестовали К<азимира>П<етровича>. Она находится в том же полном неведении, что и я, и всё меня спрашивает — где бы и как бы что-нибудь узнать о муже. Может быть, ты попросишь Ал<ексея> Макс<имовича> узнать и о нем: Прокопов Константин Андреевич. Геолог Геологич<еского> Комитета в Ленинграде. Думаю, что его положение хуже, чем К<азимира> П<етровича>, т. к. он был исключен со службы.

Пожалуйста, не заботься о своем долге и не спеши; мне эти деньги сейчас не нужны.

У меня была опять передряга — житейского характера, но неприятная. Свалилась опять совершенно неожиданно, разом. Пришел обследователь от райкоммунотдела, а на другой день — ордер на нашу четвертую комнату, ту, что не оплачивали в тройном размере. Испугалась я очень: одна в квартире — и вдруг вселят хулигана. И за К<азимира> П<етровича> стало обидно: уж очень он всегда трепетал перед вселением. Заметалась. Юрисконсульт сказал: отстоять комнату пустой нет никакой возможности; но право

на самоуплотнение есть. (Т. е. у членов Кубу). В управдоме не сразу это признали, но потом обошлось; самоуплотнение признали.

Ко мне вселилась химичка, моя бывшая сослуживица по Геол<огическому> Ком<итету>. Но ведь это хотя и ограждает от насильственного вселения, всё же не устраивает нас; в нашей маленькой квартире чужой человек очень чувствуется, да и спальни теперь нет. Надеюсь только, что мы получим квартиру от жилищного кооператива Секц<ии> Науч<ных> раб<отников>. Дай-то Бог. Спасибо Вам за участие и ласку. Целую Вас. Пишите. Желаю Вам скорее устроиться с делами и уехать отдыхать в Крым.

Ваша В.К.

29. А.С.Грин — В.П.Калицкой

Феодосия, 23 декабря 1929 г.

Дорогая Вера, посылаю книги, прости, что пишу, если ответишь, не вспоминай... Дела были очень плохи; в марте долг заплатим. Н<ина> Н<иколаевна> шлет привет.

Твой Грин.

Верхне-Лазаретная д. 7. 23 декабря, Феодосия.

30. В.П.Калицкая — А.С.Грину

5 января 1930 г.

Спасибо, милый Саша, за книги. Поздравляю милую Нину Николаевну и тебя с Праздниками и желаю здоровья и мира душевного. Шлю обоим привет. Простите, милая Нина Николаевна, что один раз Вам не ответила. Это только от сложности жизни. Всего хорошего.

Ваша В.Калицкая.

31. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

8 апреля 1930 г.

Дорогая Вера Павловна! Письмо шло три недели по моей вине, т. к. я его всё держала в столе, хотела еще приписать, но было так трудно; я и послала его без добавления. Нас очень огорчило, что Вы поняли это мое письмо как вопль о помощи. И в этом, конечно, я опять виновата, т. к. послала его, даже не перечитав, писала в дни тяжелого настроения. Нет, Вера Павловна, нам не только денег не нужно, но очень и очень стыдно за так долго задержанный долг. Вам — спасибо за доброе и хорошее к нам отношение. Нам, действительно, всю зиму было очень, очень трудно; даже

после последнего приезда Саши из Москвы недели две еще мучились. А теперь ничего, отошло. Получили из высуженной от Вольфсона тысячи 570 р. (остальное вычли в Союз и адвокату), заплатили кое-какие долги, и отдыхаем. За эту зиму мы стали философами — если у нас есть на неделю на пищу и заплачено за квартиру, мы живем, не нервничая и ни о чем не думая. Так и в настоящее время.

Из Москвы Саша вернулся 13 марта, невероятно измученный, без копейки, но с кое-какими перспективами впереди. И вот еще немного помучились. Саша говорит, что больше не поедет в Москву один, т. к., скучая, очень торопится и не успевает ничего сделать как следует. Будем опять ездить вместе.

Дорогая Вера Павловна, Вы советуете нам переехать в центр, ввиду трудного положения с литературой. Многие нам это советуют сделать. И мы несколько раз обсуждали это с Сашей и пришли к выводу, что нам никак нельзя переезжать ни в Москву, ни в Ленинград. И много тому причин.

Первая, и самая главная: — всё наше существо, наш дух, даже манера говорить и мыслить, противны духу современного литературного общества. Это мало нас трогает, когда мы живем здесь, но стоит нам переехать в центр и столкнуться со всем этим на почве практических мероприятий, как мы это остро и сразу почувствуем. В редакциях, за единичными исключениями, Сашу не любят, отдельные литераторы тоже. У нас даже настоящих литературных знакомых нет, всё шапочные. Те же, которые любят Сашу как писателя, так заняты своим преуспеянием, что ни о чем более и не мыслят; они употребляют его (Сашу), как сладкое в минуты отдыха. Живя в Москве, Саша должен будет целые дни толочься по редакциям, в погоне за рублем, просиживать часы, терять здоровье и нервы, через три месяца всем надоест и всех возненавидит. Предположим, заработает — 400–500 р. в месяц, путем, конечно, не настоящей литературы, а халтурой, — в Москве мы их все проживем, т. к. там расходы значительно увеличиваются. Здесь же нам на скромную и спокойную жизнь достаточно 200 р. в месяц. А потом — квартира! Мы четыре года жили, здесь, в квартире, где пятую комнату занимали чужие, которые нас не касались и даже ходили через парадный, были очень тихи и удобны, и то Саша мучился и нервничал. А в Москве — в одной комнате, восемь примусов вокруг, свист, игры, топанье, смех. Да Саша через 2 недели такой жизни или запьет, или сбежит. У нас ведь в квартире очень тихо и покойно. Нам сейчас очень трудно из-за долгов.

Не будь их — мы бы и не волновались. Основной наш долг около 1700 р. Остальное проценты. <...> Если бы мы выиграли большой иск к Вольфсону сразу, как пророчили нам адвокаты Союза, то давно бы погасили долги. Основной иск к Вольф<сону> опять возобновляется, мы хотим через Симферополь, т. к. в Питере у "Мысли" большие связи в суде <...>.

А не судиться нам, Вера Павловна, увы, нельзя. Мы тогда должны прощать свои гонорары. Миром же ничего не выходит. Число врагов, правда, увеличивается, но что с этим поделаешь? Ведь не мы обманываем, а нас. Мы часто мечтаем о том, чтобы кто-нибудь нам присылал регулярно каждый месяц 500 р<ублей>, и так года три. Нам больше ничего не надо. Мы бы даже поездили на эти деньги, и Саша писал бы, что хочет.

Вот теперь ему охота писать роман "Недотрога". Приходится отвлекаться. Как приехал — стал писать свою биографию для юношества, для "Следопыта"[328], по заказу, увы! Послал лист — детство до отъезда в Одессу. Очень хорошо!

Про Гуля Вы читали, Вера Павловна? Так вот, он на днях умер. Не болел, но перестал есть последние полутора суток, стал слабенький и вдруг неожиданно умер. Мы с Сашей очень горевали, в особенности Саша; до сих пор кажется, что он около нас. Говорят, что с птицами это бывает весной от тоски, если они не на воле. А он, бедняга, оказывается, никогда не смог бы летать. У него после укуса кошки неправильно срослось предплечье. Это мы увидели, уже когда он умер. Так что, может быть, — смерть — его счастье. Решили птиц больше не брать.

Вот, Вера Павловна, всё, что у нас есть нового, хорошего и худого. Еще раз спасибо Вам за доброту и участие. Я эгоистически пишу всё о себе. А о Вас самой и не спрашиваю. Мне кажется, что не очень-то весело у Вас на душе. И мира не стало с прошлого года? Так мне кажется потому, что Вы ждали письма от меня (а я в те дни часто думала о Вас), значит Вам хотелось чьей-то руки. Может быть, я ошибаюсь, дай Бог... От души хочу Вам хорошего и тишины внутри. Мы нынче много думаем о Боге. Я часто молюсь, не оттого, что нам плохо, а от чистоты и какой-то мудрости внутри. И даже хочу говеть на будущей неделе, чего не делала 15 л<ет>. С Вами ли мы говорили о религии как дисциплине души? Для меня сейчас это так — для счастливых — дисциплина души, для несчастных — прибежище.

Простите, Вера Павловна. Жму Вашу руку.

Ваша Н.Грин.

32. А.С.Грин — В.П.Калицкой

8 апреля 1930 г.

Дорогая Вера, Нина так хорошо описала тебе наше житье, что к этому ничего уже не прибавишь более живописного. Ястреб наш умер, — как заснул, сидя в коробке с ватой, его глаза остались открыты, как у живого. Зарыли мы его в нашем маленьком садике. Он не мог бы летать, в журнале я сочинил[329], что он стал летать, потому что мне очень хотелось этого. Так вот я думаю, что Бог сжалился над ним. Всё равно его жизнь невеселая была.

Религия, вера, Бог, — это явления, которые в чем-то искажаются, как только обозначишь их словами. Религиозное чувство, религиозное знание, вера — слишком обширные понятия для того, чтобы определять их словами. Слово ограничивает эти чувства. Не знаю почему, но для меня это так, между тем, как другие чувства — любовь, нежность, напр<имер> привязанность и т. д. ощущаются полнее, когда названы словами.

Мы с Ниной верим как дикари, просто, ничего не пытаясь понять, так как понять нельзя. Нам даны только знаки участия Высшей Воли в жизни. Не всегда их можно заметить, а если научиться замечать, то многое, казавш<ееся> непонятным в жизни, вдруг находит объяснение. Будь здорова.

Твой А.Грин.

33. В.П.Калицкая — А.С.Грину

28 мая 1930 г.

Милый Саша, это письмо — именно Тебе. Нине Николаевне пишу отдельно. Долго думала: зачем писать и логически — не знаю — зачем. Так, по внутреннему голосу, который надо слушать. Еще и потому, что часто думала: почему Ты, все-таки, не хочешь вполне порвать со мной? Что за паутинка все-таки тянется от Тебя ко мне? Я не понимаю, ее существование удивляет меня. Прости, что так пишу; но я знаю, что ты не мелочен и на такой пустяк не обидишься.

Я, с годами, поняла, что не должно и не нужно поддерживать кое-какие (далее несколько слов зачеркнуто. — *Сост.*), а главное "ненастоящие" отношения: как угодно малы, но пусть будут настоящими. Когда-то отец подарил мне золотой полтинник времен не то Елизаветы, не то Екатерины. Цена-то ему была 50 коп., был он крохотный, но был из червонного золота. Вот такие-то отношения, хоть на полтинник, но из червонного золота, я только теперь и ценю; а других мне не надо. Понимаешь ли Ты меня?

Ты однажды мне сказал что-то в таком роде: "Ведь ты, Верушка, неглупый человек". Я не удивилась этому, только спросила Тебя,

почему Ты думал раньше, что я — дура. Не удивилась вот почему: во мне два существа: человек и женщина, т. е. чья-нибудь жена, любовница или просто увлекаюсь хотя бы платонически — то делаюсь инфантильной, безвольной и глупой, дурой. А как человек я не глупа. Так вот, милый Саша, с Тобой мы не муж с женой давно, мы просто знакомые, и я, поэтому, стала человеком с Тобой. Я теперь вижу и знаю Тебя, а раньше не видела, а только чувствовала. Чувствовала иногда нежность, а чаще обиду и боль. Было у меня еще одно заблуждение: я думала, что Ты искренне не понимаешь то, что делаешь. Задумывалась: умен Ты или неумен? А теперь я знаю, что Ты умен и психолог и что Ты всегда знал, что делал, делал сознательно. Ты меня однажды спросил: "Как Ты могла столько спускать мне?" Да вот потому, что думала, "что не ведает, что творит".

Я это пишу затем, чтобы объяснить Тебе, что если я требовала, чтобы Ты оставил меня в покое, то, главным образом потому, что я "спускать" теперь решительно ничего не могу и не стану, нет у меня для этого (слово зачеркнуто. — *Сост.*) сил (слово зачеркнуто. — *Сост.*), да и смысла в этом никакого не вижу. Если Ты почему-либо хочешь сохранить дружбу со мной, то будь другом корректным; большего я не требую, а если я Тебе просто не нужна, что вполне естественно и понятно, то зачем, собственно, тянуть фальшивые отношения? Это только унижает обоих. Лично видеться с Тобой я все-таки не могу, но тут причины иные, а насчет переписки и т<ому> под<обное> — реши сам. Пойми, что я имею право требовать к себе элементарного уважения. Ведь в моем отношении к Тебе — нет решительно никакой заинтересованности. Но я слишком устала от жизни, слишком много, в частности, и от Тебя вынесла горя, чтобы не иметь, наконец, права на спокойствие и уважение. Вражды у меня к Тебе нет. Всего хорошего. Будь здоров и счастлив.

В<ера>.

Прости, что я не ответила быстро на Твое последнее коротенькое письмо о религии. Если бы не оно — так я бы, вероятно, и вообще не сумела бы написать Тебе. У меня одно время пропало всякое доверие к Тебе, даже самое минимальное. Но когда я прочла Твое коротенькое письмо, я подумала, что ошибалась. Ведь только ханжи и лицемеры "умеют" писать легко и развязно о Боге. А ты написал очень хорошо. И опять блеснула та сторона Твоей души, с которой не страшно. Но я (зачеркнуто слово. — *Сост.*) не знала, что ответить, как написать. Потому так долго и не писала. Была и другая причина моего молчания, — но о ней пишу Н<ине>Н<иколаевне>.

В<ера>.

34. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

3 июня 1930 г.

Дорогая Вера Павловна!

Это письмо я пишу по просьбе Саши; он говорит, что у него не хватит спокойствия и убедительности, чтобы написать его как следует. <...> Дело в том, что, как Вы знаете, мы с июня прошлого года судимся с Вольфсоном из-за неизданного остатка книг. В августе того же года был кассац<ионный> суд, оставивший приговор первого суда в силе, затем должен бы следовать Верх<овный> Суд. <...> Мы до сих пор не знаем наверное, было ли наше дело в Верх<овном> Суде. Наш поверенный что-то основательно здесь закрутил; что — понять мы до сих пор не можем. <...> Раскрылись несколько совершенно явных обманов нашего поверенного по отношению к нам в Литер<атурном> фонде[330] и в издательствах, обманов, клонившихся к ухудшению нашего положения. <...> Результат всего этого тот, что рассмотрение этого дела до́лжно начать снова.

Мы хотели подать в Симферополе, думая, что дело подсудно по месту нашего жительства, но здешняя коллегия сказала нам, что дело должно рассматриваться по месту жительства ответчика, т. е. в Ленинграде. <...> И вот просьба. Вера Павловна, может быть, Вы или Ваши знакомые знаете адвоката, не забитого и приличного в пределах адвокатской честности и приличия <...>. Если есть такой у Вас знакомый, не передадите ли Вы ему наше заявление с тем, что он сам проведет его в коллегию и сам будет выступать. <...>

Если не сможете — то, пожалуйста, сразу известите, т. к. до конца срока подачи в Вер<ховный> Суд осталось 2 1/2 мес. <...>

Живем как? Минимально сыты и больше ни о чем не думаем, даже о будущем месяце или неделе. Всё, что есть, — очень дорого; это и у Вас — одинаково.

Целую Вас крепко, дорогая Вера Павловна. Саша кланяется и извиняется. Привет Каз<имиру> Петровичу.

Ваша Н.Грин.

P.S. Пожалуйста, милая Вера, исполни нашу просьбу: или укажи защитника, лично <ему> отдай, или позвони знакомым известным, или, будь добра, передай прилагаемое в Коллегию защитников!

Твой А.С.Грин.

Будь здорова, не сердись!

(Приписка выполнена А.Грином. — *Сост.*).

35. А.С.Грин — В.П.Калицкой

После 3 июня 1930 г.

Дорогая Вера!

Только что мы послали тебе просьбу с судебн<ым> заявлением, как получили твои письма и деньги. Ты не можешь себе представить, как эти деньги нас тронули, я не послал их тебе обратно только потому, что они были — от сердца. Хотя, признаюсь, у нас оставалось 2 рубля. Я недавно был в Москве, где выяснилось, что мы должны получить за печатаем<ый> в 7 № журнала "Знание — Сила" — рассказ — 70 р. Кроме того, я завел дело с изд<ательств>ом "Федерация" на написание книги моих автобиогр<афических> воспоминаний[331], — условно было это признано желательным, и вот теперь ждем со дня на день окончат<ельного> ответа. Если договор заключим, — деньги будут. То же самое, если удастся заключить договор с "З<емлей> и Фабр<икой>" на печатание книги "Избран<ные> произв<едения>" под общим названием "Остров Рено", — за 23 года писательства.

Ионов отнесся положительно; посмотрим конкретнее. С собой привез 75 р., остаток гонорара за расск<аз> для "Кр<асной> Нивы".

Самые главные надежды — на дело с Вольфсоном.

Теперь я хочу тебя дружески побранить за те — как бы — сомнения в моем и Нинином отношении к тебе. Прости, что так прямо ставлю вопрос. Нину Николаевну ты знаешь, она человек совсем искренний, что касается меня, то среди всех моих пороков и недостатков есть одно неизменное свойство: я не могу и не умею лукавить душой. А мое отношение к тебе такое, как оно вытекает из самой твоей сердечной и благородной природы. Оно — настоящее отношение и никаким иным быть не может. На свете очень немного настоящих людей и если мне, по спутанности моей натуры, не всегда удается завоевать их уважение, то зато у меня есть духовное зрение — видеть этих людей. "Дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей". Это написал Достоевский. Ко мне приложить его фразу — будет очень громко, но у меня сильно развиты две стороны: совесть и импульс, нравственное размышление, всегда безошибочное, и туча инстинктов, поддерживаемых почти беспрерывным нервным напряжением. Если кто заглянет в меня, тот увидит, как отрицательно я отношусь к себе, к этой двойственности.

Будь здорова и не думай обо мне хуже, чем я, действительно, есть. Поверь, это не ханжество; так про себя писать довольно противно, но надо.

Твой А.Грин.

36. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

14 июня 1930 г.

Милые Нина Николаевна и Саша, только сегодня выяснилось окончательно положение Вашего дела. <...> Разыскав гражданскую канцелярию Л<енинградского> Суда, я узнала только, увидела своими глазами, что 2 Ваших дела лежат в архивном шкапу. <...> Сегодня же ответ определенный. Дело было в касс<ационном> суде, как Вы и знали, и суд подтвердил решение 1-го суда. В мае 1930 года Ваш поверенный обращался в Суд и добился высылки Вам в два приема денег. Получили ли Вы их? (Это 1000 с чем-то, Вы знаете). Дальше можно только подать прошение на имя председателя Верховного Суда. <...> Но на этот суд никого вызывать не будут. Только будет извещение: находит ли он, председатель, нужным назначить пересмотр этого дела или нет. Дело лежит в Ленинградском Суде (Верховный Суд — в Москве), следовательно, оно В<ерховным> С<удом> не затребовано. <...> Я говорила <...> с О.Я.Рабиновичем, опытным юристом по литературным делам. Спросила, как быть дальше. Он сказал: дать докончить дело поверенному, который вел дело. <...> Вот всё, что я могла сделать. Очень жалко, что результат такой отрицательный.

Хорошо лишь то, что срок договора с Вольфсоном истек, и что Вы теперь свободны распоряжаться (слово зачеркнуто. — *Сост.*) книгами. Я вспомнила первую Сашину книгу, "Шапка-невидимка". Там были рассказы из революционного быта. Я уверена, что они пошли бы и теперь.

От души желаю Вам поправить денежные дела. Могу понять, как Вы устали. Целую Вас, милая Нина Николаевна. Привет Саше и Ольге Алексеевне. Получили Вы мои письма и деньги?

Ваша В.Калицкая. <...>

37. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

21 июня 1930 г.

Милые Нина Николаевна и Саша, получила Ваши письма. Спасибо. Ты прав, милый Саша, что людей настоящих мало. И людей, и отношений настоящих до ужаса мало. Иногда, поэтому, жизнь кажется страшной. Бывают часы малодушия. Мне очень жаль теперь, что в часы такого малодушия я написала Тебе последнее письмо и расстроила Вас обоих. Впрочем, письмо было адресовано лишь Тебе. Милая Нина Николаевна, почему Вы подумали, что Вы в чем-то виноваты? Я и понять этого не могу.

Вятка. Спуск Александровского сада к реке Вятке.
Фото начала XX в.

Александровское училище. Здесь будущий писатель учился в 1889–1892 годах (с перерывом в один год). Открытка начала XX в.

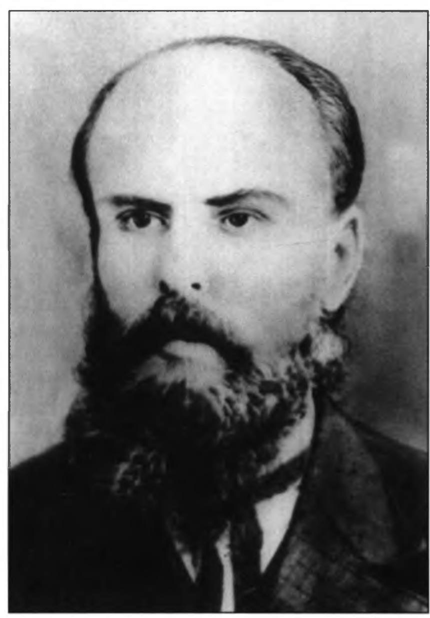

Вятка. Видовая открытка начала XX в.

Вятская земская больница, в которой много лет работал отец А.С.Грина. Видовая открытка начала XX в.

Родители писателя: Анна Степановна Гриневская (фото ок. 1890 г.) и Степан (Стефан) Евсеевич Гриневский (фото ок. 1900 г.)

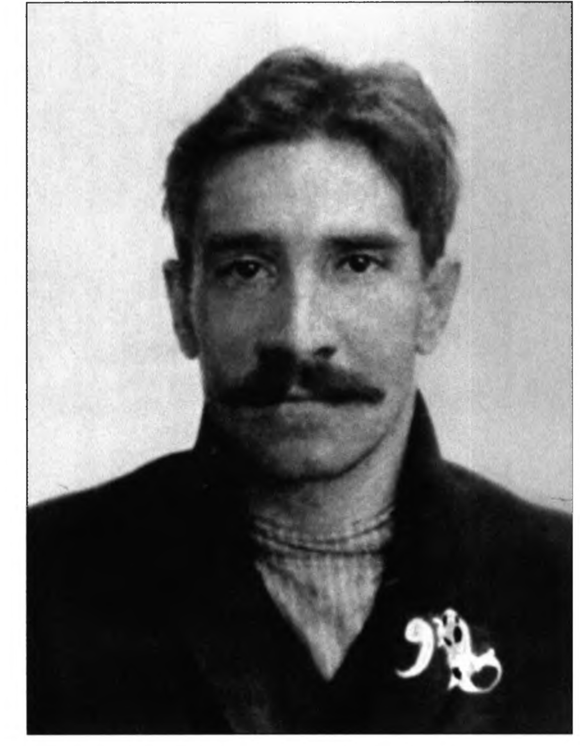

Зимой–весной 1898 г. А.С.Грин служит в городском театре в Вятке — переписывает роли для драматической труппы

В июле 1896 г. А.Грин приехал в Одессу поступать в мореходные классы. Видовая открытка начала XX в.

Одесса. Видовая открытка начала XX в.

А.С.Гриневский. Петербург, 8 января 1906 г. Полицейская карточка. Самая ранняя из известных фотографий писателя

В Пензе в 1902 г. А.С.Грин служил рядовым в армии, где вступил в партию социалистов-революционеров. Видовая открытка начала XX в.

Екатерина Бибергаль. Севастополь, 1903 г. Фотограф М.П.Мазур

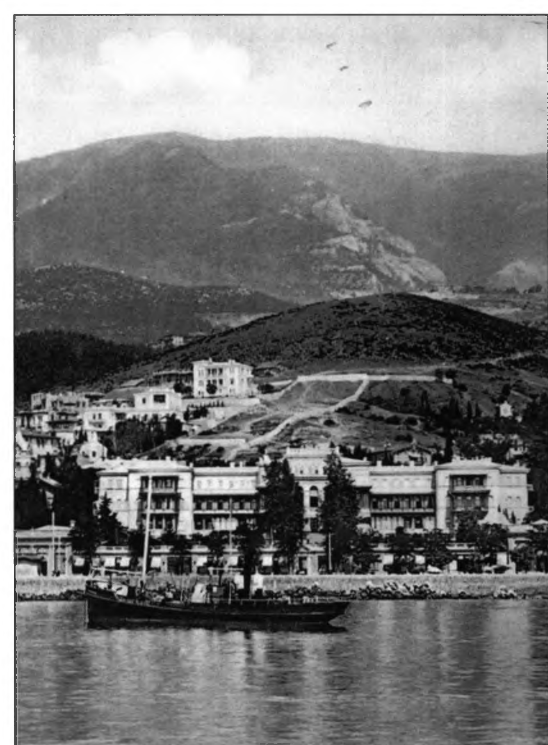
В Севастополе и Нижнем Новгороде в 1903 г. А.Грин вел революционную пропаганду. Открытка начала 1900-х годов

Севастополь. Видъ съ Карантинной улицы.

Видовая открытка начала 1900-х годов

Ялта. В доме С.Я.Елпатьевского (на снимке — верхнее здание) А.Грин гостил в 1903 г. Фото начала 1900-х годов

Петербург. Вид на Невский проспект у Голландской церкви. Фотограф Карл Булла. Начало 1900-х годов

Е.Ф.Абрамова, бабушка Веры Абрамовой (Калицкой). Петербург, 1890-е годы. Фотограф И.И.Недешев. ФЛММГ. Публикуется впервые

Вера Абрамова (Калицкая). Петербург, ок. 1892 г. ФЛММГ. Публикуется впервые

П.Е.Абрамов, отец В.Абрамовой (Калицкой). Петербург, 1890-е годы. Фотограф К.Андерсон. ФЛММГ. Публикуется впервые

Вера Абрамова (вторая слева) в группе гимназисток. Петербург, 1896–1897 гг. Фотография "Грюнберг и Котковский" (Невский, 27). ФЛММГ. Публикуется впервые

Петербург. Перспектива Невского проспекта от Малой Конюшенной улицы к Садовой. Фотограф Карл Булла. Фото до 1902 г.

Вера Абрамова. Петербург, ок. 1897 г. ФЛММГ. Публикуется впервые

Вера Абрамова.
Фотограф М.Кадиссон (Невский, 52). Петербург, начало 1900-х. ФЛММГ

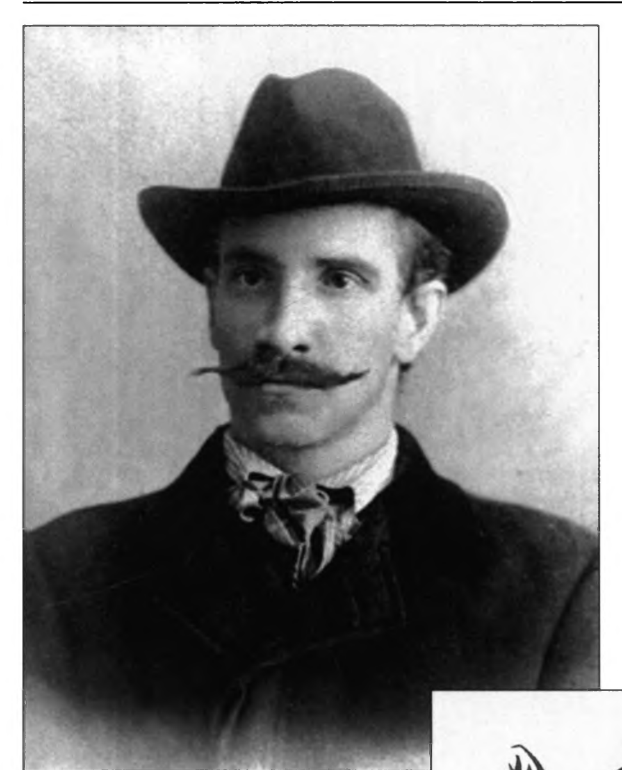
Петербург.
Александровский сад и Александровская колонна.
Фотограф Карл Булла.
Начало 1900-х годов

Вера Абрамова.
Петербург, 1910 г.
ФЛММГ

Литераторы Петербурга. Стоят: Н.Олигер, П.Потемкин, А.Котылев, А.Грин. Сидят: Л.Андрусон, М.Арцыбашев, В.Башкин, В.Ленский, Я.Годин. Фото из сборника "Альманах17" (СПб., 1909)

А.С.Грин.
На обороте фото надпись: "Моей горячо любимой Вере. 18-го окт. 1908 г."

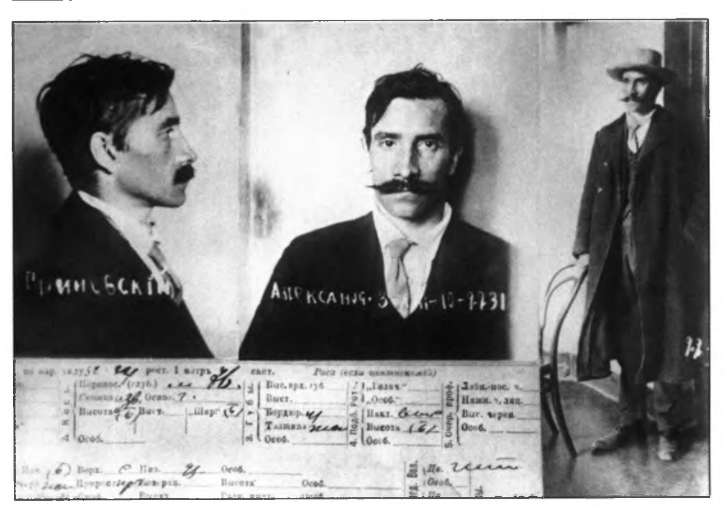
А. С. Гринъ.

Шапка невидимка.

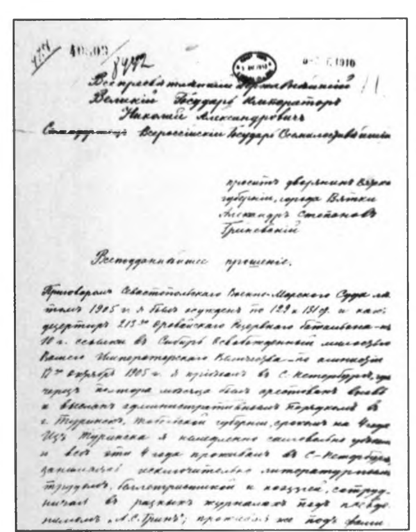
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1908.

Обложка первой книги А.С. Грина (СПб., 1908)

А.С.Гриневский. 3 августа 1910 г. Снимки сделаны в Петербургском охранном отделении

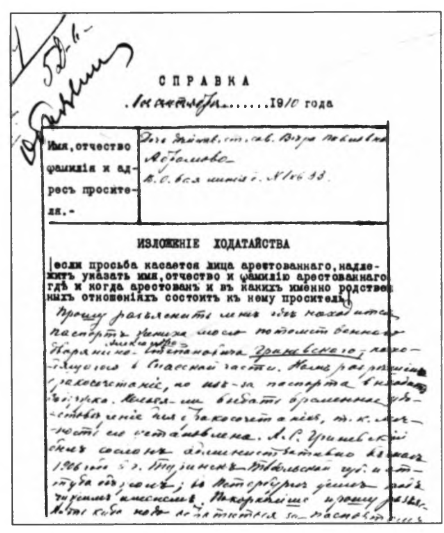

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Николай Александрович Самодержец Всероссийский Государь Всемилостивейший

просит дворянин Вятской губернии, города Вятки Александр Степанов Гриневский

Всеподданнейшее прошение.

Прошение А.С.Гриневского императору Николаю II. Петербург, 2 августа 1910 г.

СПРАВКА

........1910 года

Имя, отчество фамилія и адресъ просителя.-	Абрамова

ИЗЛОЖЕНІЕ ХОДАТАЙСТВА

(если просьба касается лица арестованнаго, надлежитъ указать имя, отчество и фамилію арестованнаго, гдѣ и когда арестованъ и въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ состоитъ къ нему проситель)

Прошу разъяснить мне где находится паспорт жениха моего ... Гриневского ...

Ходатайство В.П.Абрамовой о выдаче удостоверения на бракосочетание с А.С.Гриневским. Петербург, 1 сентября 1910 г.

Пинега. Фото рубежа XIX–XX веков

Гриневские — Александр Степанович и Вера Павловна (вторая справа) — в архангельской ссылке. Деревня Великий Двор близ города Пинега. Лето 1911 г.

Река Северная Двина у Архангельска.
Видовая открытка начала XX в.

Архангельскъ. Воскресенская ул.

Архангельск. Видовая открытка начала XX в.

Дело о высылке в Архангельскую губернию под надзор полиции А.С.Гриневского. 1910–1912 гг.

Канцелярии Архангельского гражданского губернатора

1 стол

ДЕЛО

№

о высылке в Архангельскую губ. под надзор полиции за принадлежность к социал-революционной партии потомственного дворянина А.С. Гриневского

Начато 25 сентября 1910 г.

Окончено 22 мая 1912 г.

На 66 листах

Фонд 1 Опись 5 Ед. хр. 870

Дело о состоящем под гласным надзором полиции потомственном дворянине Александре Степановиче Гриневском. 1910–1912 гг.

По архивной описи №

По описи

По 34 ст. Полож. о Государ. охранѣ.

Областной Исторический Архив

ДѢЛО

КАНЦЕЛЯРІИ АРХАНГЕЛЬСКАГО

Губернатора

о состоящемъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи потомственномъ дворянинѣ Александрѣ Степановѣ Гриневскомъ

Высланъ за принадлежность к социал-революціонной партіи

на 2 года, срокъ окан. 15 мая 1912 года

Начато: 30 Сентября 1910 г.

Кончено: 22 мая 1912 г.

На 66-ти листахъ.

№ 10

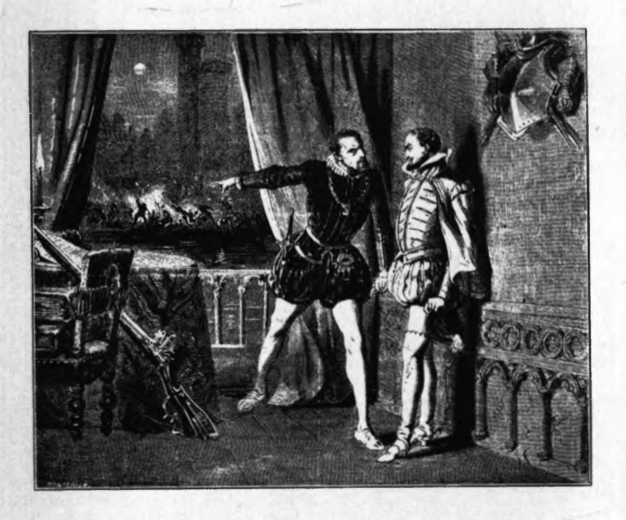
КОРОЛЕВА МАРГО

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Александра Дюма

съ рисунками АЛЬФРЕДА де-НЕВИЛЛЯ

Перевела М. Н. Тимофеева.

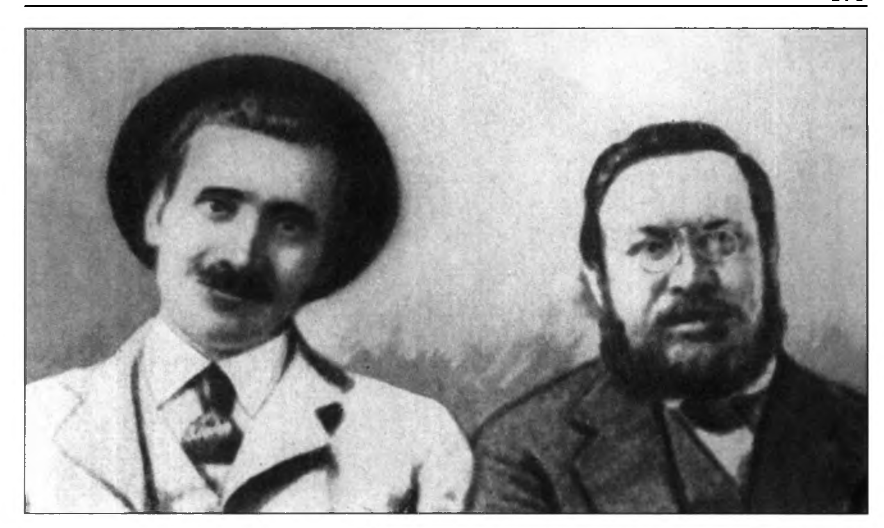
Гляди—и ты поймешь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Складъ изданія при Владимірской типографіи, Владимірскій пр., 19.

1904.

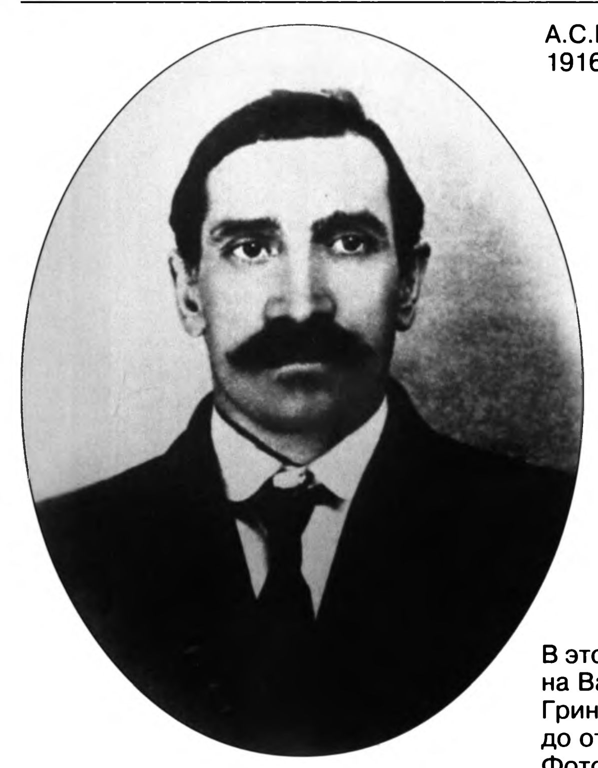
Титульный лист книги, подаренной А.С.Грином Вере Павловне с надписью: "Милой моей Гелли, вдохновительнице и покровительнице, от сынишки и плутишки Саши". 1912 г. ФЛММГ. Воспроизводится впервые

А.С.Грин и Л.И.Андрусон.
Любительская
фотография 1913 г.

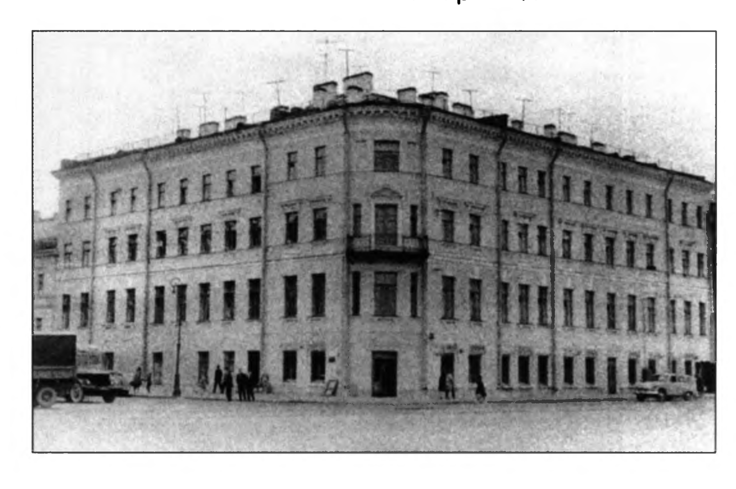

А.И.Куприн.
Фотооткрытка 1910-х гг.

А.С.Грин. Петроград, 1916 г.

В этом доме на Васильевском острове Гриневские жили до отбытия в ссылку. Фото 1960-х гг. из архива Н.Н.Грин. ФЛММГ

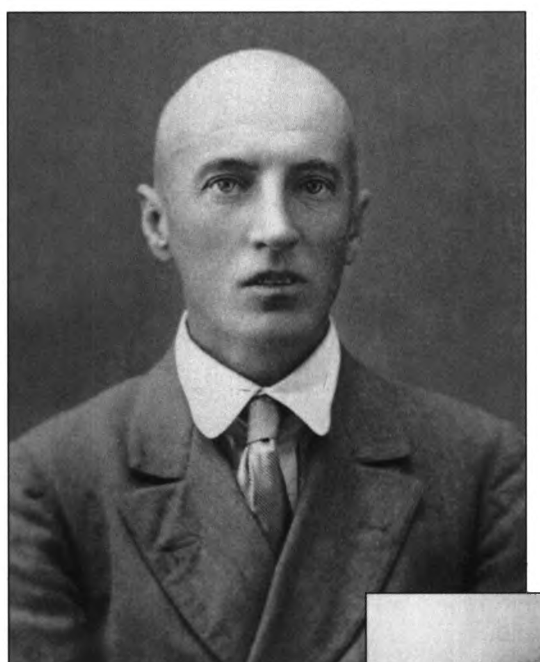

Единственному моему
другу – Вѣрѣ – посвящаю
эту книжку и всѣ
послѣдующiя.
А.С. Гринъ.
11-го Апрѣля 1915 года.

Факсимильное воспроизведение автографа А.С.Грина в книге "Загадочные истории"

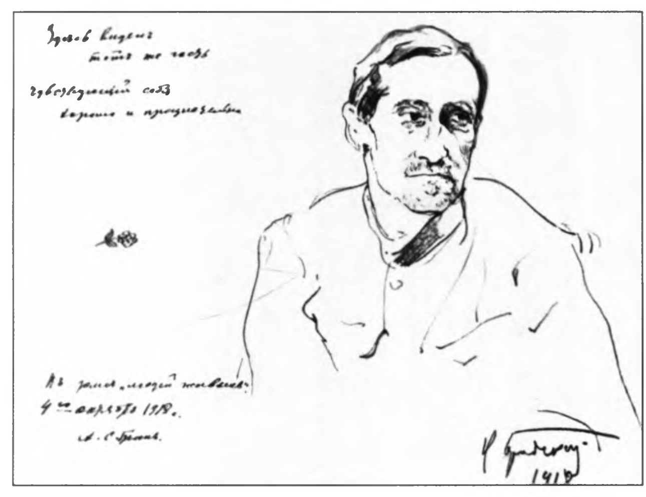

Обложка книги, выпущенной в Петрограде в 1915 г. журналом "Отечество". Художник Н.Ремизов. ФЛММГ

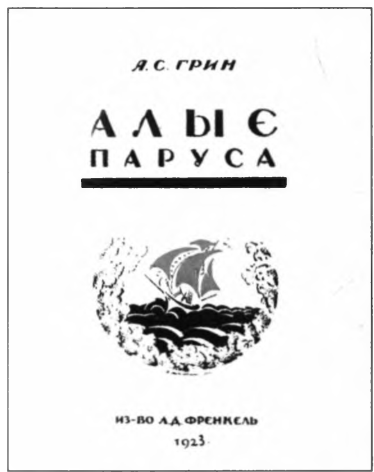

Казимир Калицкий. Ленинград, середина 1920-х гг. ФЛММГ. Публикуется впервые

Вера Калицкая. Ленинград, середина 1920-х гг. ФЛММГ

А.С.Грин. Рисунок Исаака Бродского. 1918 г.

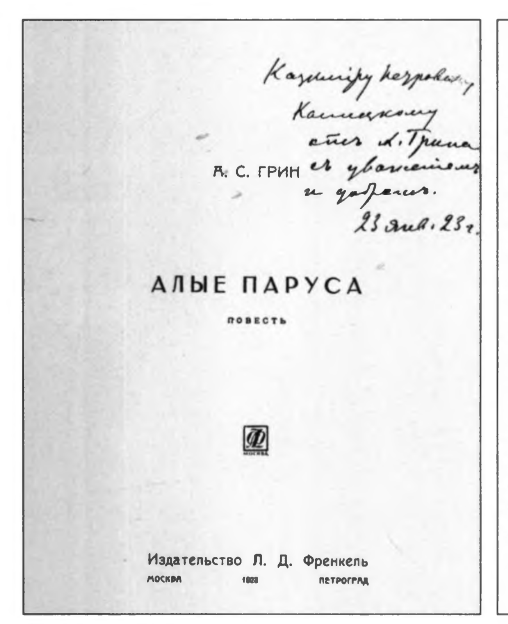

Первое издание повести (Пг., 1923). Художник А.Могилевский

Нина Грин. Фото 1920-х гг.

Конверт письма А.С.Грина В.П.Калицкой 23 октября 1928 г. ФЛММГ. Воспроизводится впервые

Титульный лист книги, подаренной К.Калицкому с автографом А.Грина: "...с уважением и добром. 23 янв. 23 г." Частное собрание

№4 21 Января 29 год

Милая Вера! Оба мы сердечно поздравляемъ тебя и Каз. Петр. съ новымъ годомъ, желаемъ здоровья, успѣховъ и бодраго настроенія.

Письмо получили; но это было не "порученіе" – подарокъ на судъ, а, просто думали, что можетъ быть, тебѣ самой будетъ интересно. Результатъ былъ такой: первый судъ опра-

Страница письма А.С.Грина В.П.Калицкой. Феодосия, 21 января 1929 г. ФЛММГ. Воспроизводится впервые

А.С.Грин в рабочем кабинете. Феодосия, 1926 г.

Феодосия. Дом на ул. Галерейной, где семья А.С.Грина жила с сентября 1924-го по апрель 1929 г. Фото 1960-х гг.

А.С.Грин.
Феодосия, 1928 г.

Феодосия. Старый город. Видовая открытка начала XX в.

№ 13

Материалы для биографии

А. С. Грина (Александра Степановича Гриневского)

Материалы эти писались таким образом: А. С. Грин с женой своей Ниной Николаевной приезжали из Феодосии по литературным делам в Ленинград в 1927 году и в 1928. В. П. Калицкой пришла мысль собрать материалы для биографии А. С. Грина. Она составила 50 руководящих вопросов. А. С. Грин в присутствии своей жены Н. Н. давал ответы. Они были записаны В. П. Калицкой. Затем [illegible] они проверили и дополнили их. [illegible] А. С. Грином; дополнения [illegible] в Феодосии, написаны Н. Н. Грин.

8

охотой, как траппер, но ничего из этого не вышло. Через неделю вернулся назад.
Поступил банщиком на жел. дорогу, на ст. Мураши. Жил в [illegible] предбаннике, [illegible], получал 40 коп. в день; Работы было немного, много читал. Скопил 15 рублей (Вернее ч., в 1901 г.)
В апреле [illegible] поступил, в ранние, на баржу Булычева. Ходили по Вятке, Каме, на Казань и Нижний. Получал 8 рублей на своих харчах. Служил месяца два.
[illegible] Поступил на военную службу. Везли кружным путем через г. Тюмень в г. Пензу. Служил там в Оровайском батальоне. Пробыл в солдатах всего 9 месяцев, из них 3½ м. пробыл в карцере. Первый раз

Выходит: зима 1900–1901 г., а не 1901–[illegible]
1901 и 902 годы [illegible]

Страницы биографии писателя, составленной В.Калицкой, с правками Александра и Нины Грин. 1928 г. ФЛММГ

Почтовая карточка с письмом Н.Н.Грин В.П.Калицкой. Старый Крым, 8 февраля 1932 г. ФЛММГ. Воспроизводится впервые

№ 23
ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
POŜTA KARTO

Куда: г. Ленинград
Вас Остров 5-я линия
д. 54 кв. 10

Кому: Вере Павловне Калицкой

Ст. Крым 8/II 32

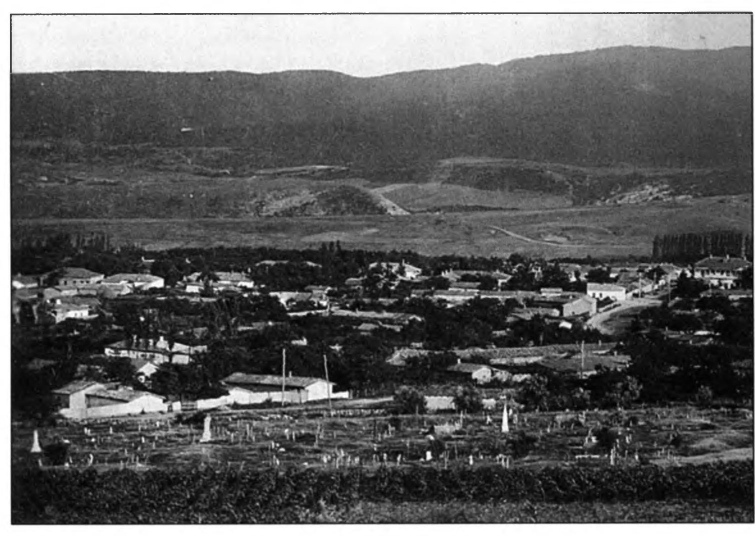
Дорогая Вера Павловна! Не могу не поделиться с Вами нашей радостью, материальной: как Вы писали, т-во Пис. купило книжку Саши, вчера прислали договор: по 300 р. с листа, по 250 р. в месяц. На много месяцев я свободна от забот. После моего Вам письма у А.С. [illegible] 23 было ухудшение, теперь второй день лучше. У меня же никак не заживает рана, и к доктору не могу поехать, начался какой-то страшный буран, с большим трудом вышла на улицу, так завалило двери. Мороз 18°. Нынче устали от зимы, она началась в ноябре. Не знаю, когда уйдет из С.Кр. эта открытка, т.к. почта не может выйти, на шоссе горы снега. Всего хорошего, крепко Вас целую. Привет К.П.

Ваша Н.Грин

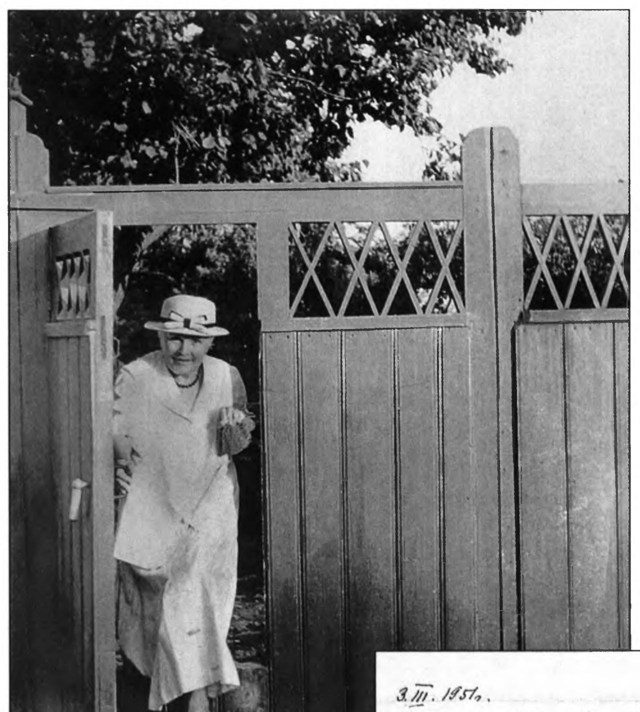
А.С.Грин, Н.Н.Грин и О.А.Миронова на кухне в доме на Галерейной в Феодосии. 1927 г.

Последняя прижизненная фотография А.С.Грина.
Старый Крым, июнь 1932 г.

Панорама Старого Крыма. Фото 1920-х гг.

Нина Грин.
Старый Крым,
дом Пелагеи
Белолипецкой,
начало 1960-х гг.
Фотограф
С.Калмыков

3.III.1951 г. Ленинград
Дорогая Нина Николаевна, 27.II получи-
ла два Ваших письма. Очень досадно и
грустно, что деньги опять задерживаются.
Сказать не могу, как это неприятно. Дума-
ла, как тут быть. Вы пишите, что полу-
чили только те деньги, которые я послала
Вам из Печор, а я с тех пор посылала, как
уже писала Вам: в ноябре, в декабре, в
январе и 3 февраля! Думаю сделать
так: 15-17 марта, как делала до сих пор,
денег не пошлю, но пошлю к 15 апреля, а
пошлю 1-2 апреля посылку. Ведь, пом-
нится, первая моя посылка до Вас до-
шла. Только пожалуйста известите
меня немедленно в том случае, если
Вас переведут, дайте Ваш новый адрес.
Дай-то бог, чтобы перевели в более сухое
место! Пошлю я только самое необходи-
мое: масло топленое, сахар, манную крупу,
мыло, нитки... Вероятно, пошлю раньше
1/IV, а то уж очень долго Вам ждать. Для

Страница последнего
письма Веры Калицкой
Нине Грин. Ленинград,
3 марта 1951 г. ФЛММГ.
Воспроизводится впервые

Вера Калицкая. Ленинград, конец 1930-х гг. ФЛММГ

В.П.Калицкая (справа) на даче. 1933 г. ФЛММГ. Публикуется впервые

Бюст Грина (скульптор Т.Гагарина) во дворе Дома-музея писателя в Старом Крыму. Фото 1980-х гг.

Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С.Грина (открыт 9 июля 1970 г.). Фото 1980-х гг.

Но уверяю Вас, что это не так. Даже и придумать не могу, каким образом Вы можете быть виноваты в каких-то моих переживаниях. Уверяю Вас, что Вы ошибаетесь. В искренности Вашего доброго отношения я никогда не сомневалась. Тому же, что у Саши такая хорошая жена, я могу только радоваться.

Письмо Твое, милый Саша, мне доставило радость. Тон я чувствую безошибочно. И сразу поверила, что отношение Твое ко мне подлинное. Этого мне и надо было. Значит, всё хорошо.

Мне очень неприятно было писать Вам, что мало надежд на дело с Вольфсоном, но что я могла поделать. А ложных надежд подавать нельзя.

Всего хорошего. Пишите, как дела. Шлю обоим сердечный привет.

Ваша В.Калицкая.

38. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

28 июня — 5 июля 1930 г.

Дорогая Вера Павловна! Ради Бога простите, что мы Вам доставили столько хлопот и затруднений. Мы представляли всё это гораздо проще. Спасибо Вам за всё и еще раз простите. Ваше письмо очень нам помогло, т. к. из него мы узнали, что дело, если и решалось в В<ерховном> Суде, то, во всяком случае, без затребования документов из Ленинграда. Мне хочется Вам очень рассказать всё это <...>. Всю зиму мы добивались <...>, что с нашим делом в Вер<ховном> Суде. <...> Два дня тому назад приехали в Москву, отправились в В<ерховный> Суд и стали искать дело, начиная с января этого года, т. к. рассчитали, что если адвокат ссылается, что он говорил в марте, то значит оно было подано в этом году. Оказалось — оно было подано 2 декабря — 29 г. — рассмотрено 7 декабря того же года. Мы потребовали жалобу, которую он подавал, надеясь найти разгадку отказа. Увидя жалобу — мы поняли, что она не была даже прочитана, только первые две страницы. Страшно возмущенные, мы решили обратиться к члену В<ерховного> Суда с просьбой о пересмотре. Нам отказали в приеме. Тогда, по совету секретаря суда, мы написали подробное заявление о причине нашей просьбы принять нас и пересмотреть дело в В<ерховном> Суде. На следующий день нас приняли. И — наше удивление! — только посмотрев на дело, — судья заявил, что оно даже не читалось, расспросил нас, наложил резолюцию — пересмотреть дело в Верховном Суде, истребовав дело из Ленинграда и все документы от Крутикова. Через 2 недели обещал решение. У нас явился просвет! Будем ждать, надеясь на Бога, т. к. мы справедливы в своих требованиях и хотим законного.

Вер<ховный> Суд старое, большое дело вытребовал из Ленинграда в Москву. И живем мы теперь в ежедневном ожидании получения дела из Ленинграда.

Так все внутри стонет и болит от ожидания решения, т. к. литературные дела наши абсолютно плохи и безнадежны. И не знаешь, на что кинуться, что делать. Я Саше предлагала, что займусь чем-нибудь, — он на дыбы. Поживем — увидим.

Всё я пишу Вам о нашем деле, стало оно звучать, как какой-нибудь диккенсовский бесконечный процесс[332], может, даже комично и надоедливо со стороны, а нам не весело.

Но в общем — пока живем — надеемся. Спасибо Вам еще раз, дорогая Вера Павловна, за всё. Целую Вас.

Ваша Н.Грин.

39. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

11 июля 1930 г.

Дорогая Вера Павловна! Очень стыдно опять обращаться к Вам, но буквально больше не к кому. <...> Дело в Ленсуде. Верховный суд затребовал оттуда наше большое с Вольфсоном дело уже 2 недели назад, а они не шлют. Очень волнуемся. Ехать в Ленинград не на что. Каждый день ходим в суд, и всё нет.

Будьте доброй, Вера Павловна, потребуйте у них *немедленной* высылки из архива дела № 69869 А.С.Грина с "Мыслью" в Москву в Верх<овный> Суд. Мне в суде посоветовали обратиться к питерс<ким> знакомым, чтобы поторопили высылку. На это доверенности не нужно. И ради Бога, простите за беспокойство. Я хотела послать туда телеграмму, а в суде говорят — "они ее пришьют к делу, и конец". Простите еще раз.

Ваша Н.Грин.

40. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

28 июля 1930 г.

Дорогая Вера Павловна!

Спасибо Вам за телеграмму. С ней пошли в суд, и оказалось — дело уже пришло, а до того каждый день отвечали, что нет его. Вчера дал свое заключение член Верх<овного> Суда, которому оно было дано для просмотра: — "передать на рассмотрение гражданской коллегии Вер<ховного> Суда. Этого мы и хотели. Предположить — каково будет решение этой коллегии, мы не можем, но, зная свое право, надеемся. Два дня тому назад Саша взял у Крутикова (нашего адвоката) свою доверенность. Мы не могли

больше терпеть его издевательств. Все усилия он употребил на то, чтобы нас запугать в нашем начинании с Верх<овным> Судом, лгал по всякому поводу, не хотел с Сашей ходить в суд, дать документы. А пускать его одного мы боялись. Не хотел с нами даже разговаривать об этом деле, увиливал. Один раз на 5 мин<ут> документы наши попали ко мне в руки, и я по протоколам Ленсуда увидела, что на суд<ебные> заседания о тысяче рублей он даже не ездил, а деньги на поездки у нас брал.

В общем, накопилось много дрянного и гнусного с его стороны. И каков человек: Саша ему говорит: "Я больше не могу тебе верить, Николай Васильевич, верни мне доверенность". Он даже не спросил — почему, что, как, а на следующий день так же сладенько улыбался, как всегда. Урия Гип[333] какой-то!

С другими делами идет туговато. Саша продал одну только книжку в из<дательст>во "Никитинские субботники" — "Фанданго"[334] (я не знаю — читали ли Вы этот рассказ?). В других из<дательст>-вах — ничего. Заведующий торг. сектором объяснил Саше в чем дело: от ячеек библиотек всё время поступают заявления об идеологической вредности Саши, а потому рекомендовать его нельзя, а потому же, след<ует>, и торговый сектор отказывается его заказывать — т. к. тор<говый> сек<тор> рассчитывает только на библиотеки. Кроме того, оказывается, и в критике появилось несколько идеологически ругательных... (Далее текст обрывается; на первой странице письма рукой В.Калицкой карандашом написано: "Конец утерян". — *Сост.*).

41. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

16 августа 1930 г.

Дорогая Вера Павловна! Мы всё еще в Москве. Но, слава Богу, мы выиграли в Верховном Суде наше дело. 13-го числа оно рассматривалось в Кас<сационно>-граж<данской> коллегии в нашем присутствии, и решение было наилучшим, какого мы хотели: отменить все решения Ленсуда и дело вновь пересмотреть в Ленинграде с указаниями Верх<овного> Суда. Сам В<ерховный> С<уд> самостоятельных решений не выносит, и это, т. е. пересмотр, — как сказал нам член суда, — только проформа.

Как будто нам, чтобы скорее всё покончить, надо самим ехать в Ленинград. Это завтра выяснится окончательно. Сегодня уже два адвоката нам это посоветовали. Так вот опять у нас к Вам, Вера Павловна, как это ни стыдно, просьба: не знаете ли Вы у кого свободной комнаты на время от 2-х недель до 1-го месяца, не более,

т. к. останавливаться в общежитии Дома ученых[335] мы, конечно, не хотим после всех мерзостей Карнатовской, да и дороговато это нам сейчас, т. к. там уже 1 <рубль> 50 <копеек> с человека.

Но, Вера Павловна, как я Вас уверю, что нам не хотелось бы, чтобы Вы сделали себе из этой нашей просьбы заботу. Ведь мы можем найти комнату и приехав в Ленинград. А эта просьба на всякий случай — если Вы знаете; ведь бывает так. А меня одолевает предусмотрительность.

Литературные дела наши очень и очень туги, и выигрыш этого дела — наше спасение и отдых. Год внутри было ощущение болящего клубка, а после суда так тихо стало и хорошо. Завтра, послезавтра Саша раздобудет денег на поездку, и мы дня через три поедем в Ленинград, если достанем билеты; след<овательно>, собираемся мы выехать числа 20-го.

Живем теперь на частной квартире, т. к. в общежитии нам очень дорого — 120 р. в месяц и в разных комнатах.

До свидания, дорогая Вера Павловна; спасибо Вам за всё, что вы сделали для нас.

Ваша Н.Грин.

42. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

2 декабря 1930 г.

Дорогая Вера Павловна!

Сегодня, д<олжно> б<ыть>, первый день, когда по-настоящему мы ощутили, что, наконец-то, приехали домой.

От Питера до Феодосии ехали преотвратительно; на станцию, в 20 в<ерстах> от Феодосии, где бывает пересадка, опоздали и на лошадях поехали домой. ХХ-й век, железная дорога.

Дома узнали, что жить нам в каз<енном> доме очень дорого, если мы не хотим чужих в квартире; а мы этого не хотим. Мама два месяца искала квартиру и подходящего ничего не нашла. Недели две и мы искали, но бесполезно. В городе очень много военных, с семьями, новый консервный завод и жилищный кризис.

Тогда мы решили с Сашей съездить в г. Старый Крым, в 25 в<ерстах> от Феодосии, в 1/2 в<ерсты> над уровнем моря, посмотреть — нельзя ли там устроиться. Тем более, что доктор и мне, и Саше летом велит жить именно в Ст. Крыму, более прохладном, чем берег.

Поехали; сразу нашли подходящую квартиру, южную, большую, с порядочным садом, большой террасой (чего нет почти ни в одном доме в Феодосии) и переехали. Цена на квартиру умеренная, 25 р. в мес., а там платить пришлось бы рублей 125. Городок весь в фруктовых садах, окружен горами и лесами. Воздух, как мед, и

какая-то удивительная, умиротворяющая тишина. Переехали мы 23-го ноября, живем 10 дней, а нервы стали заметно спокойнее.

Теперь мы живем, и больше ничего. Долги все уплатили, и так легко на душе, передать невозможно.

Наш новый адрес: г. Старый Крым, ул. Ленина, д. 98.

Как подумаю о Питере, снеге, морозе, отсутствии дров, страшно становится. Здесь — тихие солнечные дни, ходим в летних пальто, дрова и антрацит — все удовольствия!

До свидания, Вера Павловна! Пишите, пожалуйста. Спасибо Вам за милое и доброе отношение. Привет К<азимиру> П<етровичу>.

Ваша Н.Грин.

43. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

6 декабря 1930 г.

Дорогая Вера Павловна!

Очень неприятно и трудно мне Вас тревожить, но никак не обойтись. Опять к Вам просьбы; удобны ли они — никак не могу сообразить. Если неудобны — то, Бога ради, не делайте ничего, т. к. я никак не хочу принести Вам хотя бы малейшую неприятность.

Дело в том, что мы уже четыре письма послали Борису[336], и он, всегда точный и внимательный к нашим делам, упорно молчит <...>. А о делах и хочется и пора узнать что-либо решительное.

Так вот — в случае отсутствия неловкости, обращаюсь к Вашей доброте о трех делах:

1) журнал "Звезда" <...>. Получили ли они посланный в самом начале декабря материал[337] — "Одесса"[338] и окончание "Урала"[339]<...>. Автор, к<а>к полагается, ждет денег и на днях высылает "Баку".[340] <...>

2) "Красная газета"[341] — журн. "Вокруг света"[342]; заведующий Гиссин, юношеская повесть *"Ранчо "Каменный столб""*[343] — взята или нет.

3) Ленинградское т<оварищест>во писателей — "Остров Рено"— сборн<ик> расск<азов> за 25 лет. <...> Здесь, я думаю, лучше всего к Мише Слонимскому позвонить. Он все их дела знает. <...>

Вот три, знаю, обременительные просьбы, но нет, нет никого, кого об этом можно попросить.

Милая Вера Павловна, сегодня, думая о том, что попрошу Вас о наших делах, я, совершенно неожиданно, вспомнила и жестоко покраснела про себя, что я вам еще один долг не отдала за консультацию. Ради Бога простите; я даже не понимаю, как он у меня так накрепко выпал из памяти.

А еще много раз простите, что беспокою бесконечно.

Живем тихо и хорошо. Около недели стоит такая теплая погода, что кажется, будто наступает поздняя Пасха, а не Рождество; тепло даже в летнем.

Саша пишет автобиографию, а урывками "Недотрогу". В промежутки делает разные мелкие столярные работы. Я и мама хозяйствуем. И весь день на это уходит, с удовольствием увеличила бы его в 2 раза. Хочу заняться вплотную каким-либо языком; теперь, как устроились, это будет мне легче. <...>

Сегодня Саша принес лист переводных картинок, на которых изображен старинный Питер, я думаю, конца прошлого века. Было очень приятно посмотреть и неприятно вспомнить наши мытарства нынешней осенью. Ну, да всё прошло!

Целую Вас, дорогая Вера Павловна. Привет Казимиру Петровичу.

Ваша Н.Грин.

44. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

23 декабря 1930 г.

Дорогая Вера Павловна!

Наш с Вами разговор о мужско-женских отношениях меня очень взволновал тогда, но следа, болезненного, в душе не оставил. Горечь и обида делают меня строптивой, озлобленной, более требовательной. Но стоит этим чувствам успокоиться, и более христианские начала берут верх в моей душе. Тогда я вижу, что в семейной жизни все-таки самое главное — *человеческие* отношения друг к другу, совершенно одинаковые у мужчины и женщины.

Если нет их, то никогда у мужчины и женщины не будет памяти о дружеском хождении рука об руку по пути жизни.

Мне Бог дал эти отношения, и я должна Его благодарить за это. Моменты же затемнения должна переносить спокойно. А вот насчет спокойствия, то у меня и слабовато. По неврастеническому своему свойству я моментально выхожу из равновесия, зверски страдаю, а положения не улучшаю.

Как полагается, приехав домой, Саша перестал пить, и жизнь наша опять стала хорошей и чистой, и сердце мое становится похоже на наполняемый газом воздушный шар: из сморщенного, дряблого делается гладким и круглым. Да, я очень женщиной себя чувствую всегда, когда обижена, и очень человеком — когда мне легко и покойно.

Живем мы сейчас действительно покойно и приятно: долгов нет, продукты есть, монетки тоже, кругом рай. Здесь какой-то удивительный воздух, чистый и тихий. В Крыму вообще хорошо ды-

шится, но в Старом Крыму особенно хорошо. Вам, я уверена, здесь понравилось бы очень.

Город похож на очень большую южную зеленую деревню, лежит в узкой (последнее слово зачеркнуто. — *Сост.*) длинной долине меж живописных красивых холмов. Кругом, как посмотришь, красота, то горы переливаются при солнце всеми оттенками, то припудрены все леса и кусты на них инеем (заморозки начались), то какие-нибудь торжественные красные облака плывут из-за горы. Что ни минута — то благоговение и радость. Делаешься чище и мудрее от этой живой красоты.

Даже о море не вспоминаем. А для прогулок неограниченные возможности, чего не было в Феодосии, где город с глинистых и сухих холмов скатывается на узкую береговую полосу. Он хорош, но больше подлежит рассмотрению сидячему, чем ходячему. Саша много работает, кончает отрывки из биографии. Часть уже послал в "Звезду", что-то молчат; на днях пошлет конец. Очень ему хочется поскорее кончить биографию и приняться за роман "Недотрога"; полтора года, из-за нужды, не писал романа, а душа просит.

Я очень рада, Вера Павловна, что, наконец-то, Ваша книга[344], можно сказать, успокоилась. А что Вы думаете, что она выйдет летом, пожалуй, не совсем верно. Ленгиз (Вы в Ленгиз продали?) печатает значительно быстрее ГИЗа (Москва). Сашина книга рассказов и "Джесси"[345] вышли через 2 1/2 месяца после поступления в набор. Если же ГИЗ, то — увы! Желаю ей скорее и безболезненнее выйти в свет.

Мы с Сашей перечитываем Писемского, да не перечитываем, а, можно сказать, почти снова читаем, т. к. в юности я его мало читала, убоявшись "скучности", а Саша совсем не читал. И, знаете, Вера Павловна, не плохо, фельетонно, правда, не очень весомо, но очень интересно и даже приятно — как жили тогда, что волновало и т. д., а он очень своевременен.

И, как и Писемский, и Ст. Крым далеки от теперешних больших городов! Хорошо, приятная свежесть внутри!

До свидания, Вера Павловна. Пишите мне, пожалуйста. Привет Казимиру Петровичу.

Ваша Н.Грин.

45. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

23 июня 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Простите, что пишу карандашом, но уже неделю лежу больная и не могу очень сильно двигать правой рукой.

Сначала напишу свою просьбу: будьте доброй — позвоните, пожалуйста, в Ленгиз <и спросите> Зильбершера или Лихницкого — когда они вышлют нам деньги за № 5 "Звезды".[346] Зильбершер непосредственный владыка пересылки денег и жулик первый сорт. И вторая просьба — к Чагину — приняли ли они предложение А<лександра> С<тепановича> о покупке книгой Сашиной автобиографии. Простите, пожалуйста, дорогая Вера Павловна. Бориса нет в Питере, а больше, как его или Вас некого попросить.

Лежу же я после 4-х дневного невероятной силы припадка печени (третьего за этот месяц), закончившегося воспалением желчного протока и пузыря, что приковало меня накрепко, даже двигаться не могу, лежу навзничь, и, в случае чего, меня поднимают А<лександр> С<тепанович> и мама на руках. А голова уже чистая, погода хорошая, очень тяжело лежать, еще не менее недели. Не думала я, что с печенкой так страшно.

Читаю целые дни, т. к. больше ничего нельзя. Простите, что всё о болезни. Крепко Вас целую. Привет Каз<имиру> Петровичу. Ведь Вы, должно быть, на даче? Как в Питере лето? Здесь голод и жара.

Ваша Н.Грин.

46. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

13 июля 1931 г.

Вести мои печальные: ни в 5 [номере], ни в 6, ни в 7 и 8 автобиография не пойдет. Продолжение будет только в сентябре. Потому не высланы и не будут высланы деньги. Послала вам 50 р. свои, в долг. Н.Тихонов сказал так: "Нас упрекали в неправильном направлении журнала; пришлось перестраиваться. Вещь Александра Степановича разбита на самостоятельные части; им было взято много вперед. Тем, что напечатано, только покрыто то, что было забрано. Остается еще 2 рассказа; они пойдут не раньше сентября".

Чагин в Москве. Его заместитель, кажется, Бутенко, сказал, что так как договор с Чагиным был, вероятно, устный, то надо, чтобы Александр Степанович подал письменное заявление в редколлегию Лит.-худ. отдела ГИЗа. Но мне кажется, что не имеет смысла делать это, пока вся автобиография не пройдет через журнал. Нельзя теперь, милая Нина Николаевна, рассчитывать на литературный заработок, как на что-то постоянное. "Попутчики"[347] и то еле пролезают в игольное ушко. Александр Степанович так далеко стоит от редакций, кружков и т. п., что ему еще труднее других понять, что теперь требуется, да и не захочет он так писать. Лучше уж заняться другим трудом, хотя бы фермерством. Впрочем, чем заняться — вам виднее. <...>

Про голод в Крыму все говорят. Почему бы вам не переселиться в среднюю Россию, где, говорят, урожай очень хорош? Крепко вас целую и желаю найти какой-нибудь выход из тяжких ваших обстоятельств.

47. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

28 августа 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Простите меня сердечно, что так долго и невежливо не писала Вам, но, видит Бог, было так тяжело, что сил не хватало писать. Встала я после воспаления желчного пузыря в средине июля. Пока я лежала, и нельзя было мне есть, и много разговаривать, я не очень-то замечала, что у нас, дома, начался настоящий голод. А он начался и свирепствовал весь июль и начало августа, когда Саша, с трудом достав на дорогу, поехал в Москву, где немного раздобыл денег, но вернулся с остро вспыхнувшим туберкулезом, на почве недоедания.

Еще два месяца с половиной тому назад врач советовал ему беречь легкие, говоря, что у него зарубцевавшийся туберкулез молодых лет, и при недосмотре процесс может очень ярко вспыхнуть. Оно так и оказалось. Теперь он лежит в постели, надолго ли, не знаем, очень слаб, сильно температурит. Подал заявление в Союз на пенсию и пособие[348], но когда то будет, а пока страшновато. Главное, вещи не продаются, ни у кого денег нет. Не сможете ли Вы, Вера Павловна, позвонить Бутенко с нашей просьбой что-либо устроить в Ленгизе, ведь уже почти сентябрь. И положение страшное — туберкулез, надвигающаяся осень, отсутствие пищи и дров. Может быть, болезнь писателя послужит к ускорению получения гонорара. Если смогут они что-либо сделать, пусть пошлют телеграфом, т. к. Саша всё время волнуется, а из-за этого поднимается температура. И не сердитесь на меня за молчание. На душе давно и упорно скверно.

Жму Вашу руку, простите за досаждение.

Ваша Н.Грин.

P.S. 50 р<ублей> и письмо получили в самую тяжелую минуту.

48. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

14 сентября 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Нет слов у меня, чтобы выразить Вам глубокую и сердечную благодарность. Вы единственный человек, который откликнулся на бесчисленные письма, посланные мной, как только заболел Саша. Он лежит, и по тому, что я узнала от доктора и других больных, это лежанье может затянуться на много месяцев. t° до 38 ежедневно, а

его острое малокровие — плохой помощник при заживлении. Но будем надеяться на Бога, авось, поскорее встанет, да и у него огромное желание подняться, беспрекословно всё исполняет, что велит доктор. Обидно, что t° до 38 не дает возможности посадить его на улице, а погода стоит сейчас прекрасная, лучше, чем летом.

Простите, что пишу карандашом, но наши несчастья усугубились тем, что 2 дня назад я слегла. У меня после большой болезни открылся, увы, геморрой, не очень мучил меня, а как Саша заболел, всё время на ногах, — он стал мучить и осложнился гнойным нарывом, лежу неподвижно, иначе зверски больно.

В общем, у нас лазарет. Еще раз Вас благодарим, Вера Павловна. Бог ты мой, как это было вовремя. Продаем вещи, но за такие гроши; здесь очень бедно и безденежно. Спасибо, всего хорошего.

Ваша Н.Грин.

49. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

3 ноября 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Пишу Вам на почте, только что здесь получив Вашу открытку. Я ничего не понимаю. Прежде всего, я и Саша сердечно Вас благодарим и за посылку, и за книжку. Я сразу же Вам написала еще тогда и через 2 недели получила Ваше письмо обратно с пометкой, что оно было на Зверинской и двумя пометками — "выбыла неизв<естно> куда". Я опять послала письмо — и также поучила обратно; — оба заказные. Думая всё плохое про Вас и К<азимира> П<етровича>, я просила знакомых позвонить Вам — но до сих пор от них ничего нет. Я страшно рада, что у Вас, видимо, покойно. Саша всё лежит. Я возила его в Феод<осию> — на рентген, 1/3 легкого поражена, t° же от воспаления этого же легкого. Подроб<ности> сегодня письмом. Спасибо за всё, всё.

Ваша Н.Грин.

50. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

3 ноября 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Я послала Вам сегодня открытку, сразу после получения Вашей. Совершенно не понимаю этой пертурбации с Вашими письмами; главное, что их переправляли на Зверинскую.

Еще раз от всего сердца благодарю Вас за всё. А теперь расскажу о нас. С августа Саша лежит. Наступил конец сентября, октябрь, а положение не изменяется, t° становится всё выше, несмотря на aspirin и хину, которыми стал доктор пичкать Сашу,

пробуя сбить t°. Саша совсем ничего не ел, исхудал и ослабел невероятно. Доктор говорит, что ему для полной картины нужен рентген, анализ мокроты и исследования крови, тогда он сможет решить, что за осложнение tbc[349], не дающее t° снизиться.

Я повезла Сашу в Феодосию, т. к. здесь нет рентгена и лаборатории. <...> Вечером, исследовав Сашу очень внимательно, врач (один из лучших t<уберкулез>ников в городе), имея уже анализ мокроты и рентген, сказал, что у Саши, к счастью, не туберкулез, а длительное запущенное воспаление легкого. <...> Теперь он слаб настолько, что не может читать, писать, даже письма, но в глазах жизнь; сознание, что он сможет, хоть и не скоро, встать, очень его ободрило. Денежные наши дела за это время были тоже очень плохи, но недавно стали исправляться: Ленгиз прислал немного и обещал дослать остаток. Я Тихонову, еще до Феодосии, в нужде и тоске, послала отчаянное письмо, и он обещал всё устроить и хлопотать о пенсии. О персон<альной> пенсии мы подали заявление через Мос<ковский> Союз[350] еще в августе, Федерация его поддерживает, и на днях, нам писали, будет решение.

О биографии сейчас ничего нельзя писать в ГИХЛ, т. к. ее надо дополнить, а Саша не в состоянии будет работать, по словам врача, не менее 4-х месяцев. Знаете — до чего он стал худ: буквально кости, обтянутые кожей; мне плакать хочется — когда я его бинтую.

Вот, таково наше положение, Вера Павловна. И мы с Сашей Бога благодарим за то, что Он нас облегчил, а то было жутко. Денег нет, болезнь неизвестна, терзает, вещи распродаем за гроши, и с трудом, и впереди не знаем что.

Хорошо ли Вам на новой квартире? Правда — в Питере бездровье? У нас тоже плохо — маленький возик сучьев — 50 р. Пишите мне, пожалуйста, дорогая Вера Павловна. Я и Саша еще раз благодарим Вас и Каз<имира> Петр<овича>.

Я всё о своем и за книжку-то Вас и не поблагодарила, и не поздравила. Много муки она Вам доставила.

Ваша Н.Грин.

51. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

6 декабря 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Почему-то Вы опять не пишете, — неужели не получили и этих моих писем (1 откр<ытка> и 1 зак<азное> письмо)? От Вас открытку я получила, хорошо помню, 3-го ноября и сразу ответила. А<лександр> С<тепанович> всё лежит. Были сильные холода, с топливом у нас неважно, и, видимо, простыл, т. к. t° уже дошла до

37,8–38, скоро 4 мес<яца>. Обещали скоро дать пенсию, – у нас, на дому, была врачеб<ная> комиссия. Он, бедный, так устал лежать, а вставать доктор запретил; попробовал раза два встать – сразу же высокая t°.

Сердечно жму Вашу руку и жду от Вас письма. Ваш новый адрес – словно заколдованный.

Ваша Н.Грин.

52. Н.Н.Грин – В.П.Калицкой

17 декабря 1931 г.

Дорогая Вера Павловна!

Мне так тяжело обращаться к Вам с просьбой, что передать не могу. Обращаюсь не только к Вам, но и к Казимиру Петровичу: пришлите мне, пожалуйста, в долг, если можете, 100 руб<лей>. Несчастья без устали преследуют нас, и мне надо, как можно скорее, ложиться в больницу. Помните, я в сентябре писала Вам, что у меня гнойное осложнение геморроя. <...> Надо оперировать. Деньги же у нас будут, т. к. Саше прислали письмо из Союза, чтобы он не беспокоился – ему обязательно назначат пенсию; уже давно отослали туда и анкету, и акт врачебной комиссии. Затем, благодаря добрым хлопотам Н.С.Тихонова, биографию А<лександра> С<тепановича> в том виде, как она напечатана в "Звезде", берет Издательство Писателей в Лен<ингра>де; Тихонов обещал деньги этого из<дательст>ва устроить через Ленингр<адский> литфонд. И тогда, как получу, сразу же верну Вам долг. Боюсь – дойдет ли это письмо до Вас, – т. к. на те письма я еще не получила ответа. Ради Бога, простите меня за эту просьбу, но не к кому мне обратиться.

А<лександр> С<тепанович> всё еще лежит, с запретом всякого движения, даже чтения; но выздоравливает – днем и утр<ом> t° нормальна и только вечером – 37.5–37.6. Доктор говорит, что еще месяца 1 1/2 – 2 пролежит, если не будет рецидива.

Еще раз от всего сердца прошу прощения за всё.

Ваша Н.Грин.
Октябрьская ул. 51

53. Н.Н.Грин – В.П.Калицкой

8 января 1932 г.

Дорогая Вера Павловна!

Получила Ваше дорожное письмо в больнице. Спасибо от всего сердца Вам и К<азимиру> П<етровичу> за доброту. Деньги мне передали. Вы, д<олжно> б<ыть>, уже знаете о всех моих горестях. Про Сашу я Вам писала из больницы. 3-го сделали мне

операцию. <...> Теперь лучше. Обещали доктора до операции выпустить дней через 10 и дома доперевязываться, а теперь оттягивают выход. Меня же очень беспокоит Саша — я знаю, это его волнует, пишу ему спокойные письма, не знаю — долго ли он удержится в норме. <...> О пенсии всё нет вестей, очень уж они медлительны. Путевки в Ялту тоже нет[351], а на Ялту единствен<ная> моя надежда. Так горько лежать здесь, теряя дни около него. Жму Вашу руку, много, много благодарю и желаю душевного мира. Какими все обиды и горести кажутся мелкими перед страхом потери близкого и как сильно я себя браню. Спасибо К<азимиру> П<етровичу>. Целую Вас, дорогая Вера Павловна.

Ваша Н.Грин.

54. В.П.Калицкая — А.С.Грину, Н.Н.Грин

До 1 февраля 1932 г.

(Начало письма отсутствует. — *Сост.*) ...в ней 7–8 листов, то предстоит получить 1400–1600 р. Вы получили 200. Напишите теперь в Из<дательст>во писателей, пр<оспект> 25 октября, 13, заявление, что А<лександр> С<тепанович> просит ему высылать ежемесячно в счет гонорара рублей 250. Сделайте это, конечно, скорее. Так сказал мне Н.С.Тихонов. Относительно пенсии знаю только, что Ленингр<адское> отд<еление> С<оюза> П<исателей> подавало со своей стороны ходатайство об этой пенсии. Еще обращусь к М.Фроману — разузнаю подробнее, как было дело. Жаль, что дело о пенсии в Москве. Если Вам еще чего-нибудь о ней (зачеркнуто слово. — *Сост.*) не написали (за это время), то я напишу одному знакомому в Москве и попрошу его сходить узнать, но не знаю, куда ему надо идти: в Союз Писателей или в Федерацию, или в Секц<ию> Научн<ых> работников. Напишите, пожалуйста, а то знакомый этот человек занятой, и дело при неточном адресе затянется.

Еще Н.С.Тихонов просил, чтобы А<лександр> С<тепанович> придумал другое название для своей автобиографии. "Легенда о Грине" — не пойдет. Надо что-нибудь простое. Вторую посылку пошлю послезавтра.

Живем неплохо. Простоты, как и раньше, нет, но взаимное доброжелательство есть. <...>

55. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

8 февраля 1932 г.

Спасибо, дорогая Нина Николаевна, за письмо, открытку и тару, всё получила. Пишу отдельно. Тару вышлите за раз, вместе, не

страхуйте и не платите за доставку. Ведь каждый грош дорог, а почта близко. Пока целую Вас и лишь привет А<лександру> С<тепановичу> и О<льге> А<лексеевне>.

Любящая Вас В.Калицкая.

56. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

8 февраля 1932 г.

Дорогая Вера Павловна! Не могу не поделиться с Вами нашей радостью, материальной: как Вы писали, Т<оварищест>во Пис<ателей> купило книжку Саши[352], вчера прислали договор: по 300 р. с листа, по 250 р. в месяц. На много месяцев я свободна от забот. После моего Вам письма у А<лександра> С<тепановича> опять было ухудшение, теперь второй день легче. У меня же никак не заживает рана, и к доктору не могу поехать, начался какой-то страшный буран, сегодня с трудом вышла на улицу, так завалило дверь. Мороз 18°. Нынче устали от зимы, она началась в ноябре. Не знаю, когда уйдет из С<тарого> Кр<ыма> эта открытка, т. к почта не сможет выйти, на шоссе горы снега. Всего хорошего, крепко Вас целую. Привет К<азимиру> П<етровичу>.

Ваша Н.Грин.

57. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

10 февраля 1932 г.

Дорогая Вера Павловна!

Не понимаю, что творится с письмами; Ваши я все получаю. Я сразу же ответила Вам после 1-й посылки, послала тару и через 2–3 <дня> ответила после 2-й пос<ылки>. Было бы великим свинством с моей стороны не поблагодарить Вас за такое трогательное и доброе внимание к нам, а потому мне даже больно, что Вы не получили моих писем. Ваше письмо от 2/II я получила сегодня только, т. к у нас неделю уже воет страшный буран, и сегодня первый раз пришла почта автомоб<илем>, а то 2 раза привозили на лошади. Ст. Крым утопает в снегу. Эту открытку брошу в Феод<осии>, куда сейчас еду к врачу, что-то не заживает у меня и болеть стало, сверх всякого ожидания. Еще раз, дорогая Вера Павловна, благодарю Вас за всё, за всё. Т<оварищест>во пис<ателей> купило биографию за 2.400, будет платить по 250 р., пенсию будут рассматривать в феврале, она уже в Государ<ственной> комиссии. Так что у нас наступил материальный покой. Через несколько дней будет полгода, как А<лександр> С<тепанович> лежит, и всё нельзя сказать, что он выздоравливает, никак не выбиться из высокой вечерней t°. Целую Вас сердечно, спасибо за заботу о нас.

Ваша всем сердцем Н.Грин.

58. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

25 апреля 1932 г.

Передайте при случае Александру Степановичу, милая Нина Николаевна, что мне жаль очень, что я ему однажды написала глупое и злое письмо в досаде на одну из его книг. Мне очень неприятно про это вспоминать. Ведь, в сущности, я ничего не думала всерьез того, о чем тогда писала. Всё хорошо. Если, как я тогда упрекала А<лександра> С<тепановича>, он мне не сказал прямо, что лучше нам разойтись, то понятно, что было это из деликатности, просто духу не хватало сказать, что, мол, ты мне больше не нужна. Вот и всё. А в том, что я была "не его тип", — разве можно обвинять. Мы были оба молоды, когда сходились, а кто знает сам себя в молодости? Я же видела от А<лександра> С<тепановича> много нежности, что и осталось теперь в воспоминаниях, когда всё плохое отошло так далеко, что забылось. Много было у него поэтизации наших отношений, что я с благодарностью вспоминаю, а также и то, что нигде худо он обо мне не говорил. А потому было очень плохо, что я написала ему свое грубое письмо, и я в этом очень раскаиваюсь. Пожалуйста, передайте ему это, милая Нина Николаевна. Простите, что я пишу это через Вас, но я ведь знаю, что у Вас с ним всё общее.

59. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

18 июня 1932 г.

Дорогая Вера Павловна!

Александр Степанович умирает от рака желудка. Как мне тяжко. Как мне безумно жаль его, исстрадавшегося за 10 месяцев болезни. Усердно лечили легкие, а на желудок не обращали внимания. Ему не долго мучиться. Держу под морфием. Написала в из<дательст>во, чтобы прислали больше денег, боюсь, нечем будет похоронить, боюсь, что они задержат. Пожалуйста, напишите им, что Саша безнадежен. Вера Павловна, безнадежен. Господи, Господи, как мне тяжко и жалко его. Все свои грехи Саша искупил своими страданиями. И всё еще обо мне беспокоится. Он не знает ничего про себя; доктор говорит — тихо умрет.

Вера Павловна, ведь он был единственный душевно целиком мне близкий человек. И мало было ему радостей. Он так обрадовался покупке этой хатки[353] и так ненадолго. Как тяжело, что это близкое мне, измученное тело, страдает, так страдает, расставаясь с жизнью. О, Вера Павловна. Он не знает, что у него. Напишите что-нибудь для него литерат<урно> приятное. Я хочу, чтобы ему

приятны были последние дни. Правды ведь он не узнает. Вера Павловна милая, как мне тяжело.

Ваша Н.Грин.

60. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

7 июля 1932 г.

Пока писала Вам то письмо, что сюда же вложено, положение Саши враз резко ухудшилось. Вчера были опять два доктора и категорически заявили — безнадежен, ничем больше не мучьте его, неделя жизни — максимум. Да сегодня я и сама вижу, что всё бесполезно. Если не ошибаюсь, уже началась агония — в забытьи, пульс отвратительный, в груди что-то шипит и клокочет. Доктора говорят, что Саша не страдает, так он обессилен. Я же сижу около него уже много часов, и мне кажется, что он очень мучается, — иногда из его груди вырывается такой мучительный стон. Бедный Саша. Так он мечтал о весне, лете, а теперь ему всё равно. Вы пишете: не плачьте, не убивайтесь. Увы, Вера Павловна, я давно не плачу, а внутри меня покой. Быть может, это от усталости — я девятую ночь не сплю — Саша очень ночью беспокоен. Не знаю. Вчера я долго говорила с врачами — отчего же умирает Саша. Они все-таки находят, что от рака, но где зарождение его — в легких ли, а в желудке и печени метастазы, или наоборот, сказать ничего нельзя без рентгена. Такой бурный темп истощения, говорят они, бывает только при раке. Саша переходит к смерти, не зная о том, т. к. он всё время в забытьи. До последней сознательной минуты, когда язык его еще не был парализован, он говорил о разных мелочах будущей жизни.

61. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

8 июля 1932 г.

Сегодня месяц, как я Сашу перевезла в наш дом, какая это была для него радость. Агония длится уже около суток. И очень мучительна. Сердце сравнительно крепкое, упорно держит Сашу на земле. Он без сознания.

Я Вам оба письма посылаю, потому что не могу снова писать. Сейчас пишу, чтобы раскружить голову — очень кружится и всё мутится. И так тяжело, а тут приходится еще думать и беспокоиться, где найти доски и гвозди, ничего здесь нет, хоронят людей, завернув в простыню. Я не могу так Сашу, чтобы голова болталась. На его бедную долю и болезнь тяжелая досталась, и смерть нелегкая. Утром с трудом парализованным языком простонал: "Помираю".

62. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

11 июля 1932 г.

8-го июля в 6 ч. 30 мин. вечера умер Саша, милая Вера Павловна! Агония длилась сутки. Умер очень тихо — отошел. Я всё время крепко держала его за руку и гладила по голове, чтобы ему было легче. Утром вспрыснула морфий, чтобы хотя и без сознания, но не было бы у него болей. Он сразу перестал стонать и только тяжело дышал. В гробу лежал с блаженно-тихим спящим лицом, все удивлялись. А я еще более удивилась числу людей, его провожавших. Я думала, что провожать буду только я и мама. А провожало человек 200, читателей и людей, просто жалевших его за муки. Те же, кто боялся присоединиться к процессии, большими толпами стояли на всех углах. Так что провожал весь город. Я же в том состоянии даже на похоронах не могла заплакать. Единственно, что мне всё время хотелось, чтобы Саше было легче и лучше. И что, как ни странно, мне единственно что острой иглой впивается в сердце, так это мысль о том, что угасло это страстное, яркое и горячее воображение, что никогда я больше не услышу и не увижу, как плетется пленительное кружево его рассказа. Я так за одиннадцать лет привыкла быть душой в Сашиных произведениях, что мне сейчас пусто. Во время болезни это не ощущалось, я думала — выздоровеет. А теперь его нет — и мне страшно, что нет того, кто так умел тронуть мое сердце. Хотите ли Вы карточки Саши? Тогда я пришлю. Крепко целую Вас.

Ваша Н.Грин.

63. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

16 июля 1932 г.

Дорогая Нина Николаевна, сейчас получила Ваше заказное письмо с извещением о Сашиной смерти. Жму Вашу руку, крепко, крепко целую Вас и нежно благодарю Вас за всё, что Вы сделали для Саши в этот мучительный год. Знаю и всей душой понимаю, как Вы измучены и как много, героически много сделали. Но твердо верю, что всё сделанное добро не пропадает, а учитывается. Только бы Вам теперь отдохнуть.

Как ни больно мне было думать, что Саша должен умереть, теперь я уже думаю иначе: слава Богу, что отмучился, успокоился. Желать, чтобы он тянул эту муку еще дальше — уже нельзя было.

Когда я прочла Ваши слова о том, чтобы дал Бог Саше "христианскую кончину", я не смела писать Вам о том, чтобы Вы попросили Сашу причаститься, думая, что Вы ни за что на это не решитесь, а только молилась: "Сам вразуми его Духом Святым, чтобы покаял-

ся и причастился, Сам". И после бреда и при смертельной слабости Саша сам попросил Вас об этом! Поистине, пламенная молитва исполняется! Как я рада за Сашу, ведь это (т. е. мир с Богом) так бесконечно нужно! И, как эгоистка, рада за себя: как необходимо, дорогая Нина Николаевна, чтобы молитвы исполнялись!

Не буду много писать о том, что Ваша "тупость" при агонии и похоронах неизбежна и понятна до конца всякому, кто переживал мучительное умирание близких. Я уже писала Вам об этом. Понимаю всё это вполне и именно поэтому чувствую Вашу бесконечную усталость. Пожалуйста, милая Нина Николаевна, подробно напишите мне о себе и своих ближайших планах. Как с печенью?

64. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

14 октября 1932 г.

Дорогая Вера Павловна!

Как мне Вас благодарить за всё, что Вы делаете для меня? Даже надежду иметь хорошо. Посылаю Вам, на всякий случай, простую доверенность. Официальную не могу еще, так как для этого надо самой идти в горсовет, а я еще не хожу. Чувствую себя почти хорошо. Уже только компрессы, грелки кончились, а они меня зверски мучили, — сердце. Доктор советует оперироваться, говорит, что рецидив воспаления будет теперь происходить при каждом выходе камней. Не знаю и не хочу.

Союз честно молчит о пенсии. Писала знакомым по этому поводу, что-то молчат. В начале ноября думаю поехать и тогда всё выясню. Здесь мне говорят члены той врач<ебной> комиссии, что осматривала А<лександра> С<тепановича>, что пенсия А<лександра> С<тепановича> должна быть выплачена с момента комиссии — это правило, а комиссии были в декабре и апреле.

Целую Вас, дорогая Вера Павловна, и бесконечно благодарю. Мама кланяется.

Ваша Н.Грин.

Меня всяко пишут — и Грин, и Гриневская, даже в официальных бумажках.

65. Н.Н.Грин — В.П.Калицкой

5 апреля 1938 г.

Дорогая Вера Павловна!

Очень хорошо, что Вы снова принялись за А<лександра> С<тепановича>. Принципиально против Вашего предложения ничего не имею, но меня очень смущает следующее: удобно ли при моей жизни так отчетливо говорить о моем прототипстве, затем, — ведь это

прототипство недостаточно реально, — т. е. я на самом деле всегда была не совсем такая, какой меня представлял себе А<лександр> С<тепанович>. Он меня крепко идеализировал, а я еще в самом начале нашей с ним жизни, несмотря на свою молодость, отчетливо это увидела. Это меня тронуло и умилило, и я себе обещала стараться в жизни с А<лександром> С<тепановичем> не разочаровывать его, к<а>к бы втечь в цельный образ. Я не претворялась, не актерствовала, жила, к<а>к ему представлялось обо мне, но у меня внутри были все время свои желания, недовольства, обиды, боли. Значит, я не была той, какую он во мне представлял. Просто было во мне 2–3 черты, совпадавшие с его женским идеалом, а он одел меня в весь идеал. От этого я часто и теперь испытываю чувство нежности и гордости, но это же и лишило меня способности просто, ясно жить, жить так, к<а>к мне представлялась нормальная жизнь. Я иногда про себя теперь плачу или смеюсь, когда вижу, к<а>к "идеальный" мундир, к которому за 11 лет создалась привычка, не хочет слезать с меня и усложняет мне восприятие жизни. Да, жаден, видимо, человек, — хочется ему быть и тем и этим. Мне всю жизнь, с юности, хотелось, напр., иметь большую, смеющуюся, здоровую семью, с ребятами всех возрастов. И не удалось. А удайся, — м<ожет> б<ыть>, захотелось бы одиночества.

Теперь — дальше. Дня через два в Ст. Крым приедет жена Паустовского[354], а через месяц и он.[355] Пробудет до половины июня. Ничего у Вас к тому времени не выйдет? Хорошо было бы! Здесь всё мог бы он спокойно почитать, подумать, поговорить. Это не Москва.

Крепко целую Вас и желаю здоровья. Привет от мамы.

Ваша сердечно Н.Грин.

66. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

Начало 1948 г.

Вчера получила Ваше письмо от 13.12. и рада ему. Рада, что, как Вы пишете, нет у Вас вражды ко мне[356], а, наоборот, расположение, и тому, что ничего "бабьего" между нами не осталось. Это очень отрадно, и, дай Бог, чтобы так навсегда осталось. <...>

67. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

1 марта 1948 г.

Дорогая Нина Николаевна, я была у директора Детиздата, Дмитрия Ивановича Чевычелова, и отдала ему Ваше заявление. Он им не удовлетворился. Ему нужен документ, который удостоверял бы не только то, что Вы введены в права наследования, но и, так как

Вы находитесь в лагере[357], сохранились ли эти права за Вами, не лишены ли Вы их? Если Вы такой документ пришлете, то Детгиз уплатит Вам. Можете ли Вы это сделать?

Не сердитесь на меня, милая Нина Николаевна, за то, что я не высылаю Вам "Волшебника из Гель-Гью".[358] Но если пропала "Бегущая", то пропадет и "Волшебник", а между тем книгу эту нигде не достанешь. Не огорчайтесь отсрочкой прочесть ее. Я уверена, что раньше или позже Вас помилуют и что, во всяком случае, Вы доживете до освобождения. Я уверена, что Вы ведь на самом хорошем счету как медсестра, а это, вероятно, еще сократит срок заключения. Если я умру до Вашего освобождения (от слова — не сделается), то завещаю эту книжку передать Вам. Не думаю, чтобы она Вас очень порадовала, но и не огорчит. Это — вполне фантастическая, талантливо написанная повесть в стиле Ал<ександра> С<тепанови>ча. Но самого Ал<ександра> Ст<епановича> автор знал мало, а потому полного его образа нет, да и трудно дать этот полный образ. Повесть охватывает один год: 1912–1913.

Напишите мне, милая Нина Николаевна, есть ли у Вас какие-нибудь деньжонки? Спрашиваю потому, что Мария Павловна[359] сказала мне, что они с Б<орисом> Ст<епановичем> послали Вам не то в мае, не то в июне 1500 р. Правда это? И все ли они вышли? В таком случае, надо будет Вам хоть понемножку, как смогу, высылать.

Я поступила на курсы пчеловодства. Теперь — лекции, а с 20 апреля — практика. Хотелось бы получить работу где-нибудь на пасеке, работать на воздухе, на природе.

Пишите мне, милая Нина Николаевна, и духом не падайте. Судьба не посылает испытаний выше сил. Но пишите, пожалуйста, *только* по адресу: Ленинград, 4; до востребования, мне. Иначе у меня бывают большие неприятности. Целую Вас. Ваша В.Калицкая. Как теперь здоровье ваше? Легче ли бывает летом?

68. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

Лето 1948 г.

Очень рада, что выписка из "Брака Августа Эсборна", тетради и деньги дошли до Вас.

69. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

Осень (?) 1948 г.

Как же достать книги? Мой знакомый был в Москве, а когда вернулся, и я спросила его, ответил вопросом: "Что Вы ищете?" —

"Грина Александра". — "Это у которого "Алые паруса"?" — "Да". Он только рукой махнул. Он сам хотел купить книги Александра Степановича и ни у одного букиниста не нашел ни единой. Я решила так: дайте мне слово, что вернете книги, которые я Вам пришлю.

70. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

Весна 1949 г.

Думаю, что Вы это уже знаете от Марии Панайотовны.[360] На всякий случай, добавлю, что он болел сердцем весь год, нигде не служил, а в последний месяц состояние сердца ухудшилось, и Борис Степанович лег в больницу Эрисмана. Там его подправили и разрешили вставать; вечером, накануне смерти, Б<орис> С<тепанович> был весел, шутил с соседями по палате. А на другой день в одиннадцать утра сказал: "Голова заболела, затылок совсем холодный". Это были его последние слова. Умер он так, что ни вздоха, ни стона никто не услышал. Только позднее медсестра и доктор определили смерть. Смерть счастливая.

...Я навестила М<арию> П<анайотовну> через несколько дней после похорон, и при мне пришла Ваша к ней открытка.

На похоронах были трое юношей, ученики мореходных классов. Кто-то из них ездил в Старый Крым на могилу А<лександра> С<тепановича> и снял ее.

71. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

23 августа 1950 г.

Как я рада, что получены и посылка, и деньги! Теперь, когда я узнала, что деньги получены, буду Вам ежемесячно посылать небольшую сумму... Как это хорошо, что Вам виден лес. Радуюсь, что в этом отношении Вам стало легче.

Была у М<арии> П<анайотовны>. Книги Александра Степановича, которые у нее есть, — в одном экземпляре, так что она даже слышать не хотела, чтобы уступить какую-нибудь из них Вам или мне. Даже чуть не заплакала, говоря, что эти книги не только память об А<лександре> С<тепановиче>, но и Борисе Степановиче, а к его смерти она не может привыкнуть.

72. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

10 декабря 1950 г.

Дорогая Нина Николаевна, как я рада, что связь с Вами опять возобновилась. <...> Деньги я вышлю по получении пенсии, т. е. после 15-го дек. <...> "Фантастические новеллы"[361] послала Вам

ценной бандеролью 4. XII, квитанция № 158. На днях получила письмо от Влад<имира> Викт<оровича>. <...> Он, действительно, пишет, что труд об А<лександре> С<тепановиче>[362] им закончен, но лежит где-то в архиве, а т. к. Бонч-Бруевич ушел в отставку, то неизвестна и участь его работы.

Я переделываю (увы, в 3-ий раз) своих "Пчел". Что-то Бог даст на этот раз? Есть одно серьезное препятствие для моих писаний — старость, которая мешает мне до конца понимать окружающую обстановку. Я — человек верноподданный, а между тем постоянно делаю ошибки. Меня обвиняют (но не зло) в "политической наивности", и с этим ничего не поделаешь, не хватает чутья... <...>

Крепко Вас целую, дорогая Нина Николаевна. Полегчало ли с сердцем? Сохраняйте ту жажду жизни, которая поможет Вам дожить до освобождения!

Любящая Вас В.Калицкая. <...>

73. В.П.Калицкая — Н.Н.Грин

3 марта 1951 г.

Дорогая Нина Николаевна, 27. II. получила два Ваших письма. Очень досадно и грустно, что деньги опять задерживаются. Сказать не могу, как это неприятно. Думала, как тут быть. Вы пишете, что получили только те деньги, которые я послала Вам из Печор, а я с тех пор послала, как уже писала Вам: в ноябре, в декабре, в январе и в феврале! Думаю сделать так: 15–17 марта, как делала до сих пор, денег не пошлю, не пошлю и 15 апреля, а пошлю 1–2 апреля посылку. Ведь, помнится, первая моя посылка до Вас дошла. Только, пожалуйста, известите меня немедленно в том случае, если Вас переведут, дайте Ваш новый адрес.

Дай-то Бог, чтобы перевели в более сухое место! Пошлю я только самое необходимое: масло топленое, сахар, манную крупу, мыло, нитки... Вероятно, пошлю раньше 1/IV, а то уж очень долго Вам ждать.

Дня через 3 после получения Вашего письма, в котором Вы извещаете, что "Новеллы"[363] Вами получены, я получила чрезвычайно краткое письмо от Корнелия Люциановича <Зелинского>[364], в котором он спрашивает, получили ли Вы "Новеллы". Я ответила ему тотчас, в тот же день, что Вы получили книжку, благодарите его и за нее, за статью к ней, и за доброе отношение его к Вам. На всякий случай, я сообщила ему Ваш адрес. Захочет — напишет сам, а Вы, дорогая, ему сами не пишите. Судя по тому, как он

редко и скупо, только самое необходимое, пишет, даже мне, думаю, что он опасается писать. Всё это, конечно, понятно.

Простите, пожалуйста, милая Нина Николаевна, что я просила Вас, если это возможно, без адреса Вашего на конверте. Я ведь не знала, что Вы обязаны его ставить; ну, раз нельзя, так и пишите, как Вы должны писать. А я просто малодушествую. <...> Стыдно мне малодушничать. Я ведь думала, что Вам всё равно — писать свой адрес или не писать, а раз это не так, то делайте, конечно, так, как Вы обязаны.

Дорогая Нина Николаевна, пожалуйста, не думайте, что я нуждаюсь. Нет, я питаюсь отлично, но так как я органически, как говорят, "не умею жить", то вот я и обносилась. К тому же я не умею шить, как это прекрасно делаете Вы, да и опущенность душевная, с тех пор как умер К<азимир> П<етрович>, у меня большая. А это ведет и к отсутствию подтянутости, по крайней мере, у меня. Как я рада тому, что около Вас есть расположенный человек! С книжкой о пчелах — пока ни с места! Но надежды на ее издание я не теряю еще. <...> Много лет назад была у меня написана биография академика Ф.Н.Чернышева. Из<дательст>во, которое ее заказало, ликвидировано, многое в ней устарело. Теперь я ее подновляю и мечтаю: не возьмут ли ее в из<дательст>во О<бщест>ва испыт<ателей> прир<оды>. Деньги ведь очень нужны.

Вы правы, дорогая Нина Николаевна: я теперь совсем другая, чем была при жизни К<азимира> П<етрови>ча, ведь и жизнь без него идет совсем иначе.

К сожалению, книги "Избранное"[365] у меня нет.

Крепко целую Вас, милая. Нельзя ли опять подать о помиловании?

Искренно Вас любящая В.Калицкая.

Раздел четвертый

ВЕРЕ ПАВЛОВНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Александр Грин

Единственный Друг

(Верочке)

В дни боли и скорби, когда тяжело
И горек бесцельный досуг, —
Как солнечный зайчик, тепло и светло
Приходит единственный друг.

Так мало он хочет... Так много дает
Сокровищем маленьких рук!
Так много приносит любви и забот, —
Мой милый, единственный друг!

Как дождь, монотонны глухие часы,
Безволен и страшен их круг;
И, всё же, я счастлив, покуда ко мне
Приходит единственный друг.

Быть может, уж скоро тень смерти падет
На мой отцветающий луг,
Но, к этой постели, заплакав, придет
Всё тот же, единственный друг.

С. или Г.

***

Придешь ты — и счастьем повеет
В жилище моем.
Уйдешь — и незримо тускнеет
Лазурь за окном.

Единственный Другъ.

(Кирочкѣ.)

Въ дни боли и скорби, когда тяжело
И горекъ безцѣльный досугъ,—
Какъ солнечный зайчикъ, тепло и свѣтло
Приходитъ единственный другъ.

Такъ мало онъ хочетъ... такъ много даетъ
Сокровищемъ маленькихъ рукъ!
Такъ много приноситъ любви и забавъ
Мой милый, единственный другъ!

Какъ дождь, монотонны глухiе часы,
Безконеченъ и страшенъ ихъ кругъ;
Но все же, я счастливъ, покуда, ко мнѣ
Приходитъ единственный другъ.

Быть можетъ, ужъ скоро тѣнь смерти
падетъ
На мой отцвѣтающiй лугъ,
Но, къ ямѣ посѣли, заплакавъ, придетъ
Все тотъ же, единственный другъ.

С. или Т.

Без мысли, улыбки и силы
Я жить не хочу;
Но образ твой, близкий и милый,
Подобен лучу.

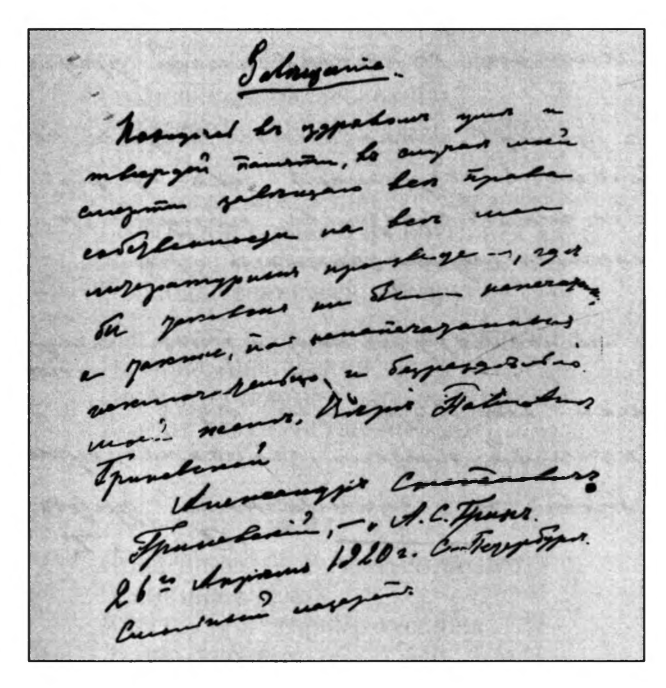
Но глаз твоих нежных сияньем
Я крепок в борьбе:
И радости кроткой желанье,
И мысль, и улыбки — тебе.

1913

Завещание

Находясь в здравом уме и твердой памяти, в случае моей смерти завещаю все права собственности на все мои литературные произведения, где бы таковые ни были напечатаны, а также ненапечатанные, исключительно и безраздельно моей жене Вере Павловне Гриневской.

Александр Степанович Гриневский — "А.С.Грин"
26 апреля 1920 года. С.-Петербург. Смольный лазарет.

Нина Грин

Любящий меня друг

Из воспоминаний

Мне рассказывала Вера Павловна: она зашла к Александру Степановичу. Так как она знала местонахождение ключа, то, открыв дверь, решила оставить ему записку. Увидела на столе приготовленное, прочла ласковую записку Александра Степановича ко мне и сказала самой себе: "Ну, слава Богу, это, кажется, настоящее". Боясь спугнуть меня, ей тогда неизвестную, она решила немедленно уйти, не оставляя Александру Степановичу записки. Шла домой и тихо радовалась за него. Она видела, как он томился одиночеством, как искал ласковые женские руки и ошибался, видела его увлечение Марией Сергеевной <Алонкиной> и жалела его. Из нескольких, незадолго перед тем слов, сказанных Александром Степановичем, она поняла, что у него что-то с кем-то началось, но из деликатности сама не заговаривала об этом. Записочка Александра Степановича ко мне показала ей что-то чистое и нежное. Ей захотелось увидеть меня, но случилось это несколько позже.

Весною 1922 года Грин пошел со мною на литературный вечер, происходивший днем в чьей-то частной квартире, совершенно не помню в чьей. Познакомив меня с несколькими подошедшими к нам лицами, Александр Степанович подвел меня к полной средних лет даме со светлыми карими глазами, внимательно смотревшей на меня, и сказал: "Вот, Нинуша, знакомься с Верой Павловной, о которой ты много от меня слышала, а ты, Верочка, люби и жалуй мою Нину Николаевну!" Дама встала и, ласково смотря на меня, сказала мне несколько приветственных слов. Она мне сразу понравилась, я ее уже знала по портрету, который не передавал тепла и живости ее черт. Посидели, поговорили будто о пустяках, внимательно вглядываясь друг в друга. "Вот какая была жена у Саши, которую он нежно любил! Хорошая!" Не было у меня никаких ненужных мыслей, не было ревности к прошлому.

Вскорости мы стали друзьями, и теперь, старая, я знаю, что и до сих пор это — любящий меня друг.

Много значил в наших отношениях с Верой Павловной такт и ум Александра Степановича, его душевная тонкость, сумевшая сразу придать нашим отношениям правильность и отбросившая сразу все ложные на этот счет предрассудки.

Комментарии

Список сокращений

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.

РНБ — Российская национальная библиотека, С.-Петербург.

ФЛММГ — Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С. Грина

ВОСПОМИНАНИЯ О ГРИНЕ

В.П.Калицкая начала собирать материалы для биографии А.С. Грина в 1927 г.

О ходе этой работы она рассказывала следующее: "Материалы эти писались таким образом: А.С.Грин с женой своей Ниной Николаевной приезжали из Феодосии по литературным делам в Ленинград в 1927 году и в 1928. В.П.Калицкой пришла мысль собрать материалы для биографии А.С.Грина. Она составила 50 руководящих вопросов. А.С.Грин в присутствии своей жены Н.Н. давал ответы. Они были записаны В.П.Калицкой. Затем В.К. послала записанное Гринам, они проверили и дополнили их".

В настоящее время документ хранится в ФЛММГ.

В 1937 г. на основе этих материалов В.Калицкая написала обширную статью "Об А.С.Грине" и направила ее в ж. "Красная новь", но опубликована она не была.

В дальнейшем Вера Павловна продолжила работу над воспоминаниями о писателе. Фрагментарно они впервые были напечатаны в книге: Воспоминания об Александре Грине /Сост. В.Сандлер. — Л., 1972.

В настоящем издании воспоминания публикуются по авторизованной машинописи, хранящейся в фондах ФЛММГ, и впервые представлены в полном объеме. При публикации сохранены авторский стиль и орфография, пунктуация приведена в соответствии с современными нормами.

АВТОБИОГРАФИЯ. МЕМУАРНЫЕ ОЧЕРКИ

Автобиография публикуется впервые по авторизованной машинописи, хранящейся в ФЛММГ.

Мемуарные очерки "Нежность к животным" представляют собой фрагмент воспоминаний о К.П.Калицком. Публикуются впервые по авторизованной машинописи, хранящейся в ФЛММГ.

ПЕРЕПИСКА ВЕРЫ КАЛИЦКОЙ С АЛЕКСАНДРОМ И НИНОЙ ГРИН

В книгу вошли письма 1925–1951 гг. Публикуются (в сокращении) по автографам, хранящимся в РГАЛИ и ФЛММГ. Подчеркнутые в тексте слова выделены *курсивом*.

Письма В.Калицкой хранятся в РГАЛИ: №№ 1–6, 13, 22, 24, 26, 28, 30, 33, 36, 37, 54, 55 (Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 106); №№ 8, 11, 15, 18, 20, 46, 58 (Ф. 127. Оп. 1. Ед. хр. 200); № 63 (Ф. 127. Оп. 2. Ед. хр. 44); №№ 66–73 (Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 81). Публикуются впервые, за исключением писем №№ 66, 68–71, которые напечатаны в кн.: Первова Ю.А. Воспоминания о Нине Николаевне Грин. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. С. 21–23.

Письма Н.Грин №№ 9, 14, 19, 34, 39–45, 47–52, 60–62, 64, 65 хранятся в РГАЛИ (Ф. 127. Оп. 4. Ед. хр. 46). Публикуются впервые, за исключением письма № 62, напечатанного в кн.: Первова Ю.А. Воспоминания о Нине Николаевне Грин. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2001. С. 147, и писем №№ 60, 61, опубл. в кн.: Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. С. 42.

Письма Н.Грин №№ 17, 31, 38, 53, 56, 57, 59 находятся в ФЛММГ. Письма №№ 31, 53, 56, 57, 59 опубл. в кн.: Крымский альбом 1998. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 239–241, 245, 246. Письма №№ 17, 38 опубл. в кн.: Грин Н.Н. Воспоминания об Александре Грине. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2005. С. 236, 237, 239–241.

Письма А.Грина В.Калицкой из фондов ФЛММГ №№ 7, 10, 12, 16, 21, 23, 25, 27, 29, 32, 35 ранее были опубл. в кн.: Крымский альбом 1998. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 1998. С. 232–242.

ВЕРЕ ПАВЛОВНЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Стихотворение "Единственный Друг" публикуется по факсимильной копии рукописи А.С.Грина, хранящейся в ФЛММГ. Впервые опубл.: Киров. правда, 1968, 12 июля.

Стихотворение "Придешь ты – и счастьем повеет..." печатается по машинописной копии текста, хранящегося в ФЛММГ. Впервые опубл. в кн.: Перед лицом жизни. – М., 1913. С. 154.

Завещание прилагалось к письму А.Грина от 26 апреля 1920 г., адресованному М.Горькому. Печатается по фотокопии рукописи А.С.Грина, хранящейся в ФЛММГ.

Фрагмент воспоминаний Нины Грин из главы "Дом искусств" – "Любящий меня друг" – публикуется по авторской машинописи, хранящейся в ФЛММГ. Впервые полностью глава опубл. в кн.: Грин Н.Н. Воспоминания об Александре Грине. – Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2005. С. 15–16.

Примечания

1 *...назвал "Единственный Друг"...* — Стихотворение. Впервые опубл.: Кировская правда, 1968, 12 июля.

2 *...книгу рассказов "Загадочные истории"...* — Впервые напечатана: Пг.: ж. Отечество, 1915.

3 *...из "Возвращенного ада"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Современный мир, 1915, № 12. С. 17–44.

4 *...из "Алых парусов"...* — Впервые книга напечатана: М.; Пг.: Френкель, 1923.

5 *...сочтет его только за Гинча, Пик-Мика или Ван-Конета.* — Имеются в виду герои произведений Грина: рассказы "Приключения Гинча" и "Наследство Пик-Мика", роман "Дорога никуда" (Ван-Конет).

6 *...в "Золотой цепи"...* — Роман. Впервые опубл.: Новый мир, 1925, № 8–11.

7 *...в "Дороге никуда".* — Впервые книга издана: М.: Федерация, 1930.

8 *...со своей второй женой Ниной Николаевной уехали в Крым...* — Расставшись в 1913 г. с В.П.Калицкой, Грин весной 1921 г. женился на Н.Н.Коротковой. В мае 1924 г. они переехали из Ленинграда в Крым (Феодосия).

9 *...тетрадь с записями...* — Имеются в виду "Материалы для биографии А.С.Грина (Александра Степановича Гриневского)". Тетрадь хранится в фондах ФЛММГ.

10 *...к написанию "Автобиографической повести"...* — Впервые отдельной книгой напечатана: Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932.

11 *...письма эти сохранились.* — Основная часть переписки Гринов с В.П.Калицкой хранится в РГАЛИ. Отдельные письма находятся в фондах ФЛММГ.

12 *...в Дисненском уезде Виленской губернии.* — Ныне — Плисский сельсовет Глубокского р-на Витебской обл., Республика Беларусь.

13 *...в польском восстании...* — Имеется в виду Польское восстание 1863–64 гг. против царизма в Королевстве Польском, Литве, части Белоруссии, на Правобережной Украине, подготовленное Центральным национальным комитетом. В поддержку восставших выступили А.И.Герцен, Комитет русских офицеров в Польше.

14 *...сослали в Томскую губернию.* — 4 сентября 1864 г. С.Е.Гриневский после суда был выслан "бессрочно" в г. Колывань Томской губ. "с лишением личных прав".

15 *...разрешили переселиться в Вятскую губернию.* — С.Е.Гриневский прибыл в Вятскую губ. 9 июля 1868 г.

16 *...поступил куда-то служить.* — После смены разных мест работы С.Е.Гриневский в 1875 г. поступил служить письмоводителем в губернскую земскую больницу г. Вятки.

17 *...родился в городе Котельнич.* — Ошибка Грина. Писатель родился в г. Слободской Вятской губ. (ныне — Кировская обл., Россия).

18 *...родители перевелись в Вятку.* — Семья Гриневских переехала в Вятку весной 1881 г.

19 *...была дочерью шведа и русской, предки ее отца... сосланы в Вятку.* — Родители Анны Степановны: отец — Степан (Стефан) Федорович Лепков (ок. 1801–1857), отставной коллежский секретарь (воспитанник С.-Петербургского сиротского дома, сведения о пред-

ках отсутствуют); мать — Агриппина Яковлевна Широкшина (1823 — не ранее 1864), дочь коллежского регистратора.

20 *...семья постоянно нуждалась.* — Это утверждение опровергается в письме сестры Грина Е.С.Маловечкиной к Н.Грин от 1961 г.: "Жили по тогдашнему времени хорошо. Помню, квартира была всегда из 4-х комнат... и отец не был алкоголиком, он был чудесной души человек, и не правда, что он спился, и не правда, что умер в нищете, не правда!"

21 *В "Приключениях Гинча"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Новая жизнь, 1912, № 3, 4.

22 *Удочерили... Наташу.* — 1 июня 1878 г. Гриневские удочерили девочку-подкидыша, найденную на паперти Александро-Невского собора. В 1889 г. Наталью отдают на воспитание в другую семью, т. к. после рождения собственных детей средств для содержания семьи не хватало.

23 *...родился сын, рано умерший.* — Имеется в виду первенец Гриневских — Александр, родившийся в 1879 г. и проживший несколько месяцев.

24 *...по "Робинзону Крузо".* — В "Автобиографической повести" Грин указывает, что первая прочитанная им, "еще пятилетним мальчиком", книга — "Путешествие Гулливера в страну лилипутов" Дж. Свифта.

25 *...исключили опять...* — В 1889 г. Грин поступил в приготовительный класс Александровского вятского реального училища. В 1892 г. был исключен из 2-го класса за сочиненные "неприличные" стихи на инспектора и преподавателей училища.

26 *...звали Николаем...* — Настоящее имя учителя — Дмитрий Константинович Петров.

27 *...идти на Урал...* — 23 февраля 1901 г. Грин отправляется на Урал.

28 *Его жена Лидия Авенировна Борецкая была вдовой дьячка...* — 7 мая 1895 г. С.Е.Гриневский обвенчался с Л.А.Борецкой, вдовой Дмитрия Григорьевича Борецкого, чиновника почтово-телеграфного ведомства.

29 *...Грин не помнил.* — Неточность автора. Рекомендательное письмо к Николаю Ивановичу Хохлову, бухгалтеру Карантинного агентства Русского общества пароходства и торговли, Грин получил в поезде по дороге в Одессу от случайного попутчика, управляющего крупной одесской мануфактурной фирмой.

30 *...ночевать в здание береговой команды...* — В августе 2009 г. в Одессе на фасаде клуба портовиков (бывшей ночлежки) была открыта мемориальная доска, посвященная А.С.Грину.

31 *Рассказ Грина "По закону"...* — Впервые опубл.: Огонек, 1924, № 2. С. 6–8.

32 *...на Дерибасовской...* — Название знаменитой улицы в центральной части Одессы.

33 *...гигантах Добровольного флота...* — Добровольный флот — общественная организация, созданная в России в 1870 г. на народные пожертвования и ставившая себе целью развитие торгового мореходства.

34 *...великанах Русского общества.* — Имеется в виду РОПИТ — Русское общество пароходства и торговли.

35 *..."Вира!" или "Майна!"...* — Команды при погрузке и разгрузке.

Вира (итал. virare поворачивай): "поднимай!", "вверх!". Майна (итал. ammaina убирай): "опускай!", "вниз!".

36 *...совершил один рейс...* — В августе–сентябре 1896 г. Грин совершает два рейса по Крымско-Кавказской линии, устроившись учеником матроса на пароход "Платон".

37 *...отношения к шкиперу...* — Шкипер — (устар.) владелец торгового судна; заведующий имуществом палубной части судна.

38 *...вернулся... пассажиром.* — Весной 1897 г. Грин совершил рейс в Александрию. На обратном пути, в Смирне, был отстранен капитаном от работы "за сопротивление учебной шлюпочной гребле" и закончил рейс пассажиром.

39 *...в рассказе "Золото и шахтеры".* — Впервые опубл.: Красная нива, 1925, № 35. С. 550–552.

40 *...бессмертному Тартарену Доде...* — Имеется в виду герой трилогии А.Доде "Тартарен из Тараскона" (1872–1890).

41 *..."Селям алейкюм".* — Селям алейкюм (тюрк.) — здравствуйте.

42 *...в 15 километрах от Баку.* — Остров Артёма находится в 50 км от Баку.

43 *...как траппер...* — Траппер – охотник на пушного зверя в Северной Америке.

44 *Поступил банщиком...* — Должность банщика предполагает определенную квалификацию. Грин, вероятно, исполнял другую работу.

45 *...весной 1901 года... нанялся на баржу Булычева...* — Неточно: Грин поступил матросом на баржу № 8 Пароходства Т.Ф.Булычева 19 апреля 1900 г.

46 *...Нижний.* — Имеется в виду г. Нижний Новгород.

47 *...был там бродягой-рабочим.* — Грин работал в шахте на золотых приисках графа Шувалова; разнорабочим на Кушвинском заводе по переработке железной руды; на Пашийском заводе был сначала дровосеком, затем работал "на скидке и сплавке дров".

48 *...отсрочку на полгода.* — Отсрочка связана с пребыванием Грина под следствием и судом с сентября 1901 г. по обвинению в сбыте краденого. Вятский окружной суд, состоявшийся 4 февраля 1902 г., признал его невиновным.

49 *...в Оровайском батальоне.* — Грин служил рядовым 213-го Оровайского резервного батальона с 18 марта по 28 ноября 1902 г.

50 *..."Арестная палатка"...* — Рассказ Грина с таким названием не обнаружен.

51 *...в "Современном слове"...* — Газета, выходившая в начале XX в. в Петербурге.

52 *...вольноопределяющийся.* — В царской России: человек со средним образованием, который отбывал воинскую повинность на льготных условиях, вступая в армию добровольно, до призыва.

53 *...в подпольную революционную партию.* — Имеется в виду партия социалистов-революционеров.

54 *...в рассказе "Карантин".* — Впервые опубл. в кн.: Шапка-невидимка. — СПб.: Кн. маг. "Наша жизнь", 1908.

55 *Революционер Валериан...* — Прототипом Валериана стал Наум Яковлевич Быховский, один из лидеров эсеровской партии. Знакомство Грина с Быховским состоялось летом 1903 г. в Тамбове. Писатель считал Быховского своим "крестным отцом в литературе". Н.Н.Грин вспоминала:

"Наум Яковлевич относился к нему очень хорошо, и первым открыл в нем будущего писателя. Случилось это так: он поручил Грину составить текст нескольких прокламаций. Он составил и дал на проверку Быховскому. Тот, прочтя прокламации, задумчиво посмотрел на него и сказал: "Знаешь, Гриневский, из тебя, мне кажется, мог бы выйти неплохой писатель...". "Эти слова, — рассказывал Александр Степанович, — как удар, толкнули мою душу, зародив в ней тайную, стыдливую мечту о будущем... Я понял, чего я жажду, душа моя нашла свой путь".

56 *...рассказа "Подземное"...* — Впервые под названием "Ночь" опубл.: Трудовой путь, 1907, № 6. С.15–22.

57 *...в Екатеринослав...* — С 1926 г. — г. Днепропетровск.

58 *...никаким репрессиям он за предполагавшийся побег не подвергся.* — 17 декабря 1903 г. Грин пытался совершить побег из тюрьмы, организованный студентами Е.С.Синегубом и В.А.Бибергалем. Был задержан, переведен в камеру нижнего этажа, лишен прогулок, курения, чтения книг, письменных принадлежностей.

59 *...перевели в Феодосию.* — В мае 1905 г. Грин был переведен в феодосийскую тюрьму.

60 *...к ссылке на 10 лет в Восточную Сибирь.* — 22 февраля 1905 г. Грин приговорен Военно-морским судом к исключению со службы с лишением воинского звания, прав состояния и к ссылке на поселение.

61 *...до амнистии 1905 года.* — 17 октября 1905 г. Николай II издает манифест "Об усовершенствовании государственного порядка". 21 октября правительство объявляет амнистию.

62 *...в Карантинную балку...* — Имеется в виду район Севастополя.

63 *..."Севастополь".* — Впервые автобиографический очерк опубл.: Звезда, 1931, № 9. С. 40–52.

64 *...некой "Киске".* — Имеется в виду Екатерина Александровна Бибергаль. Ее портрет приводит в "Семейной хронике" О.П.Тарасова: "В своих воспоминаниях я часто упоминаю имя Кати Бибергаль, а сейчас мне хочется сказать о ней самой. В меру высокая, тоненькая, с легкой походкой, с тонкими чертами лица, с головкой, обрамленной, как ореолом, русыми пышными, волнистыми волосами, с карими, лучистыми глазами, она была обаятельна. Голос нежный, чистый. В Архангельск была сослана за пропаганду среди севастопольских матросов. Она мне рассказывала о своих встречах с матросами. Поздно вечером, когда на кораблях заканчивали работу, и полагалось отдыхать, матросы, связанные с Катей, потихоньку исчезали с корабля, брали у лодочника лодку и отправлялись, обогнув берег бухты, в направление Херсонеса. За скалами, укрываясь, ждали Катю, а она с провожающим ее человеком, выйдя за город, по степи отправлялась к назначенному месту. Увидя ее на берегу, матросы выходили на берег, и там Катя с ними беседовала. В лунные ночи выходило даже сказочно. Я слыхала, да и сама представляла, как она могла поднять революционный дух слушателей, призывая их бороться за лучшую жизнь. Иногда ее сопровождал писатель А.Грин".

65 *...и местного домашнего учителя, административно-ссыльного.* — Во

главе севастопольской эсеровской организации стояла Е.А.Бибергаль. С ней работали студенты В.А.Бибергаль и Е.С.Синегуб, курсистка, дочь амурского золотопромышленника Н.Дос(е?), смотритель севастопольской больницы В.Т.Голиков, акушерка горбольницы М.И.Зубкова, заведующий горбольницей, доктор С.А. Никонов (сочувствующий). Горбольница служила явкой.

66 *...в рассказе "Маленький комитет".* — Впервые опубл.: Неделя "Соврем. слова", 1908, № 20. С. 153–154.

67 *...рассказ Грина "На досуге".* — Впервые опубл.: Товарищ, 1907, 20 июля.

68 *...дочерью народовольца.* — Александр Николаевич Бибергаль — революционер, член революционной народнической организации "Народная воля", существовавшей в 1879–1883 гг.

69 *...книга А.Грина "Штурман четырех ветров"...* — Впервые напечатана: Спб.: Прометей, 1913. Т. 1.

70 *...в фантастическом рассказе "Земля и вода"...* — Впервые опубл.: Аргус, 1914, № 14. С. 129–140.

71 *...в подпольной организации "Красный крест".* — Нелегальная политическая организация для помощи политическим заключенным и ссыльным, существовавшая в России с начала 1880-х до 1917 г.

72 *...по журналу "Всходы"...* — Журнал для детей школьного возраста; издавался в Петербурге с 1896 г., выходил 2 раза в месяц. Изд.-ред. Э.С.Монвиж-Монтвид.

73 *...два моих рассказа.* — Название рассказов не установлено.

74 *...сидит с января 1906 года в "Крестах".* — Бытовое название (по форме здания) тюрьмы в Петербурге. Грин находился в этой тюрьме с 7 января по 15 мая 1906 г.

75 *...на паровой конке...* — До введения трамвайного движения: городская железная дорога с конной тягой, позднее — с паровой тягой.

76 *...в Парголово.* — Поселок Парголово находится в северной части Петербурга.

77 *Напоил... исправника...* — В царской России: начальник полиции в уезде.

78 *...а на другой день... сбежал.* — Грин совершил побег из ссылки в Туринске 11 июня 1906 г.

79 *...называл его "гасконцем"...* — Гасконец, житель Гаскони, исторической области на юго-западе Франции. В данном случае имеется в виду сравнение Грина с д'Артаньяном, героем романа А.Дюма "Три мушкетера".

80 *...издало "Донское издательство"...* — В августе 1906 г. Грин продал рассказ "Заслуга рядового Пантелеева" в московское книгоиздательство Е.Д.Мягкова "Народная жизнь". 30 сентября начато дело II отделения канцелярии Главного управления по делам печати "О наложении ареста на брошюру "А.С.Г. "Заслуга рядового Пантелеева". 28 февраля 1907 г. решено дело II отделения канцелярии Главного управления по делам печати "О наложении ареста на брошюру "А.С.Г. "Заслуга рядового Пантелеева". В 1960 г. один экземпляр брошюры найден в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР. Стал известен читателям после публ.: Лит. Россия, 1964, 28 авг.

81 *..."Слон и Моська"...* — Рассказ. Впервые опубл. в кн.: Прометей. — М., 1967. Т. 3. С. 310–332.

82 *...принята каким-то издательством...* — В сентябре 1906 г. Грин продал рассказ "Слон и Моська" в петербургское издательство "Свободная пресса". 17 декабря "при наложении ареста на брошюру "Слон и Моська" в типографии Безобразова, где она печаталась, было установлено: ...сделано 8 оттисков для цензурного комитета. Ни одного экземпляра никому выдано не было, почему брошюра "Слон и Моська" распространения не получила". 25 сентября 1907 г. брошюра "Слон и Моська" уничтожена "посредством разрывания на части". Сохранилось три экземпляра брошюры. Два из них находятся в РНБ, один — в РГБ.

83 *Эта подруга, Н.М.Л...* — Имя не установлено.

84 *...в рассказе "Сто верст по реке"...* — Впервые опубл.: Современный мир, 1916, № 7/8. С. 39–76.

85 *...строительство великого Сибирского пути...* — Имеется в виду строительство сплошного великого Сибирского рельсового пути (современное название — Транссибирская магистраль), железнодорожной линии, связывающей европейскую часть России с Сибирью и Дальним Востоком. Строилась в 1891–1916 гг.

86 *...сидела бабушка...* — Абрамова Елизавета Филипповна.

87 *...одним из редакторов левого "Современника".* — Русский ежемесячный журнал. Выходил в Петербурге в 1847–1866 гг., отличался демократическим направлением, жестоко преследовался цензурой. М.Е.Салтыков-Щедрин входил в редакцию журнала "Современник" в 1863–1864 гг.

88 *...в Озерках...* — Озерки — дачный поселок. Находился в 10 км от Петербурга. В 1963 г. вошел в черту города.

89 *..."По вечерам, над ресторанами..."* — Строка из стихотворения А.А. Блока "Незнакомка" (1906).

90 *..."Дача Большого Озера".* — Рассказ. Впервые опубл.: Биржевые ведомости, утр. вып., 1909, 15, 17, 18 ноября.

91 *Это была Лидия Стурре.* — 6 февраля 1908 г. Лидия Петровна Стурре (Стуре) вместе с другими членами группы "Летучий боевой отряд Северной области" отправилась на террористический акт против министра юстиции И.Г.Щегловитова и Великого князя Николая Николаевича. Акт был провален. Полиция не стала арестовывать заговорщиков, дав им уйти, чтобы на следующий день взять весь отряд с поличным. Л.Стурре оказала при задержании вооруженное сопротивление: выстрелив в одного из охранников, прострелила ему пальто. Ее схватили и обезоружили. 14 февраля 1908 г. в помещении тюрьмы Трубецкого бастиона Петропавловской крепости состоялся военно-окружной суд. Всех семерых участников боевого отряда приговорили к повешению. 17 февраля 1908 г. приговор был приведен в исполнение. Эта казнь послужила материалом к повести Л.Андреева "Рассказ о семи повешенных" (впервые опубл. в 1908 г. в альманахе "Шиповник").

92 *...для "Революционной России"...* — Нелегальная газета, издавалась с конца 1900 г. в России Союзом социалистов-революционеров, с января 1902 г. выходила в Женеве как официальный орган партии эсеров (1900–1905).

93 *...сильно было написано.* — Статья не найдена.

94 *...казни "семи повешенных"...* — Имеется в виду казнь 17 февраля 1908 г. семи участников "боевого летучего отряда", готовивших покушение на министра юстиции И.Г.Щегловитова. Подробнее см. прим. 91.

95 *..."Газеты-Копейки"...* — Газета французского бульварного типа. "Газета-Копейка" выходила в Петербурге в 1908–1918 гг.

96 *...журнал "Дятел"...* — Эпоха первой русской революции (1905) вызвала подъем периодической прессы. В это время исключительную роль играют сатирические журналы. В период 1905–1907 гг. насчитывалось до 380 изданий этого типа, почти все стояли в резкой оппозиции к самодержавно-бюрократическому режиму. К журналам такого типа относился и "Дятел".

97 *...ресторан братьев Г. и В.Давыдовых...* — Вот как писала о нем Н.Фонякова: "В Петербурге, на Владимирском проспекте, 7, в четвертом доме от Невского проспекта, находился ресторан, пользовавшийся славой литературного кабачка еще со времен "Современника" и "Отечественных записок". (Журналы демократического направления: "Современник", 1836–1846, "Отечественные записки", 1820–1830. — *Сост.*). <...> В просторечии ресторан назывался "Давыдка" (по имени владельца), или <...> "Капернаум". (Первого владельца звали Иван Борисович Давыдов. — *Сост.*). <...> Примерно с середины 1903 года, после того, как открылся новый ресторан "Вена", популярность "Капернаума" стала меркнуть". (Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. — Л.: Лениздат, 1973. С. 137, 144).

98 *...в ресторане "Вена"...* — Ресторан, открывшийся в Петербурге в 1903 г. на углу улиц Малой Морской и Гороховой, в доме 13/8. В нем был писательский зал. С начала войны 1914 г. официально именовался рестораном Соколова.

99 *...в газете "Новости"...* — Ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге в 1871–1917 гг.

100 *...в "Петербургской Газете"...* — Газета французского бульварного типа, выходила после первой русской революции 1905–1907 гг.

101 *...толстовец...* — последователь религиозно-этического учения Л.Н. Толстого, основанного на христианских идеях непротивления злу насилием.

102 *...М-ч.* — Предположительно, псевдоним поэта-сатирика Эммануила Яковлевича Германа.

103 *...на Фонтанку...* — Река и улица в Петербурге, пересекающая центральную часть города.

104 *...ницшианство.* — Учение, основанное на философских воззрениях немецкого писателя Фридриха Ницше (1844–1900). Он отвергал европейскую культуру (включая христианско-буржуазную нравственность), воспевал крайний индивидуализм и проповедовал идею "сверхчеловека", который должен прийти на смену Богу.

105 *..."Гнездя на острые углы пушистый свой ночлег..."* — Строка из стихотворения А.Грина "Первый снег". Впервые опубл.: Неделя "Соврем. слова", 1912, № 240. Стб. 2045.

106 *...пассы...* — От фр. passes — однообразные движения руками над головой человека, у которого хотят вызвать состояние гипноза.

107 *...на Лиговку...* — Имеется в виду Лиговский проспект.

108 *...при постоялых дворах.* — Постоялый двор — трактир с местами для ночлега и двором для лошадей.

109 *...в рассказе "Наследство Пик-Мика"...* — Впервые полностью опубл. в кн. "Окно в лесу": Полн. собр. соч.: [В 15-ти т.]. — Л.: Мысль, 1929. Т. 8.

110 *..."Из пещер и дебрей Индостана".* — Книга историко-этнографических очерков Е.Блаватской вышла в свет в 1883 г. под псевдонимом Рада-Бай.

111 *...рассказа "Лужа Бородатой Свиньи".* — Впервые опубл.: Неделя "Соврем. слова", 1912, № 247. Стб. 3015–3016

112 *..."Табу"* — Рассказ. Впервые опубл.: Аргус, 1913, № 7. С. 51–60. Табу (полинез.) — у первобытных народов — религиозный запрет, налагаемый на какой-либо предмет, действие, слово и т. п., нарушение которого будто бы неминуемо влечет жестокую кару (болезнь, смерть) со стороны фантастических духов и богов.

113 *...на святках...* — Праздничные дни от Рождества до Крещения.

114 *...припадок падучей...* — Падучая болезнь или падучая — эпилепсия.

115 *...подырявливает все пироги...* — Пирога — узкая длинная лодка у индейцев.

116 *...в утреннем выпуске "Биржевых ведомостей"...* — Неточно. Рассказ "В Италию" был напечатан в вечернем выпуске газеты "Биржевые ведомости" 5 декабря 1906 г. с опечаткой в названии: "В Италии". "Биржевые ведомости" — газета биржи, финансов, торговли и общественной жизни. Организована из "Биржевого вестника" и "Русского мира" С.М.Проппером 1 ноября 1880 г., редактор — П.С. Макаров. С 1 ноября 1885 г. выходила ежедневно, с 1895 г. стал выходить утренний и вечерний выпуск, издание прекратилось в 1917 г.

117 *...инициалы, но иные, чем у него.* — Имеется в виду англо-амер. писательница Анна Катарина Грин.

118 *...в "Новом журнале для всех"...* — Первоначально — "Журнал для всех", "первый общедоступный литературно-общественный и научный ежемесячник для народного чтения". Выходил с кон. XIX в. С кон. 1890-х журнал издавал В.С. Миролюбов, затем — И.М.Розенфельд.

119 *После разгона II Государственной думы (1907 г.)...* — Государственная дума — законосовещательное, представительное учреждение Российской империи (1906 — окт. 1917). Учреждена Манифестом 17 октября 1905 г. Всего проведено 4 созыва. Действие II Государственной думы длилось с 20 февраля по 2 июня 1907 г.

120 *..."столыпинская реакция".* — Система репрессивных мер, направленная на подавление революции 1905–1907 гг., которой руководил Председатель Совета министров П.А.Столыпин.

121 *..."Мир Божий"...* — Литературный и научно-популярный журнал либерального направления. Основан А.А.Давыдовой 13 декабря 1891 г., издавался в Петербурге в 1892–1906 гг.

122 *..."Русское богатство"...* — Журнал либерально-народнического направления, издавался с 1876 г. по 1918 г. Основан Н.В.Савичем в Москве, затем издание перенесено в Петербург. С 1904 г. главный редактор — В.Г.Короленко.

123 *...в сборниках издательства "Знание"...* — Литературные сборники, издававшиеся в1904–1913 гг. при деятельном участии М.Горького книжным товариществом "Знание", существовавшем в Петербурге в 1898–1913 гг.

124 *..."Всемирную панораму"...* — Ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1909–1911 гг., редактор и издатель Б.А.Катловкер.

125 *...на империале конки...* — Верхняя часть вагона конки с местами для пассажиров.

126 *...к "Навьим чарам"...* — Роман Ф.Сологуба "Навьи чары" печатался в альманахе "Шиповник" в 1907–1914 гг. В завершенном виде получил название "Творимая легенда".

127 *...страны Ойле и Мейрур, река Лигой...* — Вымышленные географические названия в произведениях Ф.Сологуба: стихотворения "Звезда Маир" (1898), "Мой прах истлеет понемногу..." (22 сентября 1898), рассказ "За рекой Мейрур", роман "Творимая легенда".

128 *...остров Рено, город Зурбаган...* — Вымышленные географические названия в произведениях Грина: рассказы "Остров Рено" (1909), "Зурбаганский стрелок" (1913) и др.

129 *...с кэк-укоками...* — Кекуок — бальный и эстрадный танец, возник в США на рубеже XIX–XX вв. на основе танца американских негров. На эстраде кафешантанов выродился в вульгарный танец, близкий к канкану.

130 *...на сотку...* — Здесь: сто граммов спиртного.

131 *...на Коломяжском ипподроме...* — Ипподром располагался на территории финской деревни Коломяги. Ныне — Приморский район Петербурга.

132 *..."мертвая петля" или "бочка".* — В авиации: фигуры высшего пилотажа.

133 *..."Блерио" или "Фарман"...* — Типы самолетов, создателями которых были французские авиаконструкторы и летчики Л.Блерио и А.Фарман.

134 *...от Новой Деревни...* — Новая Деревня была основана в сер. XVIII в. для поселения крепостных крестьян, которые разбивали парк и строили декоративные сооружения на Каменном острове. Ныне — район Петербурга, расположенный на правом берегу Большой Невки.

135 *...два "Райта"...* — Тип самолета, изобретенный братьями У. и О.Райт.

136 *..."Антуанетт"...* — Название самолетов и авиационных двигателей, созданных одним из французских пионеров авиации П.Левавассёром.

137 *...от биплана...* — Самолет с двумя крыльями, расположенными одно над другим по обе стороны фюзеляжа.

138 *...рассказ "Состязание в Лиссе".* — Впервые опубл.: Красный милиционер, 1921, 2/3. С. 27–30.

139 *...герой рассказа "Искатель приключений"...* — Впервые опубл.: Современный мир, 1915, № 1. С. 1–26.

140 *...картина Алара...* — Вероятно, вымышленный персонаж А.Грина.

141 *...в начале "Блистающего мира"...* — Впервые роман опубл.: Красная нива, 1923, № 20–30.

142 *...Тарт.* — Герой рассказа А.Грина "Остров Рено".

143 *...рассказ "Ксения Турпанова"...* — Впервые опубл. в кн.: Летучие альманахи. — М.; Спб., 1913.

144 *В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона...* — Издание словаря готовилось издательством Брокгауз-Ефрон, основанном в Петербурге в 1889 г. типографом И.А.Ефроном по инициативе С.А. Венгерова и при участии немецкого издателя Ф.А.Брокгауза. Первое издание словаря печаталось 16 лет (до 1907 г.). Второе издание было предпринято в 1911 г., но из 48 намеченных томов вышло только 29.

145 *...статьи "Поэтика" и "Поэзия".* — Горнфельд А.Г. Поэзия. Поэтика — статьи в кн.: Энциклопедический словарь. — СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1898. Т. 24. С. 832–836, 837–844.

146 *...в журналах "Восход", "Журнал для всех", "Сын Отечества".* — "Восход" — ежемесячный публицистический и историко-литературный еврейский журнал на русском языке, основан в Петербурге в январе 1881 г., прекратил существование в 1906 г.; "Журнал для всех" — см. прим 118; "Сын Отечества" — возможно, имеется в виду либеральная газета, выходившая в Петербурге в 1904–1905 гг.

147 *...в журнале "Товарищ".* — Иллюстрированный еженедельник, приложение к газ. "Товарищ", выходившей в Петербурге в 1906–1907 гг.

148 *В его отзыве на книгу А.Грина "Искатель приключений"...* — Рецензия А.Горнфельда на книгу "Искатель приключений", вышедшую в 1916 г. в московском издательстве "Северные дни", была опубл.: Русское богатство, 1917, № 6/7. С. 279–282.

149 *...в Доме предварительного заключения.* — Дом находился на ул. Шпалерная.

150 *...на Спасской улице...* — Вероятно, имеется в виду Спасский переулок.

151 *...состоит ктитором...* — Ктитор — церковный староста у христиан.

152 *...на Песках...* — Пески — район Петербурга.

153 *С Адмиралтейского...* — Имеется в виду Адмиралтейский пр-т.

154 *...с флёрдоранжем.* — Флёрдоранж — белые цветки померанцевого дерева, а также искусственные цветы того же вида и цвета.

155 *...один из шаферов.* — Шафер — лицо, состоящее при женихе или невесте и держащее у него (у нее) венец в церковном свадебном обряде.

156 *...на клиросе.* — Клирос — возвышение по обеим сторонам алтаря, место в православной церкви для певчих (хора) во время богослужения.

157 *...санкюлотов...* — Санкюлоты — презрительная кличка, данная французскими аристократами городской бедноте.

158 *В первых числах ноября 1910 года...* — А.Грин отправляется в архангельскую ссылку 31 октября 1910 г.

159 *...через двое суток, в Архангельске...* — А.Грин с женой прибыли в Архангельск 3 ноября 1910 г.

160 *...подорожные...* — Подорожная — проездное свидетельство.

161 *...портпледы...* — Портплед — специальный чехол с ремнями для перевязки постельных принадлежностей.

162 *...меховой полостью...* — Полость — покрывало на ноги в экипаже.

163 *...саженей...* — Сажень — русская мера длины, равная 2,13 м.

164 *...зимой на перекладных...* — На перекладных — в экипаже с ло-

шадьми, сменяемыми на почтовых станциях.

165 *...приехали в Пинегу.* — А.Грин с женой прибыли в Пинегу 12 ноября 1910 г.

166 *...фаланстеры...* — Фаланстер — тип здания, который Ш.Фурье в своих утопических планах проектировал для расселения общины.

167 *...купила мадеполаму...* — Мадеполам — хлопчатобумажная бельевая ткань.

168 *...журнал "Пробуждение"...* — Двухнедельный литературно-художественный и научный журнал. Издавался в Петербурге в 1906–1917 гг. См. очерк ""Пробуждение" — журнал, который читал Александр Грин" в книге Игоря Григорьева "Мой Крым" (Феодосия; М.: Издат. дом "Коктебель", 2007. С. 40–41).

169 *...Мезень...* — Город (с 1779 г.) в Архангельской обл., порт на реке Мезень и Белом море, основан в XVI в.

170 *...в Усть-Цильму.* — В то время: село в Печорской губ., ныне — в Республике Коми.

171 *...написал "Позорный столб"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Всеобщий журнал литературы и искусства, науки и общественной жизни, 1911, № 7/8. Стб. 113–120.

172 *...секретарем "Всеобщего журнала".* — Имеется в виду "Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни" — иллюстрированный ежемесячник, выходил в Петербурге в 1910–1912 гг.

173 *...дробовик...* — Охотничье гладкоствольное ружье, стреляющее дробью.

174 *...какофония.* — Лишенное всякого благозвучия сочетание звуков (в музыке, стихах).

175 *Над этими "журфиксами"...* — Журфикс — определенный день для приема гостей.

176 *...в хальму...* — Настольная игра с использованием клеточного поля и фишек. В хальму можно играть вдвоем или вчетвером.

177 *...акцизный чиновник...* — Чиновник по сбору акцизных налогов, учрежденных на товары широкого внутреннего потребления.

178 *...заступами...* — Заступ — большая железная лопата, применяемая на земельных работах.

179 *...помощник исправника.* — В царской России: заместитель начальника полиции в уезде.

180 *...студенты, высланные за участие в демонстрации по поводу похорон Льва Толстого.* — Благодаря своим романам и публицистическим выступлениям Л.Н.Толстой стал не только величайшим мировым писателем, но и совестью всего человечества. Журналист А.Суворин писал в дневнике: "Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии". К Толстому как к художнику, мыслителю, политическому деятелю прислушивались прогрессивные люди России и всего мира. После кончины Толстого (7 ноября 1910 г.) по России прокатилась волна общественного движения в поддержку идей великого писателя. В декабре 1910 г. в статье "Начало демонстраций" В.И.Ленин писал: "Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — уличные демонстрации с участием преимущественно студенчества,

но отчасти также и рабочих". Царское правительство расправилось с участниками студенческих волнений: они были исключены из учебных заведений и отправлены в ссылку.

181 *...в повести "Таинственный лес".* — Рассказ. Впервые опубл.: Нива, 1913, № 19–22.

182 *...зала...* — Устаревшая форма слова "зал".

183 *...рассказ "Синий каскад Теллури"...* — Впервые опубл.: Новый журнал для всех, 1912, № 1. Стб. 31–64.

184 *...в Гейдельберге...* — Город в Германии.

185 *...на углу Второй роты...* — Правильно: 2-я рота Измайловского полка, позднее — ул. 2-я Красноармейская.

186 *...об этом в "Повести, оконченной благодаря пуле"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Отечество, 1914, № 5. С. 92–95.

187 *...издание "Королевы Марго" А.Дюма.* — Имеется в виду книга: Дюма А. Королева Марго. Исторический роман. — СПб., 1904.

188 *..."Милой моей Гелли..."* — Гелли — героиня рассказа А.Грина "Сто верст по реке". См. главу "Тюремная невеста" и прим. 84.

189 *Нока больше около меня не было...* — Нок — герой рассказа А.Грина "Сто верст по реке".

190 *...из "Сердца пустыни".* — Рассказ "Сердце пустыни" впервые опубл.: Красная нива, 1923, № 14. С. 12–13.

191 *Накинув капот...* — Женская домашняя одежда свободного покроя, род халата.

192 *...в другом рассказе Грина "Эпизод во время взятия форта "Циклоп""...* — Впервые опубл.: Синий журнал, 1914, № 29. С. 3–5.

193 *...неглиже...* — Утренняя легкая домашняя одежда; переносное знач.: небрежное и недостаточное одеяние, полуголый вид.

194 *..."неглиже с отвагой" — выражение, как известно, Лескова.* — Выражение "неглиже с отвагой" первоначально употреблялось в значении: смелость, непринужденность в поведении. Встречается в романах Б.М.Маркевича "Бездна", Г.П.Данилевского "Сожженная Москва", П.Д.Боборыкина "Василий Тёркин". Благодаря этим популярным произведениям, выражение получило широкое распространение и употребляется с пренебрежительным оттенком, подчеркивая развязное, вызывающее поведение человека.

195 *... в главе "Интермедия"...* — Впервые под названием "Петух" опубл.: Утро Сибири, Чита, 1909, 25 декабря.

196 *...много томов "Вестника иностранной литературы"...* — "Вестник иностранной литературы" — ежемесячный журнал, издавался в Петербурге в 1891–1908 и 1910–1916 гг.

197 *...рассказа "Племя Сиург".* — Впервые опубл.: Нива: Ежемес. лит. прил. к жур., 1913, № 1. Стб. 97–112.

198 *..."Ветер в горах"...* — старинный фигурный вальс.

199 *..."Фанданго"...* — Испанский народный танец, распространенный в Кастилии и Андалузии. Исполняется в умеренном темпе под аккомпанемент гитары и кастаньет.

200 *..."Санта-Лючия"...* — Неаполитанская народная песня, написанная в духе вилланеллы — бытовой музыки, получившей широкое распространение в XVI в.

201 *...вальс из "Фауста".* — Имеется в виду вальс из оперы Ш.Гуно "Фауст" (1859).

202 *...песенку "Бен Болт", которую поет Трильби у Дюморье...* — Народная англ. песня "Бен Болт", которую исполняет Трильби — героиня одноименного романа англ. писателя Д.Дюморье.

203 *..."Далеко, далеко до Типперэри"...* — Песня, популярная в старой английской армии.

204 *..."Южный Крест"...* — Музыкальное произведение, написанное Ч.Эллеброком в 1861 г. в США.

205 *..."Старый фрак" Беранже...* — Имеется в виду романс А.Даргомыжского "Старый капрал" (1858) на одноименное стихотворение Ж.Беранже в переводе В.Курочкина.

206 *..."Мексиканский вальс".* — Имеется в виду вальс "Над волнами" (1885) композитора Х.Росаса.

207 *..."Жоселен".* — Имеется в виду "Жоселен" (1888), самая популярная из опер Л.Годара по одноименной поэме А.Ламартина (1836).

208 *...театром В.Комиссаржевской...* — Театр Комиссаржевской создан в Петербурге В. Комиссаржевской (1904–1910). Ныне — С.-Петербургский академический драматический театр им. В.Ф.Комиссаржевской.

209 *...Московского Художественного театра.* — Основан в 1898 г. К.Станиславским и В.Немировичем-Данченко.

210 *..."Юлий Цезарь".* — Пьеса В.Шекспира "Юлий Цезарь" (1599) шла во МХАТе в 1903 г., исполнитель роли Цезаря — В.Качалов.

211 *В Мариинском оперном театре...* — Открыт в 1783 г., с 1860 г. стал называться: Мариинский театр, с 1919 г. академический, позднее — Ленинградский театр оперы и балета им. С.М.Кирова. Ныне — Государственный академический Мариинский театр.

212 *...цикл вагнеровских опер "Кольцо Нибелунга"...* — Тетралогия Р.Вагнера "Кольцо Нибелунга", состоящая из опер "Золото Рейна", "Валькирия", "Зигфрид", "Гибель богов" (1854–1874).

213 *...в Александринский театр...* — Старейший русский драматический театр, основан в 1756 г., с 1832 г. — Александринский театр, с 1919 г. — академический, с 1920 г. — Петроградский академический театр драмы. Ныне — Российский государственный академический театр драмы им. А.С.Пушкина.

214 *...на пьесу Гамсуна "У царских врат".* — Драматическая трилогия. Написана К.Гамсуном в 1895 г.

215 *...на балете "Дон Кихот".* — Имеется в виду балет Л.Минкуса "Дон Кихот" (1869).

216 *...монмартрских кабачков...* — Имеются в виду кабачки, расположенные на Монмартре — районе Парижа, известном как место обитания артистической богемы.

217 *...изданных "Общественной пользой"...* — Книгоиздательское товарищество, созданное в Петербурге в 1859 г., существовало более 50 лет. Издавало научную и художественную литературу.

218 *..."гапоновские дни".* — Имеется в виду митинги, проходившие в Петербурге после 9 января 1905 г., т. н. "кровавого воскресенья", когда состоялось шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу с петицией Николаю II. Инициатором петиции и шествия был священник Г.Гапон. Участники шествия были расстреляны. Жестокая расправа властей с народом

вызвала акции протеста, которые подавлялись полицией.

219 *...в "Русской мысли"...* — Ежемесячный научный, литературный и политический журнал, издавался в Москве в 1880–1918 гг.

220 *..."Советский писатель"...* — Издательство Союза писателей СССР, созданное в 1934 г.

221 *...в рассказе "Путешественник Уы-Фью-Эой"...* — Впервые опубл.: Красная газета, веч. вып., 1923, 31 января.

222 *...в рассказе "Вокруг света".* — Впервые опубл.: Русская воля, 1916, 31 декабря.

223 *...уистити...* — Южноамериканская обезьяна рода игрунок.

224 *...Куоккала...* — Поселок на побережье Финского залива, с 1948 г. — пгт Репино Ленинградской обл. Загородный дом Л.Андреева находился в дер. Ваммельсуу (Финляндия).

225 *Жена Леонида Николаевича...* — Имеется в виду Андреева Анна Ильинична, 2-я жена писателя.

226 *...по шхерам.* — Шхеры — скалы и небольшие скалистые острова у морских берегов, изрезанные фиордами, узкими, глубоко вдавшимися морскими заливами.

227 *"...свою Ассунту?"* — Ассунта — героиня А.Грина.

228 *...в Гатчину* — Город близ Петербурга, основан в 1796 г.

229 *...изданную "Радугой"...* — Частное издательство в Петербурге, существовало в 1922–1930 гг. Владелец Л.Клячко.

230 *...Старая Деревня...* — Район Петербурга, расположенный на правом берегу Большой Невки.

231 *...в "Ниву"...* — "Нива" — еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге А.Марксом в 1870–1918 гг.

232 *...написал посвящение...* — Текст посвящения гласит: "Единственному моему другу — Вере — посвящаю эту книжку и все последующие. А.С.Грин. 11-е апреля 1915 года".

233 *...Грин поселился на станции Выборгской железной дороги Лоунатйоки.* — В конце октября 1916 г. Грин был удален полицией из Петрограда за непочтительный отзыв о царе в общественном месте. Он выбрал для жительства станцию Лоунатйоки в 64 км от Петрограда (позднее — станция Заходское).

234 *...в очерке "Пешком на революцию"...* — Впервые опубл. в кн.: Революция в Петрограде. — Пг., 1917. С. 13–24

235 *...рекогносцировка...* — Разведка для получения сведений о противнике.

236 *...переехал к X.* — Имеется в виду М.Долидзе, с которой Грин жил несколько месяцев: с осени до конца 1918 г.

237 *...называли "Порт-Артурский"...* — Порт-Артур — военно-морская крепость, которую русские войска героически обороняли во время русско-японской войны с 9 февраля 1904 г. по 2 января 1905 г., когда крепость была сдана противнику. При ведении войны имело место казнокрадство, благодаря чему люди, нечистые на руку, обогатились.

238 *...Союзу деятелей художественной литературы.* — Был создан по инициативе Литературной курии Союза деятелей искусств в марте 1918 г. Во временный совет входили Л.Андреев, М.Горький, Н.Гумилев, Ф.Сологуб и др. 10 ап-

реля 1918 г. Народный комиссариат имуществ выдал Союзу удостоверение, подписанное А.Луначарским, на основании которого Союз осуществлял свою деятельность в дальнейшем. Союз был создан с целью защиты духовных и правовых интересов деятелей художественной литературы.

239 *...отдел журнала "Пламя"...* — Еженедельный общедоступный научно-литературный и художественно-иллюстративный журнал под редакцией А.Луначарского. Выходил с мая 1918 г. по май 1920 г.

240 *...в газете "Красный Балтийский Флот"...* — Вероятно, имеется в виду ежемесячный журнал "Красный балтиец", который издавался Политуправлением Балтийского флота с июня 1920 г. по декабрь 1921 г.

241 *...журнала, издававшегося петроградской милицией.* — Вероятно, имеется в виду еженедельный литературно-художественный журнал "Красный милиционер", который издавался в Петрограде Отделением управления Петросовета с 7 ноября 1919 г. по 1921 г. Известны публикации Грина в этом издании в 1921 г.

242 *...Союз писателей, Союз поэтов, Цех поэтов, Дом искусств.* — Союз писателей: вероятно, имеется в виду Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, созданная в 1920 г. Союз поэтов (или Всероссийский союз поэтов) — литературное объединение, существовавшее в 1918–1929 гг. "Цех поэтов" — литературная организация, существовавшая в 1911–1914 гг. в Петербурге, была возобновлена в 1921–1923 гг.. Дом искусств — литературно-художественное учреждение, было организовано 19 ноября 1919 г. для учета литературных и художественных сил Петрограда с целью использования их для планомерной культурно-просветительной работы, а также для оказания социальной помощи деятелям искусств; существовал до 1922 г. Дом искусств располагался в особняке, построенном в 1768-1771 гг. и реквизированном после революции 1917 г. у банкира С.П.Елисеева (наб. Мойки и ул. Б.Морская).

243 *...призвали на военную службу.* — Летом 1919 г. Грина призвали в Красную армию на основании "Обязательного постановления" Комиссариата по военным делам г. Петрограда и Петроградской губернии № 84581 "О призыве лиц, не эксплуатирующих чужого труда, проживающих в гор. Петрограде, родившихся в 1879–1901 гг., прошедших и проходящих курс всеобщего военного обучения".

244 *...стоял на Охте...* — Так называется обширная территория на берегах реки Большая Охта.

245 *...роман Анни Виванти "Поглотители".* — Роман итальянской писательницы А.Виванти "Поглотители" был напечатан в 4–11 книгах "Современника" в 1911 г.

246 *...Дом литераторов...* — Был организован Петроградским профессиональным союзом журналистов и Кассой взаимопомощи литераторов и ученых для "облегчения членам литературных организаций продовольственной нужды". Официальное открытие состоялось 1 декабря 1918 г. (ул. Бассейная, 11).

247 *...Смольном.* — Имеется в виду Смольный институт благородных девиц в Петрограде, построенный в 1806–1808 гг.

248 *...Боткинские бараки...* — Имеется в виду Александровская барачная больница, открытая в 1880 г. по инициативе С.Боткина; ныне больница, носящая его имя.

249 *...у Полицейского моста...* — Ныне — Зеленый мост.

250 *...московского Дворца искусств...* — Дворец искусств в Москве организован по инициативе А.Луначарского в начале 1919 г. для сплочения деятелей искусств "на почве работы для широких народных масс", существовал до 23 февраля 1921 г. Размещался в доме № 52 на ул. Поварская. Ныне — здание писательских союзов России.

251 *...вынашивал эту повесть пять лет...* — Начало работы А.Грина над "Алыми парусами" можно отнести к 1916 г., когда был написан черновой набросок "...Сочинительство всегда было внешней моей профессией...".

252 *...читал нам "Крысолова"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Россия, 1924, № 3. С. 47–79.

253 *...из папье-маше...* — Бумажная масса, смешанная с клеем, мелом, гипсом и пр.; легко поддается формовке и идет на различные поделки.

254 *...радостное письмо.* — Цитируемые в главе письма А.Грина хранятся в ФЛММГ.

255 *...изд-тво "Мысль"...* — Частное книгоиздательство Л.Вольфсона в Ленинграде в 1927–1930 гг.

256 *...купил у меня полное собрание сочинений 15 томов...* — 9 февраля 1927 г. в Феодосии А.Грин заключил с Л.Вольфсоном договор на издание Полного собрания сочинений в 15 томах.

257 *...нового романа "Бегущая по волнам"...* — Впервые книга издана: М.; Л.: Земля и фабрика, 1928.

258 *...переименован в "Джесси и Моргиану"...* — Впервые книга издана: Л.: Прибой, 1929.

259 *...в "Прибой"...* — Рабочее кооперативное издательство, основанное в 1922 г. в Петрограде; выпускало художественную и научно-популярную литературу. В 1928 г. вошло в состав Ленгиза.

260 *...писал Грин.* — Неточно. Пересказан отрывок из письма Н.Грин от 13 октября 1928 г.

261 *...в Музее изящных искусств.* — А.Грин с женой посещают выставку изящной гравюры в Музее нового западного искусства на Пречистенке. Грин обращает внимание на гравюру английского художника Д.Гринвуда, которая в переводе с английского языка называлась "Плохая дорога, которая поднимается из Грассингтона и никуда не ведет". По воспоминаниям Н.Грин гравюра носила название "Дорога никуда". На основании переписки Гринов с В.Калицкой можно сделать вывод, что событие относится к 1927 г.

262 *...как только выйдут "Приключения Гинча".* — Впервые книга напечатана: Полн. собр. соч.: [В 15-ти т.]. — Л.: Мысль, 1929. Т. 14.

263 *...авторских экземпляров "Колонии Ланфиер".* — Впервые книга напечатана: Полн. собр. соч.: [В 15-ти т.]. — Л.: Мысль, 1929. Т. 13.

264 *...для "Следопыта".* — Имеется в виду журнал "Всемирный следопыт", выходивший в издательстве "Земля и фабрика".

265 *...рассказ "История одного ястреба".* — Впервые опубл.: Всемирный следопыт, 1930, № 2. С. 146–152.

266 *"...о будущем месяце или неделе..."* — Цитата из письма Н.Грин от 3 июня 1930 г.

267 *..."Знание – сила"...* – Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи Всероссийского общества "Знание", основанный в 1926 г. в Москве.

268 *...с издательством "Федерация"...* – "Федерация" – орган Федерации объединений советских писателей (ФОСП), было создано в Москве в 1929 г. на базе нескольких кооперативных издательств. В 1932 г. переименовано в "Советскую литературу".

269 *...книги моих автобиографических воспоминаний...* – Имеется в виду предварительная договоренность А.Грина с издательством "Федерация" о выходе отдельной книгой его автобиографических очерков. Книга в этом издательстве не выходила.

270 *...с "Землей и Фабрикой"...* – "Земля и фабрика" ("ЗИФ") – советское государственное акционерное издательское общество, основанное в 1922 г. Выпускало оригинальную и переводную беллетристику и литературно-критические издания. 1 октября 1930 г. влилось в Государственное издательство художественной литературы.

271 *...на печатание книги "Избранные произведения" под общим названием "Остров Рено"...* – Книга А.Грина под названием "Остров Рено" не выходила.

272 *..."Никитинские субботники"...* – Издательство, организованное в 1922 г. на базе московского литературного объединения "Никитинские субботники" (1914), возглавляемое Е.Никитиной. В 1931 г. слилось с издательством "Федерация".

273 *...книжку "Фанданго".* – Книга А.Грина "Фанданго" в издательстве "Никитинские субботники" не выходила.

274 *Какой-то художник, имени которого я, к сожалению, не знаю...* – Имеется в виду Иван Семенович Куликов.

275 *...в той коммунальной квартире, в которой они жили.* – 6 апреля 1929 г. Грины переехали в отдельный дом № 7 на ул. Верхне-Лазаретная (ныне – ул. Куйбышева, 31), где жили до 23 ноября 1930 г. На этом здании 27 мая 1999 г. была установлена мемориальная доска, посвященная А.С.Грину. Сменить жилье Грины вынуждены были в связи с увеличением квартирной платы после того, как в сентябре дом был муниципализирован.

276 *...в той квартире, где жили Грины...* – Имеется в виду квартира на ул. Галерейная, 8 (ныне 10), где жили Грины с 5 сентября 1924 г. по 6 апреля 1929 г. В этом доме 9 июля 1970 г. был открыт Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С.Грина.

277 *...тактичные люди...* – Имеется в виду семья Сапожниковых.

278 *"...страшно становится..."* – Цитата из письма Н.Грин от 2 декабря 1930 г.

279 *...для "Звезды"...* – Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходит с 1924 г. в Ленинграде.

280 *...писал "Недотрогу".* – Неоконченный роман А.Грина. Впервые опубл. в кн.: Крымский альбом 1996: Альманах. [Вып. 1]. – Феодосия; М.: Издат. дом "Коктебель", 1996. С. 148–169.

281 *..."Здесь голод и жара".* – Фраза из письма Н.Грин от 23 июня 1931 г.

282 *Палочек Коха...* – Палочки Коха – возбудитель туберкулеза, открытый в 1882 г. Р.Кохом.

283 *...выхлопотать ему пенсию.* — 26 августа 1931 г. А.Грин написал заявление в Правление Всероссийского союза советских писателей с просьбой о назначении персональной пенсии в связи с 25-летием его литературной деятельности.

284 *...Издательство писателей в Ленинграде...* — Существовало в 1927–1938 гг.; после слияния кооперативных издательств на его базе было организовано Ленинградское отделение издательства "Советский писатель".

285 *...купила маленький домик...* — Имеется в виду дом по ул. К.Либкнехта, 40 (ныне 52), который Н.Грин купила за золотые часы, подаренные Грином, и материальную помощь от М.Гриневской. Ныне здесь — музей А.С.Грина.

286 *...перевезли в этот домик.* — 7 июня 1932 г. Н.Грин перевезла А.Грина в дом по ул. К.Либкнехта.

287 *...дала публикацию в газеты...* — Извещение о смерти А.Грина было опубликовано в газете "Известия" и в "Красной газете".

288 *...написала в Коктебель, где был Дом творчества.* — Н.Грин, вероятно, адресовала письмо в дом М.Волошина. Дом творчества был организован в марте 1933 г. как Дом отдыха писателей. Располагался в одном из зданий, принадлежавших семье Волошина.

289 *...своим резким письмом...* — Имеется в виду письмо В.Калицкой от 28 мая 1930 г.

290 *"...от разности характеров и незнания жизни".* — Дата письма Н.Грин не установлена.

291 *"...Ваше сердце мало знало..."* — Цитата из письма Н.Грин от 8 мая 1932 г.

292 *...консоме...* — Крепкий бульон из мяса или дичи.

293 *...тартинки...* — Тартинка — тонкий ломоть хлеба, намазанный маслом; маленький бутерброд.

294 *...капельдинеры...* — Билетеры, служащие в театральном или концертном зале, проверяющие у посетителей билеты, указывающие места и наблюдающие за порядком.

295 *..."Брак Августа Эсборна".* — Рассказ. Впервые опубл.: Красная нива, 1926, № 13. С. 4–6.

296 *Это рассказ "Безногий"...* — Впервые опубл.: Огонек, 1924, № 7. С. 4, 6–8.

297 *...в другом издании — "Калека"...* — Публикация рассказа А.Грина под названием "Калека" не обнаружена.

298 *...в своем прекрасном рассказе "Наивный Туссалето".* — Впервые опубл.: Аргус, 1913, № 8. С. 71–76.

299 *...например, "Больная душа"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Новая жизнь, 1915, № 3. С. 3.

300 *..."Арвентур" (глава из рассказа "Наследство Пик-Мика")...* — Глава впервые опубл. в кн.: Книга рассказов: (Читатель). — СПб., 1910. С. 174–192.

301 *..."Могущество слов".* — Рассказ. На русском языке впервые опубл. в кн.: Э.По. Повести, рассказы, критические этюды и мысли. — М., 1885.

302 *...такие его рассказы, как "Окно в лесу"...* — Впервые опубл.: Слово, 1909, 11 мая.

303 *..."Волшебное безобразие"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Пламя, 1919, № 52. С. 13–14.

304 *..."Новый цирк"...* — Рассказ. Впервые опубл.: Синий журнал, 1913, № 47. С. 2–4.

305 *...клячу-одра...* — Одёр — старая, изнуренная лошадь.

306 *...патрон...* — Здесь: хозяин предприятия, фирмы.

307 *...пиют...* — Пошляк, фат, хлыщ.
308 *...Высших женских (Бестужевских) курсов.* — Высшие женские курсы — в дореволюционной России высшие учебные заведения для женщин. Готовили врачей и учителей. Бестужевские курсы (по имени их официального руководителя историка К.Н.Бестужева-Рюмина) были открыты в Петербурге в 1878 г.
309 *...в Женский Медицинский Институт.* — Единственное в дореволюционной России учебное заведение, дававшее женщинам высшее медицинское образование, открытое в 1897 г. в Петербурге. Ныне Петербургский медицинский институт.
310 *...Геологического Комитета...* — Главный геологический комитет — научно-административное учреждение России, основанное в 1882 г. в Петербурге для организации геологических исследований, содействия ведомствам и частным компаниям в использовании минеральных богатств.
311 *...общежитие КУБу...* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых (Цекубу) в 1920-е гг., оказывала помощь и литераторам.
312 *...твоему "Острову сокровищ".* — Произведение А.Грина с таким названием не известно.
313 *...прислал осенью "Сокровище африканских гор"...* — Роман. Впервые напечатан: М.; Л.: Земля и фабрика, 1925.
314 *...твои "Гладиаторы".* — Книга напечатана: М.: Недра, 1925.
315 *...тепло вспоминает "Алые паруса".* — В частной коллекции Сергея Лосева (Москва) сохранился экземпляр книги с автографом А.С.Грина, подаренный К.П.Калицкому.
316 *...к одному смертельно больному знакомому...* — Речь идет о Ф.К. Сологубе, о котором В.П.Калицкая написала мемуарный очерк (не опубл.).
317 *...из "Красной Вечерней"...* — Имеется в виду вечерний выпуск "Красной газеты" от 29 июля 1927 г. с рецензией на книгу А.Грина "Брак Августа Эсборна".
318 *...толчков давно нет...* — Имеется в виду большое землетрясение в Крыму в сентябре 1927 г. См.: Крымский альбом 2002: Альманах. [Вып. 7] — Феодосия; М.: Издат. дом "Коктебель". С. 72–111. [А.Никонов. Раненый Крым; Земля ходуном: Очевидцы о крымских землетрясениях 1927 года].
319 *...Амторг...* — Акционерное общество, учрежденное 1924 г. в Нью-Йорке; комиссионер-посредник экспорта и импорта товаров.
320 *...Ленгиз...* — Имеется в виду Ленинградское отделение государственного издательства РСФСР.
321 *...за проданный роман...* — Имеется в виду роман "Джесси и Моргиана". Ленгизом книга издана не была.
322 *..."На теневой стороне"...* — Первоначальное название романа "Дорога никуда".
323 *...клевету против меня.* — Суть конфликта не известна.
324 *...тетрадку...* — Имеется в виду тетрадь "Материалы для биографии А.С.Грина", заведенную В.Калицкой в 1927 г., где также делали записи А.Грин и Н.Грин.
325 *Даты, словом, расходятся.* — А.Грин и Н.Грин начали совместную жизнь 8 марта 1921 г., официально зарегистрировали брак 20 мая того же года.
326 *...за "Окно в лесу".* — Впервые книга напечатана: Полн. собр. соч.:

[В 15-ти т.]. — Л.: Мысль, 1929. Т. 8.

327 *...Г.П.У. ...* — Государственное политическое управление (ГПУ), орган по охране государственной безопасности.

328 *...биографию для юношества, для "Следопыта"...* — См. прим. 264.

329 *...в журнале я сочинил...* — Имеется в виду рассказ "История одного ястреба". См. прим. 265.

330 *...в Литературном фонде...* — Литературный фонд был создан в 1927 г. при Федерации Объединений сов. писателей с целью оказания помощи нуждающимся писателям. В правление Литфонда входили также представители профсоюзов, Наркомпроса и Госиздата.

331 *...книги моих автобиографических воспоминаний...* — См. прим. 269.

332 *...диккенсовский бесконечный процесс...* — Имеются в виду судебные процессы, описываемые в романе Ч.Диккенса "Холодный дом" (1853).

333 *...Урия Гип...* — Урия Хип — герой романа Ч.Диккенса "Дэвид Копперфильд" (1850).

334 *..."Фанданго"...* — См прим. 273.

335 *...общежитии Дома ученых...* — Дом ученых, культурно-просветительное учреждение, организованное в 1920 г. для улучшения быта ученых. Располагался по ул. Миллионной, 27.

336 *...послали Борису...* — Речь идет о Б.С.Гриневском, брате А.Грина.

337 *...материал...* — Имеются в виду автобиографические очерки "Одесса", "Урал", "Баку".

338 *..."Одесса"...* — Впервые автобиографический очерк "Одесса" опубл.: Звезда, 1931, № 3. С.136–168.

339 *...окончание "Урала"...* — Впервые автобиографический очерк "Урал" опубл.: Всемирный следопыт, 1930, № 12. С. 896–906.

340 *...высылает "Баку".* — Впервые очерк "Баку" опубл.: Звезда, 1931, № 4. С. 167–192.

341 *"Красная газета"...* — Основана в 1918 г., в 1939 г. влилась в газету "Ленинградская правда".

342 *...журнал "Вокруг света"...* — Издавался в 1885–1918 гг. В 1927 г. был возобновлен как двухнедельный журнал путешествий и приключений в издании ленинградской "Красной газеты".

343 *...повесть "Ранчо "Каменный столб""...* — Повесть впервые была напечатана в книге "Янтарная комната" (Л., 1961).

344 *...Ваша книга...* — О какой книге идет речь не установлено.

345 *..."Джесси"...* — Имеется в виду роман "Джесси и Моргиана".

346 *...№ 5 "Звезды"...* — В этом номере журнала гриновских публикаций нет.

347 *"Попутчики"...* — Распространенное в советской критике 1920-х гг. обозначение писателей, которые стремились служить идеалам социалистической революции или сочувствовали ей, но в своем миросозерцании нередко стоявшие вне рамок пролетарской идеологии.

348 *...заявление в Союз на пенсию и пособие...* — А.Грин пишет в Правление Всероссийского союза советских писателей заявление на пенсию и пособие 26 августа 1931 г.

349 *...tbc...* — Медицинское обозначение туберкулеза.

350 *...Московский Союз...* — Имеется в виду Московское отделение Всероссийского союза советских писателей.

351 *Путевки в Ялту тоже нет...* — В декабре 1931 г. А.Грин получа-

ет письмо из Союза писателей с предложением путевки в ялтинский санаторий, которая предоставлена не была.

352 *...Товарищество писателей купило книжку Саши...* — Имеются в виду права на издание книги "Автобиографическая повесть" (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932), выпущенную через четыре месяца, незадолго до смерти А.Грина.

353 *...этой хатки...* — Имеется в виду дом по ул. К.Либкнехта в Старом Крыму.

354 *...приедет жена Паустовского...* — Имеется в виду Валерия Владимировна Навашина-Паустовская.

355 *...а через месяц и он.* — В 1938 г. Н.Н.Грин по просьбе К.Г.Паустовского сняла для него, его жены и приемного сына Сережи комнаты в доме по адресу: ул. III Интернационала, 89 (ныне ул. Суворова, 133). Писатель жил там в мае–июне. В письме к Р.И.Фраерману 11 мая 1938 г. он писал: "...Весь Старый Крым в цвету, распускающихся орехах и каштанах... Неправдоподобный воздух (очень душистый, мягкий и прозрачный)..." В это время он работал над версткой книги "Повести и рассказы", которая была издана в 1939 г.

356 *...нет у Вас вражды ко мне...* — Н.Грин возражала против трактовки образа А.Грина в воспоминаниях В.Калицкой.

357 *...Вы находитесь в лагере...* — В 1948 г. Н.Грин находилась в Центральном пересыльном пункте Северного управления лагерей железнодорожного строительства (Печора).

358 *..."Волшебника из Гель-Гью"...* — Имеется в виду книга Л.Борисова "Волшебник из Гель-Гью. — Л.: Лениздат, 1945.

359 *...Мария Павловна...* — Имеется в виду Мария Павловна (Панайотовна) Гриневская, невестка А.Грина.

360 *...знаете от Марии Панайотовны.* — См. прим. 359.

361 *"Фантастические новеллы"...* — Впервые книга напечатана: М.: Сов. писатель, 1934.

362 *...труд об Александре Степановиче...* — Имеются в виду мемуары В.В.Смиренского о Грине.

363 *..."Новеллы"...* — Имеется в виду изд.: Грин А.С. Фантастические новеллы. — М.: Сов. писатель, 1934.

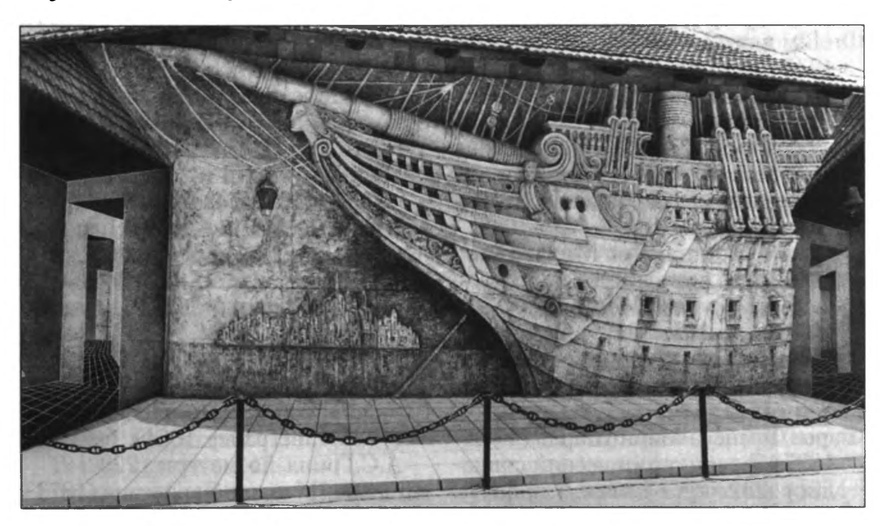
364 *...письмо от Корнелия Люциановича <Зелинского>...* — У автора ошибочно: Корнелий Александрович.

365 *...книги "Избранное"...* — Речь идет об изд.: Грин А.С. Избранное. — М.: Сов. писатель, 1941.

Именной указатель

В именной указатель включены лица, упоминающиеся в основном тексте книги, предисловии, комментариях, примечаниях и подписях к фотографиям. За рамками указателя остались библейские и мифологические персонажи.

Феодосийский литературно-мемориальный музей А.С.Грина

Русский писатель Александр Грин годы своей творческой зрелости провел в Феодосии. Здесь он создал романы "Золотая цепь", "Бегущая по волнам", "Джесси и Моргиана", "Дорога никуда".

В доме, где писатель жил в 1924–1929 годах, 9 июля 1970 года был открыт музей. Главным замыслом художника-оформителя Саввы Бродского и автора экспозиции Геннадия Золотухина было стремление создать "блистающий мир" воображения писателя, самую живописную грань его творчества — эстетику морских странствий. Небольшие комнаты-каюты со строгим интерьером темного дерева, насыщенные воздухом мечтаний, создают образ старинного парусного корабля.

Главная идея этого Дома была и есть — бескорыстие, соединение лучшего, "узнавание" близких родственных душ. Это музей Творчества. Так видел мир писатель. Поэтому его Дом вдохновляет поэтов, музыкантов, художников, актеров. Здесь прошли сотни выставок, презентации новых книг, встречи с литераторами, мастерами искусств.

С 1980 года музей проводит международные научные конференции "Гриновские чтения". Традиционными стали торжества в день рождения писателя (23 августа), День памяти (8 июля), Пушкинские дни поэзии.

Музей открыт для посещения с 10 до 18 часов
Выходной день — понедельник
Телефоны: +38-06562-35320; +38-06562-31309
98100. Украина. Крым, г. Феодосия, ул. Галерейная, 10

Книжная серия "Образы былого" основана в 2003 г.

Первой в серии выпущена книга воспоминаний Марии Степановны Волошиной "О Максе, о Коктебеле, о себе" (сост. В.Купченко). Затем серию продолжили: мемуарная повесть Анастасии Цветаевой "История одного путешествия" (сост. Г.Васильев, Д.Лосев, Г.Никитина), "Воспоминания об Александре Грине" второй жены писателя – Нины Николаевны Грин (сост. Н.Яловая, Л.Варламова, С.Колотупова), том юношеских стихов и дневниковых записей Максимилиана Волошина "Ювеналия" (сост. В.Купченко), книга писем Черубины де Габриак "Из мира уйти неразгаданной" (сост. В.Купченко, Р.Хрулёва), книги "Новомученики Феодосии", "Новомученики Бердянска" и "Священномученик Аркадий (Остальский), епископ Бежецкий" протоиерея Николая Доненко, мемуарный том Анны Бродской (Скадовской) "Воспоминания о русском доме: Адольф Бродский, Петр Чайковский, Эдвард Григ в мемуарах, дневниках, письмах современников" (сост. Е.Битерякова, М.Строганова), книга Анны Галиченко и Леонида Абраменко "Под сенью Ай-Петри: Ялта в омуте истории, 1920–1921 годы", том мемуаров и духовной поэзии 1920–1965 годов "История одной души" Наталии Ануфриевой (сост. Е.Данилов, Е.Арендт, Д.Лосев), книги Юрия Черниченко "Мускат белый Красного камня: Крымские очерки. Воспоминания. Заметки" и "Время ужина: Прерванная исповедь" (оба издания – сост. Д.Лосев).

Готовятся к выпуску: книга Зинаиды Шишовой "Сильнее любви и смерти: Воспоминания, стихотворения 1918–1956 годов, письма", сборник очерков Евграфа Кончина "Крымские розы пахнут горечью: Великая Отечественная война и музейные сокровища Крыма".

Содержание

Калицкая В.П.

К 17 Моя жизнь с Александром Грином: Воспоминания. Письма. /Сост. и подг. текстов Л.Варламовой, Н.Яловой, Д.Лосева. — Феодосия; М.: Издат. дом Коктебель, 2010. — 256 с.: ил. — (Образы былого. Вып. 14).

В книгу вошли мемуары Веры Павловны Калицкой (1882–1951), первой жены выдающегося русского писателя Александра Грина. Их знакомство состоялось весной 1906 года в Петербурге, в тюрьме "Кресты", куда Вера пришла к политзаключенному А.С. Гриневскому, назвавшись его "невестой". Эта встреча стала залогом большой любви. Воспоминания Калицкой — ценный документ, раскрывающий и дополняющий биографию писателя. В настоящее издание впервые включен полный текст мемуаров, помещена избранная переписка Веры Павловны с Александром и Ниной Грин. Большая часть писем публикуется впервые.

ISBN 978-966-2902-19-8 **ББК 83 3Р7**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "КОКТЕБЕЛЬ"

Лосеву Дмитрию Алексеевичу
Издательский дом "Коктебель"
Главпочта, а/я 55, г. Феодосия, Республика Крым,
Украина, 98100.
Тел.: (+38-06562) 7-63-64
(+38-050) 967-80-90

Институт стран СНГ
Издательский дом "Коктебель"
ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3, г. Москва, 109180.
Тел.: (+7-499) 168-14-47
(+7-916) 105-50-60

e-mail: 76364@rambler.ru

Серия "Образы былого"
Выпуск 14

Вера Павловна Калицкая

МОЯ ЖИЗНЬ С АЛЕКСАНДРОМ ГРИНОМ
Воспоминания
Письма

Редактор-издатель Д.А.Лосев
Верстка: Д.А.Лосев, С.Н.Починаева
Обработка иллюстраций: Л.П.Магас
Корректор А.А.Ненада
Сдано в набор 23.05.2010. Подписано к печати 18.08.2010
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная, финская. Печать офсетная
Тираж 2000 экз. Заказ № 1520
Свидетельство: ДК № 2775 от 23.02.2007 г.
Отпечатано в ООО "ПТО "Типография от "А" до "Я""
02660, г. Киев, ул. Коллекторная, 38/40

Издательский дом
«Коктебель»

Вера Павловна Калицкая (урожд. Абрамова, в замуж. Гриневская, 1882–1951) – первая жена выдающегося русского писателя Александра Грина. Их знакомство состоялось весной 1906 года в Петербурге, в тюрьме "Кресты", куда Вера пришла к политзаключенному А.С.Гриневскому, назвавшись его "невестой". Эта встреча стала залогом большой любви. На их совместную жизнь пришелся непростой период становления Грина как писателя. Вере Павловне посчастливилось первой читать его произведения, многие из которых были навеяны событиями их собственной жизни.

Воспоминания Калицкой о Грине – ценный документ, раскрывающий и дополняющий биографию писателя. В настоящее издание впервые включен полный текст мемуаров. Это подробный и честный рассказ, воспроизводящий многие детали и особенности жизни выдающегося писателя. Вера Павловна представила Грина таким, каким она сама его чувствовала и понимала, отобразила сложные и в то же время романтические годы их совместной жизни, выразила свой взгляд на его творчество, передала напряженную атмосферу литературной жизни начала XX века.

Во второй раздел книги вошли автобиография В.Калицкой и ее мемуарные очерки, публикующиеся впервые. Третий раздел составляет избранная переписка Веры Павловны с Александром и Ниной Грин. Их письма являют собой пример по-настоящему высоких отношений, которые они пронесли через всю жизнь. Большая часть писем публикуется впервые. Заключают книгу стихи А.Грина, посвященные Вере Павловне, и фрагмент воспоминаний Н.Грин о ней. Книга выходит в год 130-летия со дня рождения писателя.

